

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

В М О С К В А

ИЗДАНИЕ 1-е 1969

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1969

В сборнике освещаются новейшие открытия в области археологии на территории Узбекистана, а также вопросы древней и средневековой истории и истории культуры народов Средней Азии.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей и студентов факультетов общественных наук вузов, учителей истории средних школ и читателей, интересующихся прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Б. В. Лунин

История
материальной культуры
Узбекистана

Выпуск 8

Редакторы Л. Г. Накало, Р. И. Тимошева
Художник Ш. Булгаков
Технический редактор З. П. Горьковая
Корректор А. И. Айрапетова

P09453. Сдано в набор 17/II-69 г. Подписано к печати 8/V-69 г. Формат 60×90¹/₁₆-6,5
бум. л.—13,0. печ. л. Уч. изд. л. 12,0. Изд. № 2467. Тираж 1000 Цена 1 р.

Типография Изд-ва „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21. Зак. 45.
Адрес Изд-ва: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Яхъя Гулямович
ГУЛЯМОВ

*Посвящается 60-летию со
дня рождения академика
АН УзССР, доктора исто-
рических наук, заслужен-
ного деятеля науки Уз-
бекской ССР, профессора
Я. Г. Гулямова*

ЯХЬЯ ГУЛЯМОВИЧ ГУЛЯМОВ

Яхья Гулямович Гулямов родился 1 мая 1908 г. в Ташкенте. Его детские годы прошли в доме-интернате, куда он был принят после смерти отца. В 1917 г. Я. Г. Гулямов поступил в начальную школу и по окончании шестого класса (1923 г.) — в Узбекский мужской институт просвещения в Ташкенте (Узинпрос), который окончил в 1926 г., а в 1930 г. — в Узбекскую государственную педагогическую академию на общественно-экономическое отделение.

После завершения образования в Узинпросе Я. Г. Гулямов работал учителем начальной школы в Ташкенте. В 1928—1929 гг. Я. Г. Гулямов преподавал в Центральной советско-партийной школе в Самарканде, в 1929—1931 гг. — он ассистент при Кабинете истории Средней Азии, аспирант Узбекского научно-исследовательского института при Совнаркоме Узбекской ССР. С 1931 г. началась его систематическая преподавательская деятельность (педагогический техникум им. В. И. Ленина в Ташкенте), а с февраля 1933 г. — научная. В 1933—1940 гг. он — научный сотрудник и ученый секретарь Узбекистанского комитета охраны памятников старины и искусств (Узкомстариса). С этого времени Я. Г. Гулямов приобщается и к археологическим исследованиям, участвует в научных экспедициях и разведках. Первые публикации Я. Г. Гулямова появляются в начале 30-х годов, сейчас их общее число достигло семидесяти.

С 1940 г. начинается работа Яхьи Гулямовича в стенах

Узбекистанского филиала Академии наук СССР (с 1943 г.— Академия наук Узбекской ССР). С 1940 г. он работал здесь заведующим отделом археологии, а с 1943 г. и по настоящее время, вот уже на протяжении 25 лет,—заведующим отделом истории древних и средних веков Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР (с 20 ноября 1956 г. по 20 октября 1959 г. Яхья Гулямович был также и. о. директора названного института). Продолжая сочетать свою научную деятельность с педагогической, Я. Г. Гулямов много лет преподает в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами (лекционные курсы и занятия по истории и археологии).

Яхье Гулямовичу суждено было стать первым археологом-специалистом среди узбеков. Его самостоятельные археологические исследования (Хорезм) относятся к 1936 г. В 1933 г. Я. Г. Гулямов — участник Термезской (Айртамской) экспедиции под руководством М. Е. Массона. В 1934 г.—участник Зарафшанской археологической экспедиции под руководством проф. А. Ю. Якубовского. С 1938 г. Я. Г. Гулямов работает в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института истории материальной культуры АН УзССР под руководством С. П. Толстова.

В 1943 г. Я. Г. Гулямов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Хива и ее памятники», а в 1950 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: «История орошения Хорезма с древнейших времен до настоящих дней» (изданную в 1957 г. на русском языке и в 1959 г. на узбекском).

19 марта 1955 г. Высшая аттестационная Комиссия утвердила Я. Г. Гулямова в ученом звании профессора.

5 октября 1956 г. Я. Г. Гулямов был избран членом-корреспондентом АН УзССР, а 25 февраля 1966 г.—академиком Академии наук Узбекской ССР.

18 июня 1958 г. Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Я. Г. Гулямову в связи с 50-летием было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

По словам старейшего среднеазиатского археолога, доктора исторических наук В. А. Шишкина, «Я. Г. Гулямов из рядового научного сотрудника вырос в маститого ученого, хорошо известного своими научными трудами по археологии»¹.

Научные интересы Я. Г. Гулямова разносторонни, но в центре их три основные проблемы: история орошения Узбекистана с древнейших времен до наших дней, история первобытной культуры в Узбекистане и история Средней Азии (до-революционный период).

Следует особо отметить, что научные работы Я. Г. Гулямова и его соратников по истории орошения Узбекистана приобрели также весьма серьезное народнохозяйственное значение, поскольку в процессе этих работ были выявлены и зафиксированы крупные земельные массивы древнего искусственного орошения, пригодные для данной цели и в наши дни (западная часть Бухарского оазиса, низовья Кашкадарьи, район Нурата и др.).

Важно отметить, что Я. Г. Гулямов руководит работой ряда археологических отрядов (состоящих преимущественно из представителей молодого поколения археологов), в итоге которой на протяжении последних лет открыт и обследован ряд стоянок времени неолита и бронзового века в низовьях Зарафшана и в других районах Узбекистана. Я. Г. Гулямов — один из авторов и редактор книги «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана» (1966), материалы которой внесли много нового в науку. Эту книгу, по словам рецензента, «с таким нетерпением ждали не только археологи Средней Азии, но и специалисты по истории широкой зоны степей Евразии... Выход книги... является крупным научным событием», а само «открытие культуры на Махандарье — огромным достижением авторов... книги»². Научная значимость этих открытий и первых выводов авторов по изучению найденных вещественных материалов подтверждается возникновением в среде археологов оживленного обме-

¹ Протокол № 1 заседания Ученого Совета Института истории и археологии АН УзССР 4 января 1966 г., стр. 3—4 (машинписный экземпляр).

² «Советская археология», 1968, № 2, стр. 302.

на мнениями по затронутым в книге важным научным вопросам и проблемам.

С именем Я. Г. Гулямова связаны, в частности, раскопки получившего широкую научную известность могильника Заман-Баба.

Я. Г. Гулямов руководит также Ташкентским и Ферганским археологическими отрядами, специализировавшимися в сфере преимущественного изучения памятников палеолита и неолита. С работой Ташкентского отряда связано открытие известной многослойной пещерной стоянки Обирахмат мустьерского времени, расположенной в юго-западных отрогах Тянь-Шаня, в 70 км от Ташкента, с работой Ферганского отряда — обнаружение неизвестных ранее палеолитических и неолитических стоянок.

Среди работ Я. Г. Гулямова, остающихся пока в рукописи, следует назвать: «Оссуарные погребения в Узбекистане», «История Хорезма» (популярный историко-культурный очерк), «История народов Узбекистана до нашествия арабов» и др.

Я. Г. Гулямов — ответственный редактор ряда книг и многих изданий («Бабур-наме», Ташкент, 1947; А. Р. Мухамеджанов и Т. Нигматов — «Некоторые источники к истории взаимоотношений Бухары и Хивы с Россией», Ташкент, 1957; «История Узбекской ССР», однотомник на узбекском языке, Ташкент, 1958; Х. Зияев — «Средняя Азия и Сибирь», Ташкент, 1963; В. А. Шишкин — «Варахша», Москва, 1963; Т. Кадырова — «Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане», Ташкент, 1965; Х. Зияев — «Средняя Азия и Поволжье», Ташкент, 1965; — «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях реки Зарафшана», I, Ташкент, 1966 и др., всего до двадцати изданий).

Я. Г. Гулямов — один из авторов и член главной редакционной коллегии четырехтомного (нового и дополненного) издания «Истории Узбекской ССР» (1967—1968).

Значителен вклад Я. Г. Гулямова в дело подготовки квалифицированных кадров ученых. Под его руководством около тридцати ученых и преподавателей вузов успешно защитили кандидатские диссертации по археологии и истории Узбекистана.

В настоящее время Я. Г. Гулямов является председателем Объединенного Ученого совета Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР по приему и защите докторских диссертаций и председателем Ученого совета Института истории и археологии АН УзССР по защите кандидатских диссертаций.

Я. Г. Гулямов — участник многих научных съездов, конференций и совещаний, активный распространитель знаний. Много раз выступал со своими лекциями, докладами и беседами перед массовой аудиторией в городах и кишлаках Узбекистана, а также по радио и телевидению.

Я. Г. Гулямов награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне Советского Союза», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ АКАДЕМИИ НАУК УЗССР в 1966 г.

1966 г. ознаменовался созданием в Узбекистане Республиканского общества охраны памятников материальной культуры и истории. На I учредительном съезде Общества, проведенном 30 марта 1966 г., Советом Министров УзССР были приняты постановления: 1) об объявлении городища Афрасиаб археологическим заповедником и об улучшении его археологического изучения; 2) о проведении юбилея города Самарканда в связи с 2500-летием со дня основания.

Создание Общества и вовлечение широких кругов советских граждан в ряды энтузиастов охраны и фиксации памятников материальной культуры и истории — отрадное явление в нашей археологической практике.

Указанные выше постановления правительства основаны на результатах работ археологов в Самарканде. Археологические работы на Афрасиабе велись в 1966 г. под общим руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Шишкина в трех направлениях:

I. Углубление и расширение работ по выяснению хронологической стратиграфии культурных наслоений Афрасиаба. Исследования вели С. К. Кабанов, М. И. Филанович, Г. В. Шишкина и Н. Б. Немцева на северном северо-западном и южном участках городища, на которых начальные (нижние) слои дали археологический материал, соответствующий VI—V вв. до н. э. Это закрепляет общие высказывания о возрасте и исторической топографии древнего Самарканда и крайне важно для обоснования положения, что городище Афрасиаб в первой стадии своего возникновения имело характер городского поселения.

II. Велись раскопки по выяснению южной границы предполагаемого дворца Ихшидов Самарканда VII в. н. э. Обнаружены ряды полуразрушенных и почти однотипных по-

мещений со следами сводчатых перекрытий. Встречаются остатки белой штукатурки, иногда фрагменты красочной стенной росписи, следы пожаров. Обнаружены остатки канализации из керамических труб (кубуров), имеющей уклон в южном направлении. При прослеживании линии канализационного сооружения под зданием дворца обнаружались культурные наслоения I—II в. н. э. (кушанский период).

При первом же расширении этого раскопа на восток археологи Т. Агзамходжаев, Г. Дадабаев и архитектор В. А. Нильсен встретили пролом западной стены большого помещения с великолепным резным деревянным перекрытием. Здание было сожжено дотла; потолок рухнул и догорел до состояния угля. В помещении на глинобитных лежанках найдены три прекрасные деревянные женские фигурки, к сожалению, тоже обуглившиеся. На стенах помещения видны следы гладкой обработки их поверхности и признаки стенной росписи, сильно пострадавшие от пожара. Высказывались предположения о культовом назначении помещений. На это указывает наличие деревянных резных статуй. Возможно, пожар помещения был вызван арабами-мусульманами, завоевателями и новыми хозяевами внутренней части города. В северной стене хорошо виден дверной проем в соседнее помещение, которое еще не вскрывалось.

III. Наряду с изучением некоторых участков на территории дворца, проводились опытные работы по консервации стенных росписей и изоляции их от разрушительного действия солей. Некоторые химические препараты, примененные лабораторией Института истории и археологии АН УзССР по реставрации и технологическому анализу памятников древности, дали обнадеживающие результаты. Осенью 1966 г. лаборатория поставила на месте ряд опытов на долговечность, на солеустойчивость, на сохранение тонов красок, на монолитность основы и т. п. Результаты таких опытов, безусловно, обеспечат в ближайшем будущем возможность смелого вскрытия остальных площадей дворцовых стен на Афрасиабе с их замечательными росписями.

Для решения этой актуальной научной проблемы необходимы совместные усилия лабораторий, музеев, научно-исследовательских институтов Ленинграда, Москвы, Ташкента и братских республик.

Ферганский палеолитический отряд в 1966 г. продолжил поисковые работы в верховьях р. Сох в Ферганской долине. В предыдущие годы установлено, что внутрипойменные навесы по Соху и другим саям южной Ферганы в мустьерское время были обитаемы. Наличие воды, густых зарослей, защи-

та от холодных ветров ледникового периода, конгломератов обеспечивали благоприятные условия для обитания больших групп первобытных охотников и собирателей.

Надпойменные террасы, как полагают археологи, служили местами обитания людей в летние месяцы, так как в пойме кишели комары и создавались угрожающие летние паводки. В этих местах найдено много мустьерских орудий. Попутно с обследованием древних поселений старого Соха археологи поднялись к Хайдаркану по долине сая Обишир, одного из левых притоков р. Сох.

На южном склоне горы Обишир обследованы пещеры с культурными отложениями. Разведывательные шурфования подтвердили заселение этих пещер первобытными людьми (мезолит и неолит). Сотрудники отряда высказывают предположение, что высокогорные пещеры в долине Обишир не могли быть использованы людьми в ледниковый период. Человек мог продвинуться выше лишь по мере смягчения климата.

Продолжалось изучение древних мастерских по изготовлению каменных орудий, шахт по добыче кремня в районе Учтут в горах Каратау около г. Навои. В 1966 г. в работах отряда, возглавляемого М. Р. Касымовым, принимали активное участие ленинградские специалисты по изучению технологии обработки каменных орудий — профессор С. А. Семенов и канд. ист. наук Г. Ф. Коробкова.

Интересные результаты получены приташкентской археологической группой в составе У. Исламова, Г. Дадабаева, А. Кабирова и др. Она занималась в основном историей ирригационного освоения северного приташкентского района. В процессе отыскания культуры доирригационного периода удалось обнаружить остатки первобытных поселений. Стоянка мезолитического времени расположена в западной части современного Ташкента на урочище Кушилиш над поймой древнего естественного протока, образовавшегося за счет родниковых вод. На урочище старого озера Ачкикуль (Соленое озеро) на северо-западной окраине и на урочище Яна-рык на северо-восточной окраине Ташкента найдены следы поселений эпохи бронзы. В том же районе разведочными раскопками на бугре Моголтепа обнаружены культурные отложения на месте поселения оседлых земледельцев IV в. н. э.

Большое внимание, уделяемое партией и правительством развитию археологических исследований, рост инициативы народных масс и местных органов власти по охране памятников материальной культуры и истории способствуют дальнейшему расширению археологических работ на территории Узбекистана.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ КАРАКАМЫШСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Статья основана на типологическом методе исследования археологического материала палеолитического местонахождения в районе Каракамыш Ташкентской области¹.

Анализируя технические признаки каменных изделий данного объекта, можно отметить совокупность двух существенных моментов—формы заготовок и характера отделок рабочего края.

Наличие нуклеусов, а также отщепов и пластин среди коллекции Каракамыша дает возможность охарактеризовать первичную стадию обработки кремня, т. е. восстановить в общих чертах приемы раскалывания кремневого сырья. Например, один из представленных в каракамышском комплексе нуклеусов имеет дисковидную форму, диаметр его — 5,0 см, толщина 2,8 см. На выпуклой стороне хорошо выражены негативы радиально направленных сколов. На одной из плоскостей сохранились следы подготовки и подправки специальной (*privilegie*)² ударной площадки. Данный нуклеус использован в качестве скоблящего орудия.

От наиболее выразительных среди каракамышского материала нуклеусов были сняты отщепы (рис. 1). Один из отщепов (рис. 1, 1) укороченный, размером 4,0×4,5×1,2 см, на его спинке сохранились следы радиального огранения, сделанного на нуклеусе. Ударная площадка двугранная. Угол ударной площадки к брюшной плоскости равен 100°, ось отщепа отклонена от оси удара на 10°.

Второй отщеп из кремнистого сланца темно-серого цвета

¹ Каракамышский материал передан в Музей истории культуры и искусства УзССР (Самарканд) геологом А. М. Анбоевым.

² Французские термины употреблены согласно работе Ф. Борда *Typologie du paléolithique ancien et moyen. Mémoire, Nol, Bordeaux, 1961.*

имеет треугольную форму (рис. 1, 2). Негативные следы ударов на верхней стороне отщепов имеют некоторое параллельное направление, говорящее о последовательном скалывании подобных отщепов от одного участка края нуклеуса. Поэтому

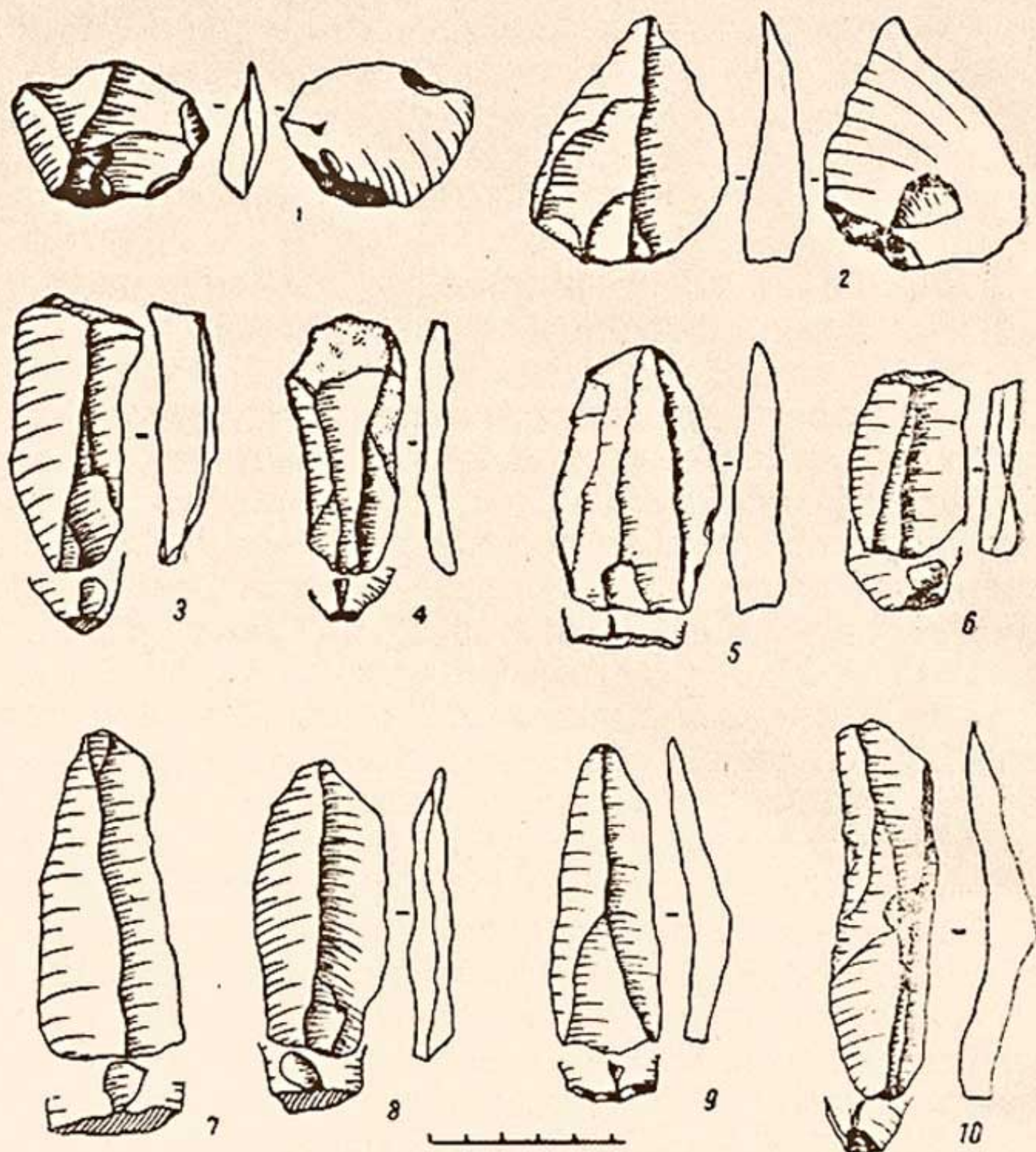

Рис. 1. Каракамыш. Заготовки орудий:

1, 2—отщепы; 3—10—пластины.

образовалась извилистая фасетированная ударная площадка. Длина отщепов 6,5 см, ширина 5,2 см и толщина 1,2 см. Угол ударной плоскости к брюшку равен 95° .

Так как точка удара расположена немного сбоку по отношению к длинной оси заготовки, ось изделия не совпадает с ней. Эти отщепы свидетельствуют об архаичной дисковидной технике расщепления.

Морфологические признаки пластин каракамышского материала напоминают нам типичные пластины мустьерской стадии с леваллуазской техникой расщепления. Пластины же

скалывались уже не с дисковидных нуклеусов, где расщепление заготовок производилось с любой точки края диска, а с нуклеусов нового типа, где ударная площадка подготавливалась на одном участке и пластины данной точки снимались с параллельным ограничением спинок. Длина пластин превосходит их максимальную ширину в два раза.

Пластины каракамышского материала мы подразделяем по ограничению спинок на двускатные (рис. 1, 7, 8), трехскатные (рис. 1, 3, 4, 6) и четырехскатные (рис. 1, 5). На всех пластинах ударные площадки гладкие, кроме одной сугубо леваллуазской, у которой ударная площадка фасетирована.

Характерно то, что на каракамышских пластинах угол ударной площади к брюшку не превышает 95° , что говорит о морфологической категории перехода мустьерской техники с леваллуазской фации к элементам верхнепалеолитической техники. В большинстве случаев ударные площадки помещены в центре основания.

Двускатные пластины имеют размеры $8,5 \times 4,0 \times 2,2$ см (см. рис. 1, 7) и $8,2 \times 2,8 \times 1,2$ см. (рис. 1, 8). Обе пластины из кремнистого известняка. Размеры трехскатных пластин варьируют от $7,5 \times 2,6 \times 1,7$ см до $10,3 \times 2,3 \times 1,2$ см. У одной из этих пластин (рис. 1, 4) на спинке частично сохранились остатки естественной корки, изделие имеет правильную форму. Такого типа заготовки называются атипичными⁴.

Пластинчатые сколы треугольных очертаний (рис. 1, 5, 9), размеры которых $7,3 \times 3,6 \times 1,2$ см и $8,5 \times 2,8 \times 1,2$ см, получены в результате снятия со специального нуклеуса (нуклеус *levallois à pointes*). Угол ударной площадки к брюшку на обеих пластинках равен 95° .

Путем вторичной обработки заготовок каракамышским первобытным обитателем создавались орудия, выполнявшие определенные функции. Вторичная обработка технически формировала путем ретуши рабочее лезвие, изменяла процесс заострения орудий и внешние признаки самой ретуши. Орудия из Каракамыша морфологически можно разделить на три основных типа.

Выемчатое орудие (*outils á encoches*) на дисковидном нуклеусе со скоблящим лезвием, глубина образования выемки 5 мм, ширина выемки 2,6 мм. Два экземпляра скобеля (рис. 2, 2, 3) на кремневых отщепках светло-коричневого цвета патинизировано. Одна выемка образована со стороны спинки (рис. 2, 2), а другая—со стороны брюшка (рис. 2, 3).

⁴ F. B o r d e s. Typologie du paléolithique... p. 17, F. B o r d e s et M. B o u r g o n. Le complexe moustérien: L'Anthropologie, t. 55, No 1—2, 1951, p. 4.

Размеры одной — $3,5 \times 3,0 \times 0,8$ см, ширина выемки — 16 мм, глубина — 3 мм. Размеры другой — $4,2 \times 3,6 \times 1,0$ см, ширина — 20 мм, глубина — 30 мм.

Выемки на обоих изделиях созданы крупной, параллельной, глубокой, многофасеточной ретушью.

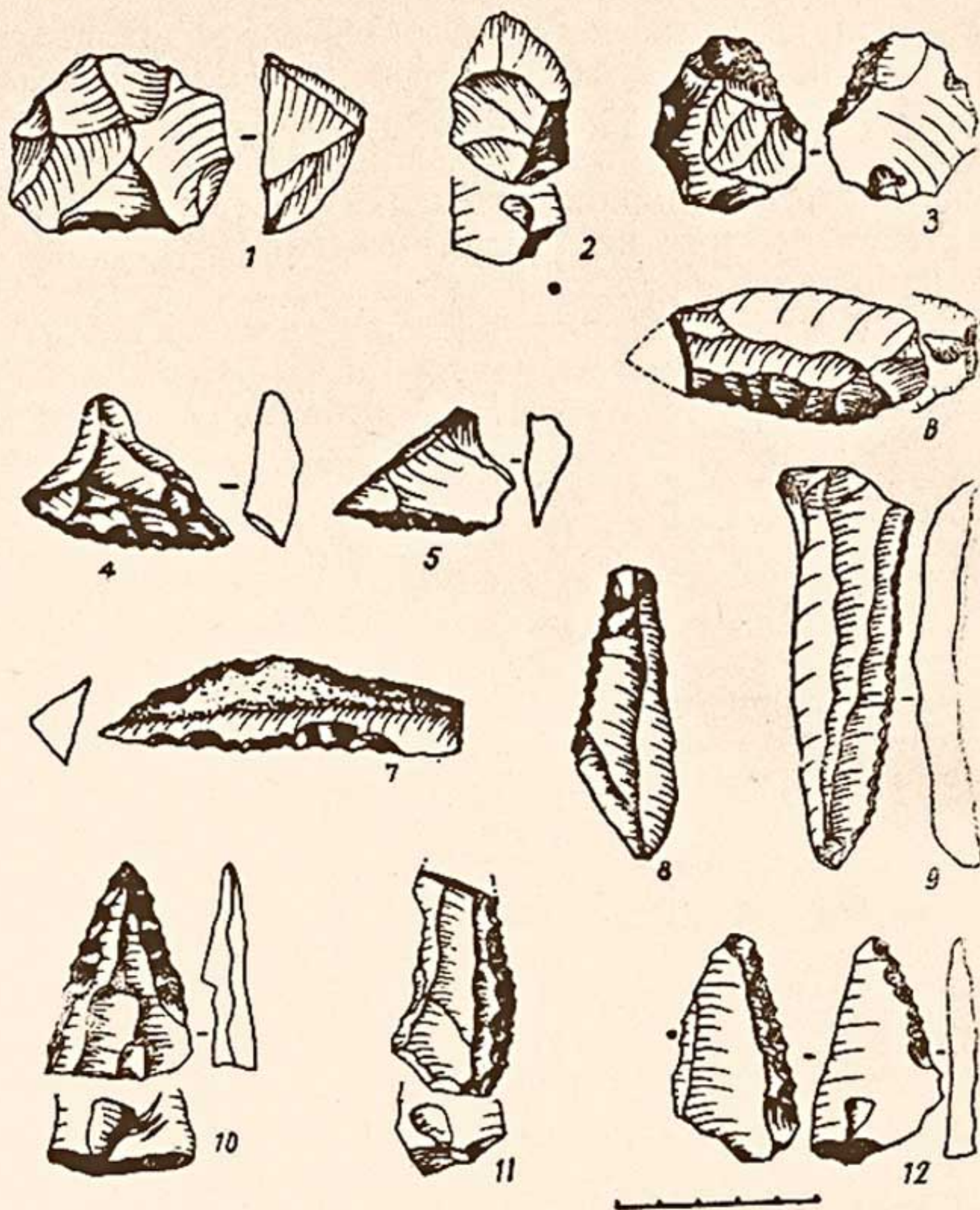

Рис. 2. Каракамыш. Кремневые орудия:

1—скоблящие орудия на нуклеусе; 2, 3—скобели; 4—7, 11—скребла; 8, 9—пластины с ретушью; 10, 12—остроконечники.

Аналогию подобным скобелям можно найти среди орудий из Кульбулака⁵. Среди карамышской коллекции типично 2 мустьерских скребла и 4 скребловидных орудия. Одно из скребел (рис. 2, 6) с выпуклым рабочим краем (*gascloirs sim-*

⁵ М. Р. К а с ы м о в. Памятники каменного века в долине Ангrena, ОНУ, 1967, № 2, стр. 57—58.

ples convexes) на отщепе, острый конец которого сломан в древности. Скребло имеет форму, характерную для типа Лякина. Широкое выпуклое лезвие оформлено типично мустьерской крутой, уступчатой «с заломами» ретушью. Размеры скребла $6,4 \times 3,4 \times 1,2$ см. Угол ретуши равен 50° .

Другое скребло сделано на обломке кремня светло-коричневого цвета (рис. 2, 4). Ретушь глубокая, также мустьерская с «карнизом». Размер изделия $5,5 \times 3,5 \times 1,4$ см. Скребловидные орудия представляют собой фрагменты пластин (рис. 2, 8, 9) и обломок кремня (рис. 2, 5) с нанесенной на них с одного продольного края мелкой ретушью. Пластина с ретушью (рис. 2, 7) на двух продольных краях, которая более глубока в дистали (distale).

Наиболее характерные изделия из Каунчи (недалеко от Каракамыша) — это скребло и два остроконечника. Скребло с выпуклым лезвием на кремневом отщепе коричневого цвета (рис. 2, 11). Ретушь типично мустьерская с заломами. Угол ретуши рабочего края скребла равен 50° .

Остроконечники сделаны из треугольных отщепов с двух- и трехскатным ограничением. На одном из них крупная мустьерская ретушь нанесена со стороны спинки на обеих продольных краях. Размер остроконечника $5,2 \times 3,4 \times 1,2$ см, угол ретуши равен 40° .

Второй остроконечник с противоположащей ретушью, степень и формы ретушировки аналогичны первой. Размер данного артефакта $5,4 \times 1,9 \times 2,2$ см. Остроконечники с подобными морфологическими чертами из Каунчи и пластины как из Каракамыша были найдены в верхних слоях пещеры Тешикташ⁶, имеются среди материала из Кайраккумов⁷, их также можно найти среди коллекций из леваллуа-мустьерских отложений гротов Эс-Скул и Эт-Табун на горе Кармел в Палестине⁸, среди атерийских комплексов близ Харга в Египте⁹.

Таким образом, морфологический анализ заготовок и орудий из коллекций Каракамыша и Каунчи в некоторой степени дополняет технико-типологическую схему изучения материалов палеолитических памятников Средней Азии, в частности Узбекистана.

⁶ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешикташ, Южный Узбекистан, сб. «Тешикташ», Палеолитический человек, 1949, стр. 7—85.

⁷ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайраккумов, Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1962, стр. 3—89.

⁸ D. Garrard. The Stone Age of Mount Carmel Excavations et the Wady el Mughars, Vol. 1, Oxford, 1937.

⁹ G. Caton-Thompson. Kharga Oasis in Prehistory, London, 1952.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Т. М. МИРСААТОВ

О ПОКАЗАТЕЛЕ l/m КАК КРИТЕРИИ ОТЛИЧИЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ РАСЩЕПЛЕНИЯ КРЕМНЯ ОТ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ

Переход от мустьерской стадии развития к верхнепалеолитической почти повсеместно был ознаменован в технике выделки каменных орудий переходом от расщепления каменным отбойником к расщеплению с помощью посредника или отжимника. Это фундаментальное нововведение позволяло человеку получить правильные ножевидные удлиненные заготовки для своих орудий и экономно использовать сырье. Это новшество было не внезапным изобретением, а результатом долгого развития нижнепалеолитической техники. В мустьерскую эпоху получают широкое распространение одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы для пластинчатых удлиненных сколов. Параллельные сколы, нанесенные с одной или двух противоположных площадок, придают им систематическую и устойчивую форму, они морфологически родственны верхнепалеолитическим нуклеусам и явились предковой их формой¹. В этом смысле технику одноплощадочных и двуплощадочных нижнепалеолитических нуклеусов можно назвать «протопризматической». Она давала правильные пластинчатые заготовки, но возможности каменного отбойника были ограничены в этом отношении, и удлиненные заготовки оставались редким исключением, а между тем, именно они и отвечали требованиям хозяйства при переходе к эпохе верхнего палеолита.

Заготовки при древней технике каменного отбойника не могли по своей длине превышать определенного предела по той причине, что удар жестким отбойником при большой сообщаемой энергии был очень кратковременным, при увеличе-

¹ М. З. П а н и ч к и н а. Палеолитические нуклеусы, Государственный Эрмитаж, Археологический сборник, вып. I, Л., 1959; В. П. Л ю б и н. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий, МИА, № 131, М.—Л., 1965.

нии же силы удара нуклеус дробился. Но удлинения сколов можно было добиться путем изменения сообщаемой энергии за счет увеличения времени импульса, а не силы его. Средством увеличения времени импульса явился посредник. К идее посредника нетрудно было прийти через употребление мягких отбойников из рога, кости, плотных пород дерева. Но сравнительная легкость и упругость этих материалов потребовала дополнительной энергии удара. Так выработалась техника посредника, которая сразу привела к появлению удлинённых и правильных призматических нуклеусов и заготовок.

При изучении памятников переходной поры от мустье к верхнему палеолиту особенно важно установление точной границы между призматической техникой и протопризматической, которая сначала дополняется первой, а затем замещается ею полностью. Характер ударной площадки и бугорка, профиль заготовки и другие качественные признаки не могут служить точным критерием. Наиболее объективный показатель в этом отношении — пропорции заготовок, тенденция развития которых породила призматическую технику. Критерием является предел возможностей каменного отбойника, т. е. степень максимальной удлинённости пластин, сколотых с протопризматических нуклеусов.

С целью выяснения предельной возможности протопризматической техники авторами (после длительной предварительной тренировки и выяснения особенностей протопризматической техники) была проведена серия экспериментов, в результате которых было получено тридцать пластинчатых заготовок. Сырьем служил меловый кремний, отбойниками — окатанные песчаниковые гальки². Целью эксперимента было получение максимально удлинённых сколов. Рабочие плоскости одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов рассчитывались таким образом, что длина их всегда оставалась большей, чем самый длинный скол, и пропорции нуклеусов не могли служить препятствием удлинённости заготовок. Все зависело от удара каменным отбойником.

Полученная серия заготовок (30 экземпляров) была измерена по максимальной длине l и максимальной ширине m и выведены отношения длины к ширине $\frac{l}{m}$, принятые нами за показатель пропорции заготовки. Толщина скола также имеет значение для его удлинённости, но нами она не учитывается, так как не имела существенного значения для древнего мастера, хотя наши сколы в целом массивнее верхнепалеолитиче-

² Экспериментальные работы проводились при Лаборатории первобытной техники в ЛОИА АН СССР под руководством проф. С. А. Семенова.

ских пластин. Данные представлены в табл. 1 (измерения в мм, значения $\frac{l}{m}$ округлены до 0,5).

Заготовки имеют прямолинейные угловатые очертания, два наиболее удлиненных экземпляра сломались при отщеплении.

Таблица 1

l	m	l/m	l	m	l/m	l	m	l/m
60	40	1,5	98	54	2	55	30	2
60	32	2	58	52	1	40	41	1
67	32	2	70	40	1,5	72	3	3,5
53	31	1,5	60	21	2,5	57	30	2
46	30	1,5	65	45	1,5	50	33	1,5
50	26	2	83	60	1,5	55	40	1,5
61	29	2	95	47	2	80	43	2
95	30	3	84	35	2,5	81	33	2,5
47	17	3	97	41	3,5	62	21	3
75	25	3	92	35	2,5	67	28	2,5

На графике (рис. 1) представлен полигон распределения показателя $\frac{l}{m}$ экспериментально полученной серии пластин

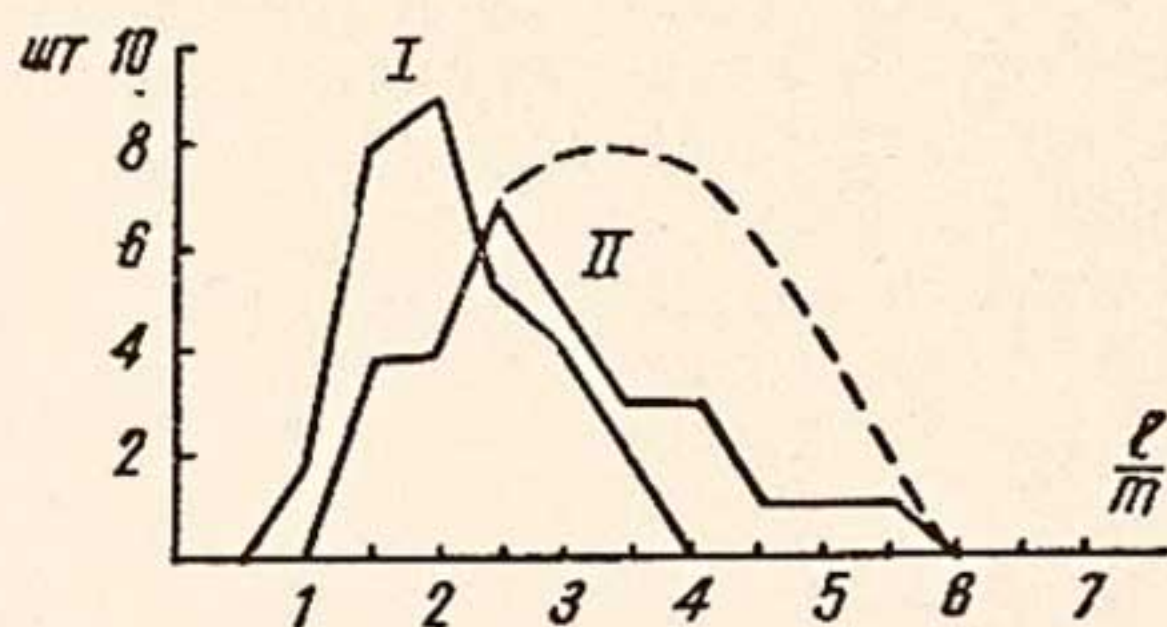

График распределения показателя l/m пластин: протопризматической техники—полигон I (экспериментальная серия) и призматической техники—полигон II (выборочная совокупность VII слоя Обирахмата). По вертикальной шкале графика отложены количества пластин, по горизонтальной—значения.

протопризматической техники (кривая 1). Распределение близко к нормальному, вершина его приходится на значение $\frac{l}{m} = 2$, полигон сильно вытянут по вертикали и имеет амплитуду от 1 до 4. Для нас особое значение имеет ниспадающая ветвь кривой. Восходящая представлена короткими сколами и может иметь какой угодно профиль. Ниспадающая же ветвь, дающая равномерное уменьшение значения

значения $\frac{l}{m}$ от 2 до 4, представляет собой предельную возможность каменного отбойника, его физический предел. Она и является критерием, позволяющим отделить призма-

тическое расщепление на любой стоянке и выявить степень его развития.

Среднее значение распределения 1 (кривая 1), вычисленное по формуле $\hat{x} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^k n_i x_i$, равно $\hat{x} = 2,1$, т. е. почти совпадает с вершиной кривой, стандартное отклонение $\sigma = \frac{1}{N} \sum n_i x_i^2 - \hat{x}^2$ равно $\sigma = 0,48$. Тот факт, что наибольшая частота приходится на значение $\frac{l}{m} = 2$, прочно доказывает пользу маркирующего критерия Ф. Борда, введенного им интуитивно для разделения заготовок на отщепы и пластины³.

Значимость этого экспериментально установленного предела $\frac{l}{m}$ особенно четко выявляется при сопоставлении его с материалами палеолитических стоянок. Интересно в этом отношении положение грота Обирахмат — памятника переходной поры от мустье к верхнему палеолиту. Для анализа из материала VII слоя отложений грота была составлена выборка заготовок в объеме 30 экз. Это — выборочная совокупность заготовок призматического скалывания с параллельными гранями на спинке. В табл. 2 представлены данные l , m и $\frac{l}{m}$ этой совокупности, а на графике полигон II представляет распределение значений $\frac{l}{m}$ ее.

Отличие двух кривых на графике ясно и не вызывает сомнений. Полигон пластин Обирахмата сжат по вертикали и растянут по горизонтали, вся кривая значительно сдвинута в сторону увеличения значения $\frac{l}{m}$ и максимальное значение достигает 5,5. Обращает на себя внимание асимметрия кривой: восходящая ветвь ее крута, а нисходящая — полого, вершина ее ближе к малым значениям. Это — следствие того, что значительная часть заготовок в Обирахмате (не менее 1/3 от общего количества), наиболее удлиненных и правильных, была превращена в орудия: ретушированные пластины, резцы и т. п. Поэтому картина соотношения различных пропорций оказалась искаженной. Естественно, что эта деформация в генеральной совокупности отразилась и в выборочной. Кривая, которая должна была бы отразить истинное первоначальное соотношение пропорций (обозначена на графике пунктир-

³ F. B o r d e s. *Typologie du paléolithique ancien et moyen*, *Memoire* № 1, Bordeaux, 1961.

ной линией) Обирахмата, видимо, приближалась к нормальной и имела, несомненно, вершину в центре где-то у значения $l/m = 3$. Но и полученная деформированная кривая не оставляет сомнений в принципиальном отличии ее от полигона I, среднее значение ее $\hat{x} = 28$, т. е. сдвинуто почти на целую единицу (на самом деле оно было около 3). Вычисление стандартного отклонения для искаженной кривой нехарактерно и не дает ожидаемых результатов.

Явление асимметричности распределения пропорций заготовок мы наблюдаем в материалах всех стоянок. Стоянки, имеющие призматическую технику расщепления с помощью посредника, дают кривые, сдвинутые влево от ниспадающей ветви полигона I, а при технике каменного отбойника они сдвигаются вправо от него. В этом отношении кривые распре-

Т а б л и ц а 2

l	m	l/m	l	m	l/m	l	m	l/m
98	32	3	61	23	2,5	30	20	1,5
107	42	2,5	39	19	2	98	26	4
60	22	2,5	50	17	3	43	19	2,5
98	28	3,5	55	22	2	71	50	1,5
67	22	3	25	5	5	68	30	2,5
75	43	1,5						
73	15	5	15	8	2	98	17	5,5
85	29	3	55	19	2,5	63	30	2
69	17	4	80	32	2,5	85	23	4
						66	23	3
49	31	1,5	94	25	3,5	107	22	4,5
			105	33	3,5			

деления пластинчатых заготовок Тешикташа, мустьерских стоянок Южной Ферганы, Кульбулака будут несомненно правее полигона I, а пропорции Хаджикента — левее, ближе к Обирахмату⁴.

⁴ А. П. Окладников. Тешик-Таш, Палеолитический человек, М., 1949; Он же. Хаджикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, вып. 82, 1961; М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангrena, ОНУ, 1967, № 2; Он же. Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г., ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.

М. Р. КАСЫМОВ, О. М. РОСТОВЦЕВ

МАСТЕРСКИЕ КАМЕННОГО ВЕКА
В ДОЛИНЕ р. АНГРЕН

Долина р. Ангрен — одно из богатых и живописных мест Узбекистана, где рассеяны многочисленные археологические памятники, начиная с эпохи палеолита и до средневековья включительно. Однако до недавнего времени памятники эпохи камня здесь не были известны. Имелось лишь сообщение о единственной находке каменного изделия на правом берегу Алмалыкская в окрестности кишл. Джанибек¹. Впервые памятники этого времени были открыты в 1962 г. в окрестностях кишл. Самарчук и Аблык юными краеведами-археологами г. Ангrena. По их сообщениям, палеолитический отряд Института истории и археологии АН УзССР неоднократно обследовал юго-восточные склоны Чаткальского хребта². В результате полевых работ были обнаружены стоянка Кульбулак и несколько кремнеобрабатывающих мастерских. Последние расположены на правом берегу р. Ангрен у выходов палеогеновых и меловых пород в тех местах, где выходы сырья прорезаны горными ручейками — Кызылалмасай, Гыштсай, Карабагсай и др.³ В мастерских найдено большое количество каменных изделий, характеризующих деятельность первобытного человека.

Рассмотрим некоторые из них.

Кызылалма I расположена у выходов сырья на левом берегу Кызылалмасая. На площади примерно 60×100 м преобладают бесформенные обломки и осколки кремня, среди

¹ М. Е. Массон. Ахангаран, Ташкент, 1953, стр. 11.

² М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангrena, ОНУ, 1967, № 2, стр. 57—58.

³ С. Ф. Машковцев. Геологическое описание восточной части Ташкентского листа, Труды ЦНИГРИ, вып. 27, М.—Л., 1953, стр. 106—107.

которых подобрано нами 70 экземпляров, расколотых человеком.

По технике обработки и степени сохранности их можно

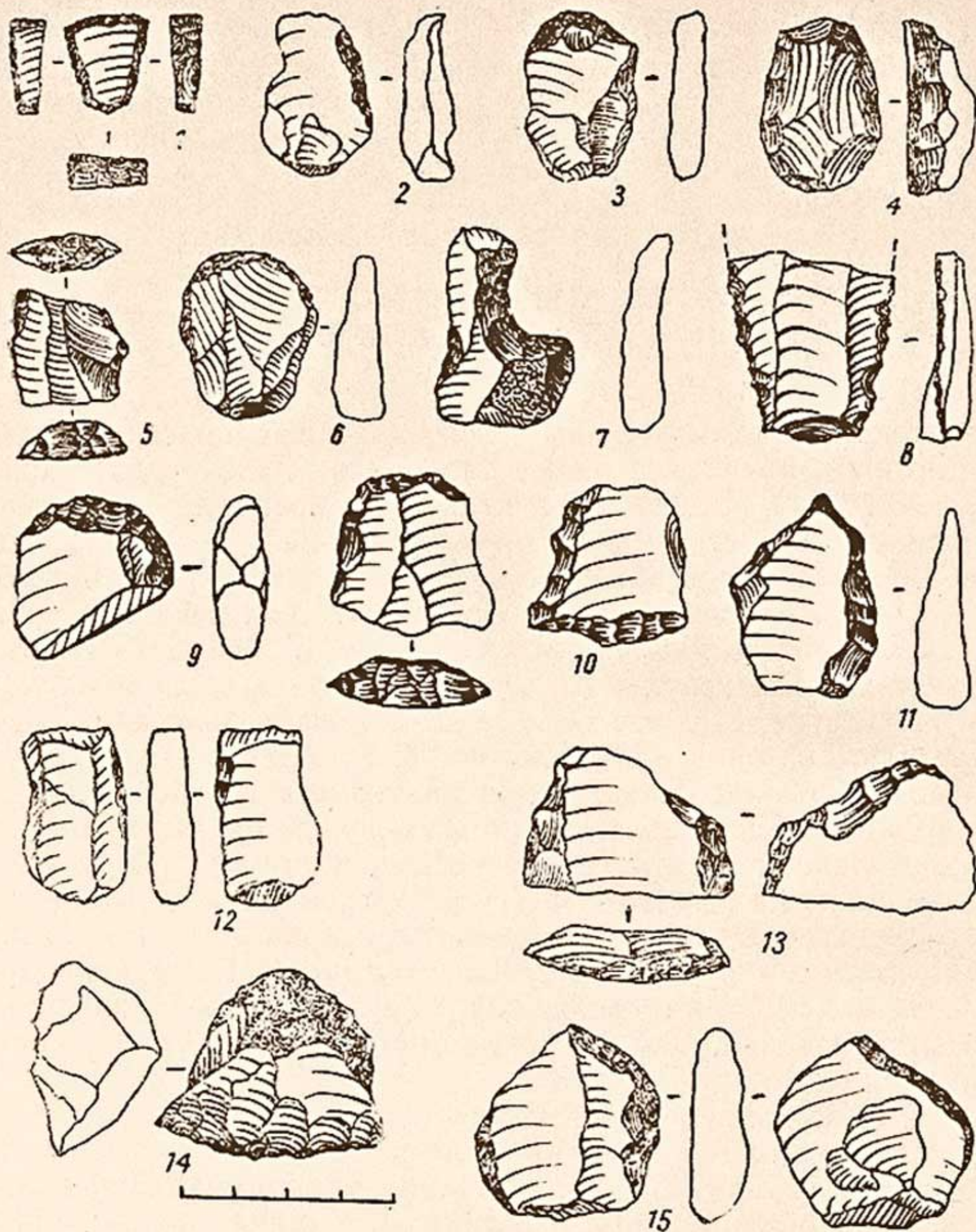

Рис. 1. Каменные орудия из ангренинских мастерских (I комплекс):

1, 4—скребки; 2—отщеп с ретушью; 3, 6, 9—концевые скребки; 5, 8, 12—обломки пластинок; 7—скобель; 10, 13—обломки пластинки с подтеской; 11—проколка; 14—нуклеус; 15—скребло.

разделить на два комплекса: верхнепалеолитический и неолитический.

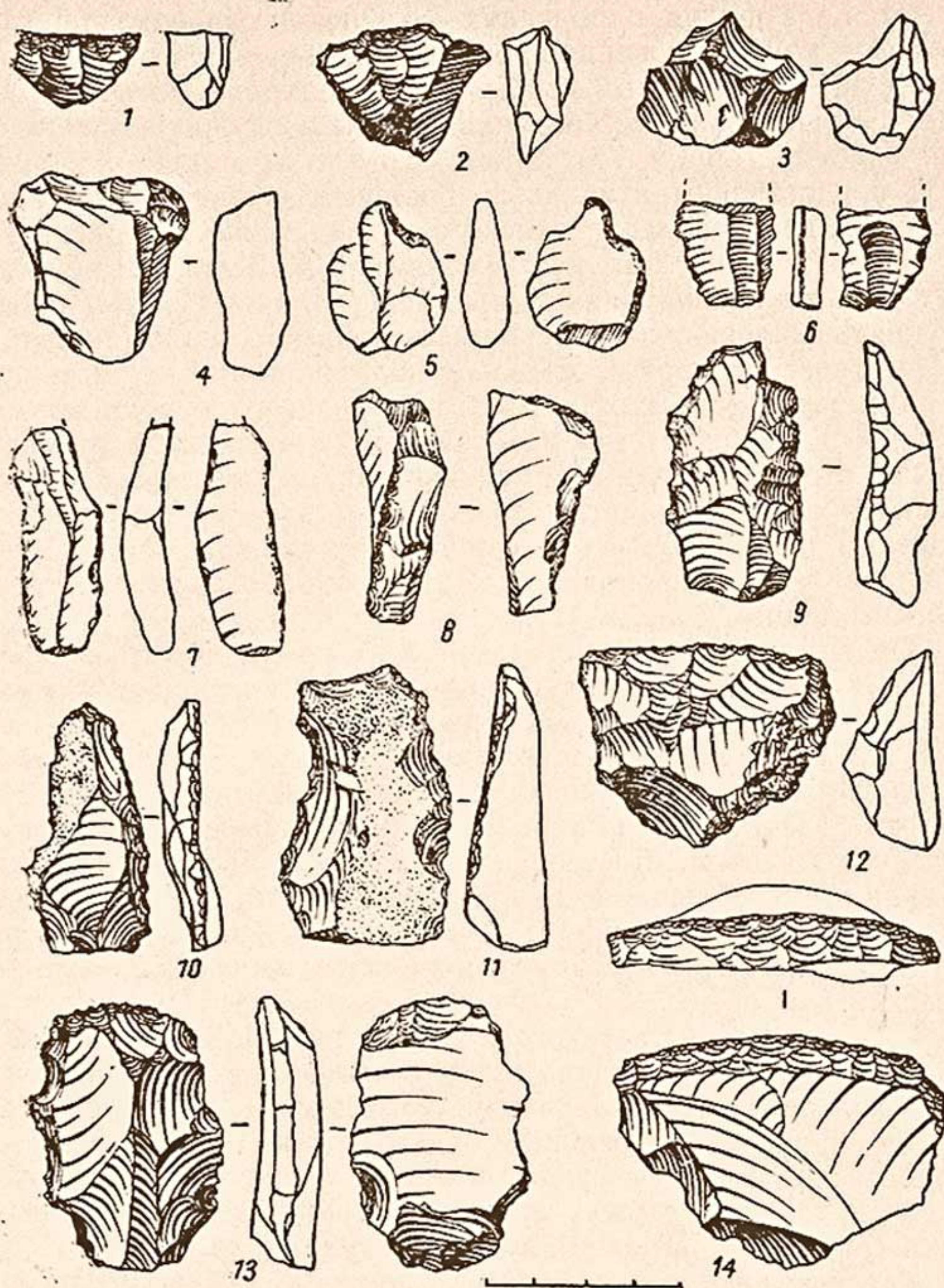

Рис. 2. Каменные орудия из ангренских мастерских (II комплекс):

1, 2, 3—нуклеусы; 4—скребло; 5—сверло; 6—обломок пластинки; 7, 8, 9, 10—пластинки с ретушью; 11—комбинированное орудие; 12—нуклеус с ретушью; 13—пластина с подтеской; 14—скребло.

Из кремней верхнепалеолитического комплекса (30 экз.) больше половины слегка патинизированы, окатаны. Среди них имеются два орудия, одно из них — концевой скребок (рис. 1, 9), другое — комбинированное орудие из первичного удлиненного отщепа. Выпуклый край его отретуширован, а на другом имеется тщательно обработанная выемка, служившая в качестве скобеля (рис. 2, 12). Кроме того, в коллекции мастерской представлены атипичные нуклеусы, обломки пластинок и отщепы верхнепалеолитического облика (рис. 1, 12; рис. 2, 2).

Неолитический комплекс мастерской Кызылалма I содержит 40 непатинизированных кремней различных форм. Среди них пять маленьких нуклевидных обломков, напоминающих призматические формы, отщепы с которых сняты бессистемно. В инвентаре этого комплекса представлены скребки из маленьких и тонких в сечении отщепов. Рабочие края в одном случае отретушированы со спинки, в другом — с брюшка. Имеются обломки пластин, среди которых редко встречаются пластины, подвергнутые вторичной обработке (рис. 2, 6). Представлена также проколка с хорошо обработанным острым рабочим концом (рис. 1, 11).

Среди материалов мастерской Кызылалма I больше 14% составляют нуклеусы и нуклевидные обломки, в основном отбросы производства (68%), редко орудия (8%).

Кызылалма II расположена на правом берегу одноименного сая. Она связана с месторождением кремня и кремнистого известняка, служившим местом добычи и обработки каменных изделий. Мастерская Кызылалма II существовала, по-видимому, дольше чем мастерская Кызылалма I. Здесь представлены 184 экз. кремней, которые можно разделить на три комплекса: мустьерский, верхнепалеолитический и неолитический.

В инвентаре мустьерского комплекса около 40 каменных изделий. Они сильно окатаны и покрыты более или менее густой белой патиной. В коллекции этого комплекса представлены два скребла из отщепов. У одного из них рабочий край обработан со спинки уступчатой ретушью с заломом (рис. 2, 14), у другого — ретушь произведена с противоположных краев (рис. 1, 15). Имеются обломки орудий и отретушированных пластин, некоторые из них подтесаны либо с одного, либо с обоих концов (рис. 1, 10, 13; рис. 2, 13). Для мустьерского комплекса характерно также наличие нуклеусов (5 экз.), приближающихся по форме к диску, и многочисленных, соответствующих им по характеру обработки отщепов.

К верхнепалеолитическому комплексу относятся 100 найденных каменных орудий. Большинство из них окатаны и

слегка покрыты беловато-серой патиной. Коллекция этого комплекса включает 8 нуклеусов, два из них подпризматические, а остальные обломки со следами бессистемных сколов (рис. 2, 3), края некоторых из них отретушированы (рис. 2, 12). Имеются пластинки, продольные края которых обработаны приостряющей (рис. 2, 10) или затупливающей ретушью с зубчиками (рис. 2, 9). Многочисленные отщепы коллекции имеют подтреугольные и подчетыреугольные формы. Среди них встречаются отщепы, подвергнутые вторичной обработке. Рабочие края у них отретушированы со спинки, а местами и с брюшка (рис. 1, 2).

Кремневые изделия неолитического комплекса (40 экз.) изготовлены из коричневого и частично серого почти непатинизированного кремня. Среди них 10 нуклеусов и нуклевидных обломков с бессистемными сколами. Здесь же представлен типично неолитический скребок из отщепа. Его округлый рабочий край тщательно отретуширован со спинки (рис. 1, 4). Встречаются обломки неотретушированных пластин. Обработанные отщепы встречаются редко, у большинства из них нет ретуши и на спинке сохранились желвачные корки. Итак, мастерская Кызылалма II существовала в течение мустьерского, верхнепалеолитического и неолитического времени.

Кызылалма III находится на берегу безымянного сая у водопада примерно в 1—1,5 км к югу от мастерской Кызылалма II. На поверхности небольшого участка (15×135 м) собран 101 экземпляр расколотого рукой человека кремня, главным образом коричневого непатинизированного неолитического облика. В мастерской Кызылалма III найдены невыразительные нуклеусы и нуклевидные обломки (38) маленьких размеров. Некоторые из них имеют одну ударную площадку и скалывание заготовок произведено в одном направлении (рис. 2, 1). Два скребка неолитического облика (рис. 1, 3) и большое количество отщепов обработаны с брюшка тщательной мелкой ретушью. Однако следует отметить, что по сравнению с другими мастерская, по-видимому, существовала недолго.

Кызылалма IV расположена у наскальных изображений в 80—100 м к югу от предыдущей мастерской. Площадь, на которой сделаны находки, равняется примерно 140×160 м.

Всего коллекция выразительных кремней из мастерской Кызылалма IV насчитывает 53 предмета, большинство которых изготовлено из непатинизированного коричневого кремня, носящего неолитический облик. Однако встречаются здесь и характерные изделия верхнепалеолитического периода из серого кремня. Они покрыты белой патиной и составляют всего

лишь около 10% всех кремней мастерской. К ним относятся концевой скребок, атипичные нуклеусы и большое количество отщепов, некоторые из них слегка по краям обработаны (рис. 2, 4).

Коллекция неолитического комплекса включает в себя более 90% каменных изделий, куда входят скребки, сверло с тщательно обработанным кончиком (рис. 2, 5) и отщепы с обработанными рабочими краями, а также многочисленные неотретушированные отщепы, являющиеся отбросами производства.

Во время обследования месторождения кремня на обоих берегах Гыштсая юго-западнее кишлака Самарчук были обнаружены две мастерские — Гыштсай I и II.

Мастерская Гыштсай I расположена у выходов кремня правого берега Гыштсая. Здесь огромные выходы кремня образуют двухскатные возвышенности, на склонах которых было собрано 64 экземпляра кремня.

По технике обработки каменные орудия из мастерской Гыштсай можно разделить на два комплекса: верхнепалеолитический и неолитический. Большинство изделий верхнепалеолитического комплекса изготовлены из серого, редко из коричневого кремня. Они окатаны и покрыты белой патиной. Среди них встречаются единичные дисковидные нуклеусы и обломки пластин, напоминающие мустьерский облик. Однако преобладающие изделия типичны для верхнего палеолита. Здесь налицо призматические (рис. 1, 14) и атипичные нуклеусы, скребки и отщепы с обработанными ретушью зубчатыми рабочими краями (рис. 1, 8).

Изделия неолитического комплекса составляют больше половины всех кремней этой мастерской. Они отличаются от изделий верхнепалеолитического комплекса маленькими размерами и главным образом совершенно иной техникой вторичной обработки. Здесь представлены немногочисленные нуклеовидные обломки и скобель с тщательно обработанной выемкой (рис. 1, 7). Характерно то, что в качестве скребков использованы обломки пластинок. Первобытные мастера, по-видимому, при помощи подтески сломанных краев пластин изготавливали скребки, которые отличаются от концевых прямым рабочим краем (рис. 1, 5).

В комплексе большое количество отщепов, среди которых редко использованные.

Таким образом, в мастерской Гыштсай I обнаружено большое число отбросов производства, свидетельствующих о том, что здесь добывалось сырье и производилась первичная и час-

тично вторичная обработка орудий в эпоху позднего палеолита и неолита.

Гыштсай II расположена, так же как и мастерская Гыштсай I, у выходов кремня на противоположном берегу названного сая.

На территории мастерской среди многочисленных обломков и осколков кремня было отобрано 50 каменных изделий, напоминающих верхнепалеолитический и неолитический облик. Хотя инвентарь верхнепалеолитического комплекса немногочислен, но он окатан и слегка покрыт белой патиной, а неолитический свежий — непатинизированный и отличается от инвентаря верхнепалеолитического комплекса техникой изготовления орудий. Здесь представлены пластинки с ретушью (рис. 2, 7, 8) и скребки, изготовленные из тонких прозрачных отщепов с округлым отретушированным рабочим краем (рис. 1, 6). Найдены также маленькие и тонкие в сечении отщепы с краями местами отретушированными (рис. 1, 1). В основном они не подвергнуты вторичной обработке и являются отбросами производства.

Итак, ангренские мастерские связаны с месторождением сырья, где первобытные мастера производили первичную, а также частично вторичную обработку каменных орудий. Ангренские мастерские однотипны. Они не только существовали почти одновременно, но и сходны своими способами обработки камня. Хотя по способу добычи сырья ангренские мастерские имеют большое сходство с Учтутской, Капчигайской и Иджонской мастерскими, но их изделия совершенно различны своей индустрией. Конечно, изучение памятников каменного века в долине р. Ангрэн только начато и, по видимому, при дальнейшем более тщательном их изучении можно будет проследить их специфические особенности.

Вопрос о том, куда сбывалось сырье из этих мастерских, окончательно не решен. Однако можно предполагать, что заготовки и орудия, изготовленные в этих мастерских, уносились первобытными мастерами на поселения, расположенные на правом берегу р. Ангрэн. Об этом свидетельствуют находки орудий из того же сырья, найденные на стоянке Кульбулак, расположенной у одноименного источника левого берега Кызылалмасая⁴ примерно в 600—800 м ниже мастерских Кызылалма I и II.

⁴ М. Р. К а с ы м о в. Памятники каменного века в долине Ангрена, ОНУ, 1967, № 2, стр. 57—58.

С. А. СЕМЕНОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРЕМНЕВЫЕ РАЗРАБОТКИ В УЧТУТЕ

Есть основания считать, что в четвертичный период всхолмленное плато, лежащее в системе отрогов Каратау между долиной Зарафшана и Кызылкумами, было обитаемо палеолитическим человеком. Где теперь пустынные горы, поросшие колючкой, раньше была растительность и животный мир, привлекавший палеолитического охотника. Об этом свидетельствуют находки на склонах гор отщепов и нуклеусов мустьерско-леваллуазского типа, встречающиеся в местах, близко расположенных к выходам известкового кремня. В оврагах и ущельях, пересекающих холмы, часто можно видеть скальные навесы и пещеры, возникшие в результате размыва известковых отложений весенними дождевыми потоками. Большинство навесов принадлежит к поздним образованиям, но геологические условия располагали к тому, что аналогичные навесы могли существовать и в палеолитическое время и служить жилищем или временным убежищем человеку.

Если судить по кремневым разработкам, открытым близ сел. Учтут в 25 км от г. Навои, то здесь мы имеем дело с памятниками послеледникового, неолитического возраста, когда характер ландшафта имел почти современный вид.

В Учтуте добывался кремень двух разновидностей. Кремень серого, темно-серого и частично почти черного цветов принадлежал к слоистым образованиям, возникшим в известково-мергелевой среде. Он залегает сравнительно неглубоко, под почвенным слоем и слегка прикрыт тонкой оболочкой известняка. Толщина пласта колеблется от 5 до 15 см. Залежи его неравномерны, часто прерываются или сходят на нет. В прошлом кремень находился дальше от поверхности, но верхние слои были смыты потоками дождя. Слабо прослеживается второй, более тонкий слой такого же кремня в 2,5 и 3 м

от поверхности. Пластовый кремнь добывать было проще, но он был невысокого качества, поверхность имел шероховатую.

Гладкая поверхность кремня желвачной разновидности, образовавшегося конкрециями неправильной формы, отличается в изломе розоватым цветом. Его качество заметно улучшается от периферии к центру вместе с изменением цвета от серо-розоватого до густо-розового. Обычно залегает глубоко, местами до 5—6 м от поверхности, прикрытой слоистыми рыхлыми отложениями песка и суглинка, смешанного с известью. Пластовый и желвачный кремни встречаются близко, поэтому говорить о их одновременном происхождении пока нет оснований.

Исторически добывание пластового кремня следовало бы рассматривать как более раннее явление, возникшее в палеолите. Там, где этот кремнь выходил на поверхность, он трескался от солнца и распадался на обломки различной формы. Его обрабатывали путем разбивания, скалывания, ретуши, доступной еще в мустьерскую и даже ашельскую эпоху.

Однако для подкрепления такой гипотезы необходимо тщательное петрографическое сопоставление материала палеолитических орудий с материалом пластового кремня. Возможно, такое изучение прольет свет и на вопрос о существовании палеолита в Учтутском районе.

Раскопками неолитических кремневых разработок в Учту-те выяснено, что добывался преимущественно желвачный розовый кремнь. Насколько можно судить по работам экспедиции 1966 г., состав культурного слоя на дне шахт и вышележащих уровнях разнообразен. Сюда входят осколки и обломки кремня, как правило, с желвачной коркой. Эти отбросы являются результатом опробования и очистки желваков от излишних наростов, мешающих дальнейшей обработке кремня. В число таких отбросов входят и многочисленные осколки и обломки кремнедобывающих орудий из пород, напоминающих диорит, диабаз и другие темно-серые и зеленоватые породы. Эти обломки и осколки, а также отщепы возникли в результате ударного использования их по твердой известковой породе, удаляемой при извлечении кремня. Орудия раскалывались и разбивались от ударов о кремнь при отделении его от массива и очистке от «рубашки». Сюда входят также различные отщепы и обломки, возникшие при изготовлении кремнедобывающих орудий из светло-серых разностей кремня, добываемого в шахте или приносимого с места обнажения его, где этот кремнь «обрабатывался» солнцем, растрескиваясь и расщепляясь по характерным для изотропного материала кривым линиям.

Важнейшим содержанием культурного слоя шахт являются кремнедобывающие орудия из камня, кости и рога. На первом месте стоят галечные орудия из вулканических, а также осадочных пород и светло-серого известкового кремня. Наиболее крупные из них представляют большие продолговатые гальки весом в несколько килограммов. Оба конца их носят следы ударов; они сбиты, смяты и имеют боковые фасы. Мелкие экземпляры расколоты по длинной оси вследствие сильных ударов. Такими орудиями разбивались крупные желваки и, вероятно, дробили ими твердую оболочку конкреций. Это гальки-молоты или кувалды.

Кроме указанных выше орудий, мы находили гальки или половинки галек, служившие мотыгами или кирками по рыхлению и вскапыванию грунта, лежащего под кремненосным слоем. Они имеют относительную широкую рабочую часть лопатообразной формы, способную захватывать землю в процессе работы. Их зажимали в руке в позиции, характерной для мотыги, двигая на себя захваченную землю. Размеры их весьма различны. Орудие с узким рабочим концом являлось вариантом каменной кирки. Иногда оно представляло длинную, узкую гальку с подправленной рабочей частью, употребляющуюся для рыхления породы, для подбоя стенок и т. п.

Большую роль играли кремнедобывающие орудия из светлого пластового кремня, по твердости не отличавшегося от розового желвачного кремня. Он обладал более шероховатым изломом и ценился ниже. Из него изготовлялись ударные орудия для врубания в толщу материнской породы, облегающей желвачный кремень. Иногда эти орудия, имеющие заостренную рабочую часть, достигали нескольких килограммов веса. Их использовали в качестве молотов для разбивания и раскалывания породы.

Орудия из рога и кости функционально отличались. Они использовались при извлечении желвака из известкового ложа. Такие орудия (копалки) применялись при зондировании кремненосного слоя, служили в качестве мелких рычагов, помогали при пробивании небольших штреков в стенках шахт и т. п. Роговые орудия кремнедобывания, решительно преобладавшие над костяными, были нужны при забивании их в трещины, когда порода разбивалась тяжелыми молотами (кувалдами) для расчленения монолитов.

В отдельных случаях функции таких копалок отчасти выполнялись длинными узкими осколками сланцевых молотов, разбивавшихся в процессе работы. Об использовании осколков свидетельствуют следы извести на рабочих концах. Ими

вели немногие работы зондирования, подчистки в малых масштабах, рычагами и клиньями они служить не могли.

Очень большое количество в культурном слое отщепов и осколков, полученных в процессе ударного применения молотов и отбойников, и вид сработанных орудий свидетельствуют о широком применении ударных орудий в кремнедобывании.

Изучение орудий указывает на использование каменных кайл, мотыг, кирк без оснащения их рукоятками. Своеобразный «ручной» характер добывания кремня в Учтуте отличает его от техники добывания в западноевропейских и даже восточноевропейских кремневых шахтах.

Какова была форма, величина и глубина шахт? Раскопки показали, что они имели воронкообразный разрез в своей первоначальной форме. Из-за мягкого грунта делалось широкое входное отверстие, которое в глубине суживалось. По достижению кремненосного слоя дно шахты расширялось во время выборки материала. Возникала надобность в небольших штреках, но неплотный грунт шахт ограничивал эти возможности, так как происходили обвалы. В процессе раскопок штреки встречаются крайне редко.

О их существовании говорят пустоты, обнаруживаемые внутри шахт, иногда значительные. При засыпании использованных шахт заполнялись главным образом стволы. Что касается штреков, боковых карманов, то туда вместе с отходами производства попадало немного земли. Штреки оставались частично незаполненными.

Большое число шахт на малой площади принуждало древних кремнедобывателей засыпать использованные шахты породой, добытой из новых шахт. Таким способом облегчался отвал земли.

Находка в одном из раскопов небольшого числа призматических пластинок свидетельствует о том, что главной задачей производства из добываемого кремня была выделка заготовок в виде кремневых пластинок, изготавливающихся в поселениях. Здесь материал только опробывался. Заготовки, если судить по составу и характеру кремневых орудий в неолитических стоянках Средней Азии, служили для самых различных целей. Обработывая ретушью и расчленяя на сегменты, из них делали ножи и пилки, скребки и скобели, сверла и резчики, вкладышевые орудия. Нет оснований считать, что из кремня выделялись крупные орудия для обработки дерева, для обработки земли и т. п.

Вероятно, материал, добываемый в Учтуте и на других юго-западных склонах отрогов Каратау, служил средством обмена на значительной территории Средней Азии.

Г. Ф. КОРОБКОВА, Т. М. МИРСААТОВ

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ ДРЕВНЕЙ ДОБЫЧИ КРЕМНЯ
МЕТОДОМ ЭКСПЕРИМЕНТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УЧТУТСКОЙ МАСТЕРСКОЙ)

Большое значение для производства орудий труда в каменном веке имел хороший сырьевой материал. В поисках сырья, в первую очередь кремня, первобытные люди пускались в трудные и длительные путешествия, преодолевая при этом значительные расстояния. Нередко путь их лежал через мертвые пустыни, несущие днем обжигающий жар и неимоверную жажду, а по ночам обдающие холодом и мраком. Но люди шли и шли, гонимые одной целью — добыть любым способом необходимый кремень. Нередко они обменивали его на предметы своего труда.

В настоящее время на территории нашей страны зафиксировано значительное число древних мастерских, расположенных, как правило, рядом с источниками сырья. Лишь в редких случаях желваки кремня уносились на места стоянок, часть территории которых отводилась под мастерские, где производилась и первичная и вторичная обработка (здесь имеются в виду стоянки, наиболее отдаленные от источников сырья). Большая же часть памятников каменного века, особенно неолита, располагалась по соседству с месторождениями кремня. В этом случае на территории мастерской производилась первичная обработка кремня и изготовление нуклеусов, которые расщеплялись уже на местах поселений. Добывался кремень самым различным способом. Люди собирали желваки и плитки кремня в россыпях или добывали их путем открытых горных выработок и шахт. В настоящее время древние шахты известны на территории Белоруссии¹ и Узбекистана².

¹ Н. Н. Г у р и н а, Г. М. К о в н у р к о. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии, СА, 1962, № 2; Н. Н. Г у р и н а. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии, КСИА АН СССР вып. 100, 1965.

² М. Р. К а с ы м о в. Древнейшие шахты по добыче кремня в Узбе-

В течение многих лет успешно ведутся работы по исследованию древних выработок кремня, расположенных на территории Узбекистана. В настоящее время Махандарьинским отрядом Института истории и археологии АН УзССР, руководимого Я. Г. Гулямовым, открыто и изучено значительное число мастерских, каменоломен и шахт каменного века, особенно многочисленных в районе Каратауского хребта³. Именно здесь, как нигде, сосредоточены огромные запасы кремня самого различного качества и цвета, встречающегося прямо на поверхности обнажившейся скалы или глубоко под землей. Это либо плитчатый кремень густо-серого цвета сравнительно низкого качества, либо валунный от светлых до темно-серых тонов, служивший главным источником добычи первобытных людей. Последний широко встречается на территории древних шахт, обнаруженных в 1958 г. в Учтуте Навоийского района Бухарской области, известной под названием Учтутской мастерской⁴. Она расположена в долине Зарафшана на пологих склонах горы Вауш, одном из отрогов Каратауского хребта, и является богатейшей из известных на территории Узбекистана. Склоны горы Вауш, словно бисером, усыпаны обломками галечных орудий, отщепами, осколками желваков кремня. Именно это и привлекло археологов, нашедших здесь настоящую сокровищницу каменного века. Изучение ее начато в 1959 г. и продолжается до сих пор. В результате работ вскрыта большая площадь с мощным культурным слоем, изрезанным остатками ям, колодцев и штретов, относящихся к эпохе неолита. Материал, добытый на Учтуте, насчитывает десятки тысяч предметов. В основном это отбойники из крупных продолговатых и округлых галек, их обломки, кирковидные орудия из кремня и рога (бухарского оленя), масса отщепов, осколков, чешуек, т. е. полный набор орудий добывания и начального раскалывания кремня.

кистане. Доклад, прочитанный 22 августа 1966 г. на VII Международном конгрессе до- и протоисторических наук в Праге.

³ М. Р. К а с ы м о в Добыча и техника обработки кремня в камено-ломнях-мастерских Средней Азии, Научные работы и сообщения, отделение общественных наук, кн. III, Ташкент, 1961; О н ж е. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964; О н ж е. Кремневая мастерская у кишлака Иджонт, ОНУ, 1961, № 8.

⁴ М. Р. К а с ы м о в. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области, Научные работы и сообщения, кн. VI, Ташкент, 1962; О н ж е. Новые данные о каратауских камнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области, ИМКУ, вып. 7, 1965.

В процессе раскопок 1966 г.⁵ на территории мастерской удалось обнаружить несколько колодцев, соединенных короткими узкими коридорами длиной до 1—1,5 м. Они прорыты на глубине 50—85 см от поверхности. Один из колодцев имел строго вертикальный цилиндрической формы ствол (диаметром в 65—70 см), резко расширяющийся книзу, переходя в широкое воронкообразное углубление диаметром 1,5 и 2,6 м. Глубина колодца достигает 3,20 м.

В отличие от ранее исследованных шахт этот колодец оказался узким и незасыпанным. Горные мастера, не истощив до конца шахту, прикрыли отверстие колодца куском шкуры или циновкой, плотно придавив каменными глыбами, возможно, извлеченными из этого же колодца. Нашу гипотезу подтверждает и находка крупного плитчатого кремня, обнаруженного рядом с отверстием шахты и входящего, по-видимому, в конструкцию покрытия.

Выбрав запасы кремня, горные мастера пытались расширять основание колодцев путем подбойных углублений. Лишь после этого колодец забрасывался, и древние горняки переходили на новые места добычи. Встречавшиеся в шахтах орудия ничем не отличались от аналогичных находок из культурного слоя на склонах г. Вауш. Бытовой инвентарь здесь не обнаружен. По-видимому, стоянки горных мастеров находились вне площади мастерской.

Предварительное исследование учтутского материала и полевые наблюдения в ходе раскопок заставили обратиться к экспериментальному изучению способов древней добычи кремня. Необходимо было выяснить целый ряд вопросов. Почему учтутские горняки обратились к шахтовому способу добычи кремня, когда рядом находились открытые обнажения? Сколько времени тратилось на рытье одного колодца, штрека, подбойной ямы? Какими орудиями пользовались при этом? Каким образом желвак кремня отделялся от скальной породы?

Место для экспериментального колодца было выбрано примерно в 10 м к югу от раскопа № 3, где обнаружен незасыпанный колодец. Работа начата одним рабочим двумя кремневыми кирками (рис. 1), соответственно подготовленными каменными отбойниками (аналогичные орудия были обнаружены в культурном слое), в качестве которых использовались обычные гальки удлиненных пропорций. Материалом для из-

⁵ В работе отряда приняли участие М. Р. Касимов (нач-к отряда), сотрудники ЛОИА АН СССР С. А. Семенов, Г. Ф. Коробкова, сотрудники ИИА АН УзССР У. Исламов, Дж. Кабиров, М. Тагиев, аспиранты М. Джамалов, М. Хасанбаев и др.

готовления кирок служил серый плитчатый кремнь, широко распространенный на Учтуте. Экспериментальные орудия имели клиновидную и топорovidную форму и были отделаны с двух сторон по линии рабочего края крупными грубыми фасами. Внешне они напоминали обычные рубила с гладкой округлой пяткой. Длина их 20 и 25,5 см, ширина в средней части 10,8 и 14 см, толщина 7 и 11 см. Оба орудия отличались значи-

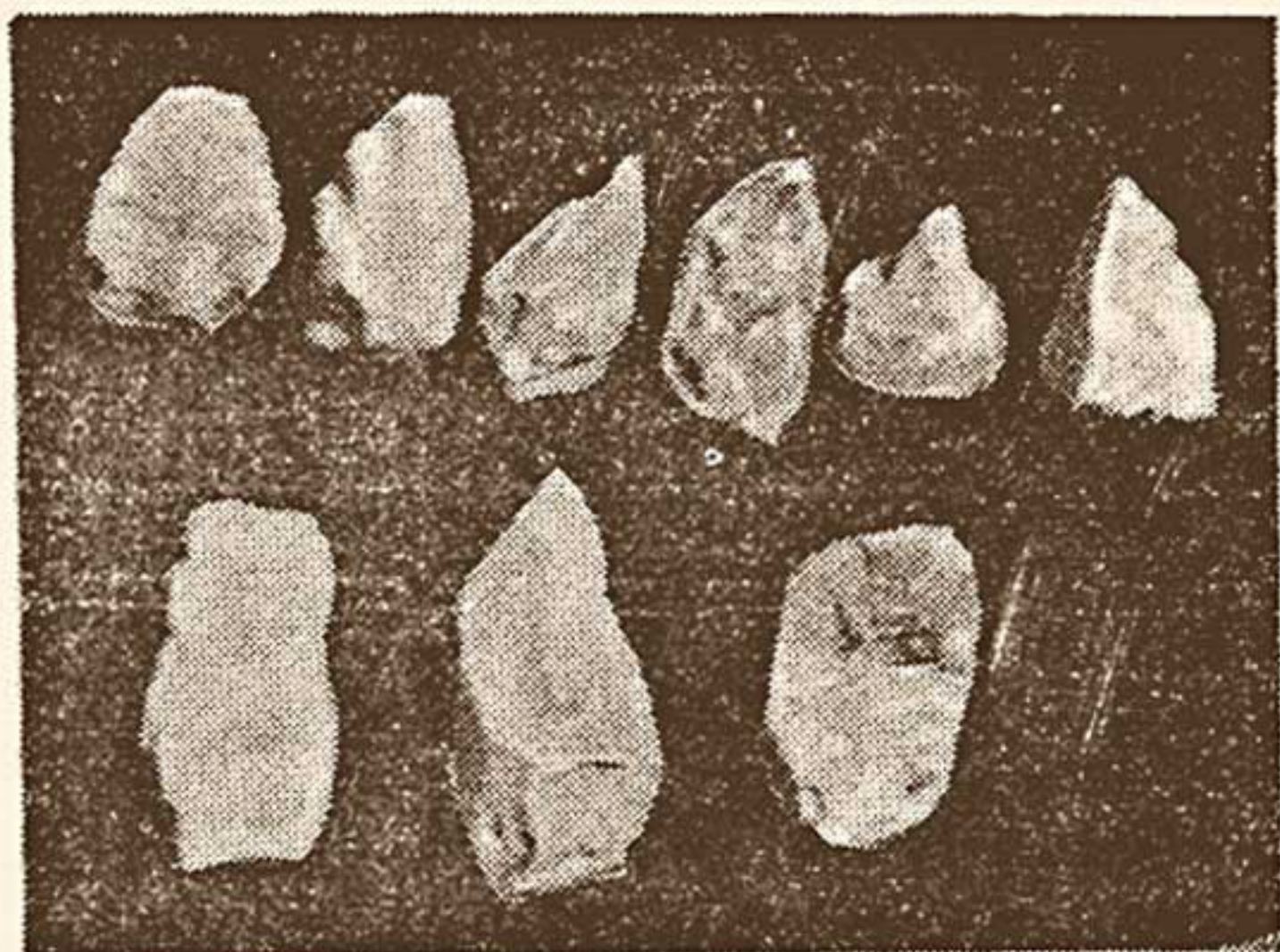

Рис. 1. Экспериментальные землекопные орудия.

тельным весом. В процессе работы рабочие края кирок быстро тупились и их приходилось постоянно подправлять. К концу первого часа, из-за трудоемкости работы она стала выполняться двумя рабочими, попеременно менявшимися через каждые десять минут. В процессе труда понадобилось увеличить число кирковидных орудий до десяти, так как подправка их отнимала много времени. Новые кирки были меньших размеров и изготовлены по типу первых орудий. Длина их 13—16 см, ширина 8—10,5 см, толщина 5—7,5 см. Все они выполнены техникой отбивки. В ходе работ выяснилось, что наиболее удобными кирками следует считать орудия клиновидной формы небольших размеров, обушковая часть которых легко умещалась в руке. Зато для того, чтобы отделить от толщи земли крупные куски известняка, встречающегося в большом количестве до самого скального дна, приходилось прибегать к крупным киркам с массивной тяжелой пяткой, которой пользовались как отбойниками.

На глубине 1,30 м от поверхности в экспериментальном колодце обнаружен культурный слой, плотно насыщенный находками: отщепами, осколками, кусочками кремня. Среди них

оказались и орудия, аналогичные экспериментальным киркам. Материалом для их изготовления служил серый непрозрачный кремнь, грубо отбитый глубокими бессистемными сколами, чередующимися с пятнами известковой корки. Форма орудия топорovidная, обух утолщенно-клиновидный. Длина найденной кирки 18 см, ширина лезвия 8,5 см, толщина 2—6,5 см. Лезвие ее сильно затуплено и несколько сбито от ра-

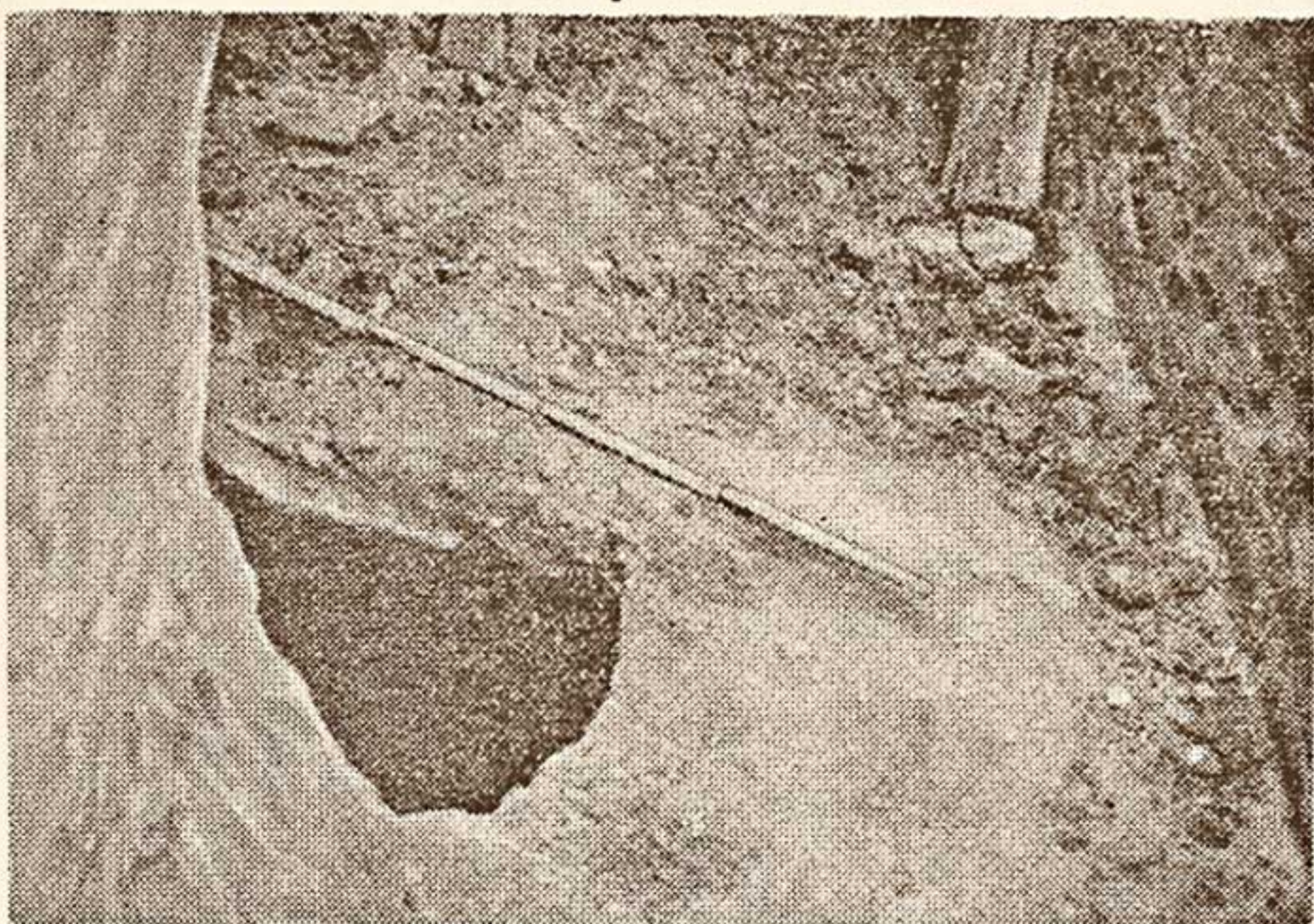

Рис. 2. Вид с траншеи на штрек.

боты; края фасов, формирующих лезвие, также сглажены. Находки продолжали встречаться до скального дна. На рытье колодца, глубиной в 1,7 м и диаметром 90 см, а в основании 95 см, потрачено 9 час. 25 мин. Выкопанную землю выгребали с помощью мешковины, в древности для этой цели могли применять шкуры животного.

Прямо от колодца на север в сторону траншеи 1963 г. был прорыт коридор длиной в 1,2 м, соединивший экспериментальный колодец с траншеей (рис 2). Ширина его 85 см, высота 70 см. На штрек затрачено 6 час. 30 мин.

В южной стороне колодца сделана подбойная яма, глубиной 71 см, шириной 74 см, высотой 64 см, вырытая за 2 час. 15 мин.

На весь процесс по рытью колодца, штрека и подбойной ямы ушло 18 час. 10 мин. При этом использовалось 10 кирковидных орудий разной величины и веса, постоянно подправляемых, и кусок мешковины. Работу выполняли двое рабочих, которые менялись через каждые 10 мин. Таким образом, для того, чтобы выкопать подобный колодец со штреком и неболь-

шой ямой на Учтуте, неолитическому человеку достаточно было двух дней, а если учитывать навыки в работе, то и одного дня.

Не менее интересны экспериментальные данные по изучению способов извлечения желваков кремня из скальной породы. Это самая тяжелая и трудоемкая операция в общем процессе добывания кремня, требующая применения значительной серии каменных кирок и отбойников, определенного мастерства и большой силы. Чтобы извлечь крупный желвак кремня диаметром до 30 см, обнаруженный в скальном дне на кв. А-7 раскопа № 2 (1966), понадобилось свыше десятка отбойников-галеk разной величины, формы и веса. Последние быстро крошились, раскалывались и приходили в негодность, образуя рядом с желваком огромное скопление битых осколков и обломков галеk. В связи с этим становится понятным такое обилие на Учтутской мастерской осколков, скопившихся вблизи кремневого желвака. В ходе эксперимента выяснилось также, что желваки диаметром свыше 20—30 см могли извлекаться двумя способами: 1) по частям (доказательством может служить желвак из кв. А-7 со следами частичного раскалывания и брошенные рядом отбойники и их осколки); 2) путем обкапывания желвака со всех сторон каменными кирками. Огромный желвак кремня обнаружен в стенке подбойного углубления первого колодца раскопа № 3, на боковых поверхностях его остались следы кирок, с помощью которых он был извлечен. Подкопанный со всех сторон кирками экспериментальный желвак легко отделился от скальной породы, извлечение его тяжелее, чем рытье колодца. Например, чтобы добыть желвак диаметром в 30 см потребовалось 8 час. 30 мин.

Эксперимент также показал, что невозможно отделить желвак (даже небольших размеров) из обнажившейся выше по склону породы, долго пролежавший на открытом воздухе. Эта причина, по-видимому, и заставила учтутских мастеров обратиться к шахтовому способу добычи кремня.

Таким образом, в результате проведенных нами экспериментов выяснено, какими орудиями и каким способом выкапывались колодцы со штреками, насколько трудоемким был этот процесс и сколько времени требовалось на его завершение. Доказано также, что кремни, долго пролежавшие на открытом воздухе, совершенно не поддаются отделению их от породы. Поэтому объектом добычи древних горняков служил кремень, залегающий на глубине, который легче поддавался извлечению и дальнейшей обработке. Шахтовый способ добычи кремня требовал применения большого количества землекопных и горнодобывающих орудий—кирок и отбойников, являющихся основными и единственными орудиями Учтутской мастерской.

А. В. ВИНОГРАДОВ, Э. МАМЕДОВ

КОМПЛЕКСНЫЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ВНУТРЕННИХ КЫЗЫЛКУМАХ

Сотни памятников эпохи первобытно-общинного строя открыты и исследованы на территории Средней Азии за последние два десятилетия. Вместе с тем нельзя не отметить крайнюю неравномерность ее археологической изученности.

Одной из наиболее слабоизученных территорий до недавнего времени была обширная область Внутренних Кызылкумов: кроме нескольких случайных и небогатых коллекций¹, памятники первобытного населения не были известны.

Первые крупные неолитические стоянки были открыты во Внутренних Кызылкумах в 1955 г. Хорезмской экспедицией ИЭ АН СССР².

В последующие годы Э. Мамедовым было обнаружено свыше 80 пунктов, давших находки первобытной эпохи, в том числе несколько крупных стоянок эпохи неолита и бронзового века и первое во Внутренних Кызылкумах мустьерское местонахождение (в районе впадины Аякагитма)³.

В 1963 г. специальной партией ревизионно-тематической экспедиции Министерства геологии УзССР во Внутренних Кызылкумах было обследовано свыше 30 древних горных выработок, в которых добывались железная и медная руды, бирюза, графит, кремень и другие полезные ископаемые. Выработ-

¹ А. Ф. Соседко. Находка неолита в Центральных Кызылкумах в Средней Азии, «Природа», 1931, № 11; А. И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2; М. Д. Джуралов. Следы кельтеминарской культуры в степях Северной Бухары, Труды СамГУ, Новая серия, вып. 135, «Археология Узбекистана», Самарканд, 1964.

² Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г., МХЭ, вып. I, М., 1959.

³ Э. Мамедов. Пески Внутренних Кызылкумов, стр. 139.

жи эти разновременны; наиболее древние из них относятся, вероятно, к неолитической эпохе. Сейчас они известны почти во всех горных массивах этого района⁴. Одновременно в тех же районах было обнаружено несколько пунктов с находками эпохи неолита и бронзового века, курганы, следы плавок железных и медных руд и другие памятники древней культуры. В разных районах Внутренних Кызылкумов известно много памятников и более поздних эпох: курганные могильники, остатки сырцовых построек, наскальные изображения и др.

В 1965—1966 гг. во Внутренних Кызылкумах были проведены первые крупные комплексные археолого-географические исследования⁵. Они были стационарными и охватили сравнительно небольшой участок южной части Внутренних Кызылкумов — район соленых Лявляканских озер (Бухарская область УзССР).

В песках по берегам озер было обследовано около 120 разветренных стоянок эпохи неолита, энеолита и бронзового века, а также около 400 пунктов, давших отдельные находки этих и более поздних эпох. Найдены также три небольших курганных могильника и маленькое средневековое укрепление Курганках (возможно, караван-сарай). Шурфовка на нем дала керамику IX—XIII вв.⁶

Наиболее значителен и интересен материал первобытной эпохи. Коллекция с лявляканских стоянок насчитывает несколько десятков тысяч кремневых изделий и несколько тысяч обломков керамики, главным образом неолитической и энеолитической. По степени концентрации стоянок первобытной эпохи на столь ограниченной территории (70—80 км²) район Лявляканских озер уникальный для пустынных бессточных областей.

Открытые памятники относятся к трем категориям. Это стоянки, мастерские и места плавок металла.

Культурный слой большинства стоянок разрушен. Материал находился на поверхности песка на дне и склонах дефляционных котловин. Лишь на одной из них — Лявлякан 26 — удалось обнаружить в потревоженном состоянии и раско-

⁴ О некоторых из древних горных выработок Внутренних Кызылкумов см.: А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки), СЭ 1965, № 2.

⁵ А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах в 1965 г. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года. Секция археологии Средней Азии, М., 1966 (ротапринт).

⁶ Определение средневековой керамики с укрепления Курганкак проведено Н. Н. Вактурской (Хорезмская экспедиция ИЭ АН СССР).

пать в 1966 г. край большого наземного жилища каркасно-столбовой конструкции.

Полученный в 1965—1966 гг. огромный материал полностью еще не обработан. Насколько сейчас можно судить, лявляканские находки позволяют проследить линию непрерывного развития культуры от IV—V вв. до н. э. (возможно, более раннего времени) до середины II в. до н. э., когда в районе озер появляется пришлое население, оставившее немногочисленные стоянки культуры степной бронзы. Наиболее ранние — неолитические комплексы с изделиями трапециевидной формы в кремневом инвентаре. Судя по среднеазиатским и другим материалам, комплексы с трапециями в целом хронологически предшествуют комплексам с наконечниками кельтеминарского типа⁷.

Более многочисленны стоянки, в инвентаре которых хорошо представлены пластинчатые одношипные наконечники. Отметим, что среди наконечников кельтеминарского типа с лявляканских стоянок есть разновидность, которая была ранее характерна лишь для стоянок низовьев Зарафшана⁸.

Хорошо сохранившаяся на большинстве стоянок керамика дает возможность уже сейчас сделать важный вывод: совокупность признаков, характеризующих неолит Лявляканских озер позволяет рассматривать большую группу памятников этого района как локальную археологическую культуру, отличную от кельтеминарской (хорезмской). Наиболее существенные признаки, отличающие лявляканскую керамику от хорезмской—кельтеминарской:

1. Нехарактерность прочерченного и почти полное отсутствие волнистого прочерченного орнамента. Последний встречается единично и отличается по техническим приемам исполнения. Характерные для раннего кельтеминара сложные орнаментальные композиции с применением волнистого орнамента на лявляканской керамике пока не встречены.

2. Отсутствие орнамента, нанесенного «качалкой» и «шагающей гребенкой», чрезвычайно характерного для позднекельтеминарской керамики Хорезма. Насколько можно судить по имеющимся сейчас материалам, южной границей распростра-

⁷ Наиболее отчетливо это прослеживается по материалам Джебела. См.: А. П. О к л а д н и к о в. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 194—195. По-видимому, в Средней Азии эти изделия не только хронологически соприкасались, но и сосуществовали короткое время.

⁸ У. И с л а м о в. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, Научные работы и сообщения, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 261, рис. 1, 1—2.

нения этого типа орнамента является район Бешбулака⁹. Отметим, что он нехарактерен и для неолитической и энеолитической керамики низовьев Зарафшана¹⁰.

3. Широкое распространение, наряду с формами, хорошо известными по материалам акчадарьинских стоянок, сосудов реберчатых форм и яйцевидных, нехарактерных для кельтеминарской керамики. По-видимому, они относятся в большинстве случаев к концу неолита и энеолиту.

Культурное своеобразие комплекса лавляканских неолитических находок не является неожиданностью. Опубликованный материал по степному неолиту Средней Азии уже сейчас позволяет наметить территориальные различия, являющиеся, очевидно, реальным отражением локальных археологических культур. Формы и орнаментика керамики позволяют сейчас даже учитывать многие хронологические неясности, говорить о своеобразии неолитической культуры верхних слоев Джебела, Оюклы, Акчадарьинской дельты, Западного Казахстана и, наконец, Внутренних Кызылкумов. Меньшие различия прослеживаются в кремневом инвентаре неолитических памятников этих районов. Намечающаяся возможность выделения локальных неолитических культур на этих территориях позволит в свою очередь более строго определить границы кельтеминарской культуры, трактовавшейся в последнее время необычайно широко¹¹.

Большой интерес представляют памятники двух других категорий. Отметим прежде всего мастерские по изготовлению украшений из различных сортов поделочного камня, главным образом из бирюзы. Производство бирюзовых бус отмечено на некоторых стоянках. Найдены и специализированные мастерские. Среди находок в мастерских преобладают заготовки, не законченные обработкой, или сломанные бусы из бирюзы, обломки бирюзы, а также кремневые, так называемые «плечиковые микросверла», которые вместе с заготовками для них составляют иногда до 70—80% всех кремневых находок¹².

Мастерская по первичной обработке кремня (очевидно, близ его выходов в коренном залегании; последние пока не

⁹ Н. Н. Вактурская. Указ. раб., стр. 47, рис. 7, 2.

¹⁰ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зарафшана, Автореферат канд. дисс., Л., 1963, стр. 5—6, 8—9.

¹¹ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 4; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1, стр. 25.

¹² Плечиковые микросверла с некоторых лавляканских стоянок (из сборов Э. Мамедова) опубликованы. См.: А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза, стр. 126, 129—130, рис. 5, 1—14.

найденны) обнаружена к северу от Лявляканских озер, на южных склонах гор Сангрунтау у колодцев и родника Жунус. Здесь, на поверхности изрезанного саями плато на участке примерно 100 м², найдено множество обломков и отщепов кремня, кремневые желваки и плитки различных размеров. Преобладает белый кремень хорошего качества, часто встречается и темный — от дымчатого до почти черного и красновато-коричневый. В центре скопления, на вершине небольшого бугра, по выбросу из норок грызунов удалось установить наличие золистого культурного слоя. Заложенный здесь шурф вскрыл край большой ямы, по дну которой — плотному загипсованному песку — располагается золисто-супесчаный культурный слой с многочисленными обломками и отщепами кремня и расщепленными желваками. По некоторым признакам, мастерская Жунус в Сангрунтау может быть сопоставлена с найденными недавно мастерскими в Каратау¹³.

Наконец, не меньшую важность для изучения истории древнего населения Внутренних Кызылкумов представляют многочисленные пункты с остатками медных плавок. Они отмечены как на стоянках, так и вне их. Среди находок — шлаки, обломки руды и бирюзы. Большинство их относится, по видимому, к первобытной эпохе.

Уже первым археологам, обследовавшим территорию Внутренних Кызылкумов, пришлось заниматься вопросами ее четвертичной палеографии. Это привело к критической переоценке некоторых бытовавших представлений. А. И. Тереножкину, например, впервые удалось правильно истолковать генезис сухого русла Дарьясая¹⁴. Новые археологические открытия на этой территории и установление во многих случаях несоответствия между древним расселением человека и современными природными ресурсами мест его обитания значительно расширили палеогеографическую проблематику. При этом некоторые возникшие проблемы оказались весьма сложными, что обусловило необходимость привлечения к решению их самых

¹³ М. Р. К а с ы м о в. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964.

¹⁴ А. И. Т е р е н о ж к и н. Указ. соч., стр. 188, 190. Относительно генезиса Дарьясая, расположенного южнее гор Кульджуктау и Кынгыртау, существовали самые противоречивые мнения. Помимо указанной работы А. И. Тереножкина, см.: Б. А. Ф е д о р о в и ч. Древние реки в пустынях Турана. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 3, М., 1965; О н ж е. Лик пустыни, М., 1954; Н. А. Б у ч к о в и Я. М. Н а с ы р о в. Почвы Юго-Западных Кызылкумов, Ташкент, 1961. Новейшие геоморфологические исследования и картирование четвертичных отложений русла Дарьясая подтвердили точку зрения А. И. Тереножкина, рассматривающего его как естественный и непостоянный водоток.

различных специалистов: географов, геологов, гео- и гидрохимиков, почвоведов.

Ряд таких проблем возник в связи с открытием охарактеризованного выше археологического комплекса в районе Лявляканских озер. Здесь пока не совсем ясен вопрос о водах, использовавшихся древними обитателями этих озер для питья. Качество потребляемой питьевой воды ограничено довольно узкими пределами. В. Н. Кунин, специально занимавшийся исследованием этого вопроса, пишет, что верхним пределом пригодности воды, потребляемой привычным населением в качестве питьевой при преобладающем хлоридно-натриевом составе, является засоление до 3—3,5 г/л. При наличии же горьких солей вода с засолением 3—4 г/л даже и местным населением употребляется только кратковременно¹⁵. Сопоставив с этими данными результаты химического анализа поверхностных и грунтовых вод района Лявляканских озер¹⁶, нетрудно убедиться в непригодности этих вод не только для человека, но и для животных. По содержанию плотного остатка (от 18,61 до 126,19 г/л) они относятся к соленым водам, а подчас к высокоминерализованным рассолам. В связи с этим правомерно поставить вопрос: не был ли период расселения человека в районе Лявляканских озер периодом, когда этот район был обеспечен иными, пригодными для питья слабоминерализованными водами?

Если анализ археологического и палеогеографического материала позволяет без колебаний ответить на этот вопрос утвердительно, то причины, обусловившие последующее засоление поверхностных и грунтовых вод этого района, еще не совсем ясны. Наиболее вероятными из них представляются две: 1) изменение климата от менее засушливого к более засушливому, со всеми вытекающими из этого последствиями для режима грунтовых вод и 2) тектоническое развитие территории, обуславливающее в определенных условиях прорыв и смешение с пресными или солоноватыми грунтовыми водами сильно минерализованных артезианских вод. Вероятно, засоление озерных и грунтовых вод является в данном случае результатом совокупного действия обеих причин.

Современному жаркому и сухому климату среднеазиатских пустынь предшествовал период относительно влажного климата. На это косвенно указывал А. И. Перельман¹⁷. К такому

¹⁵ В. Н. К у н и н. Местные воды пустыни и вопросы их использования, М., 1959, стр. 243.

¹⁶ Химический анализ проб воды был проведен научным сотрудником ИГЭМ АН СССР В. Д. Сидельниковой.

¹⁷ Имеются в виду неоднократные высказывания А. И. Перельмана

же выводу приводят и палеопедологические наблюдения в районе Лявляканских озер.

Большой интерес с точки зрения палеоклиматических реконструкций представляет обнаруженный здесь в песках ископаемый карбонатный конкреционный горизонт, несомненно, почвенного происхождения. Геологические и геоморфологические условия распространения этого горизонта свидетельствуют о том, что он сформировался в пределах второй половины четвертичного периода, возможно, в голоцене. Что касается его хронологического соотношения с археологическим материалом, то оно пока что не совсем ясно. При выяснении его авторы, несмотря на обилие фактического материала, встретились с большими трудностями из-за неразработанности самой методики подобных сопоставлений. От обычного же стратиграфического метода в данном случае пришлось отказаться. Следует, однако, отметить, что неолитические находки во всех наблюдавшихся случаях были привязаны к кровле конкреционного горизонта. Это весьма существенное обстоятельство свидетельствует об отсутствии значительного расхождения в их возрасте.

Поскольку формирование карбонатных почв характерно для относительно хорошо увлажненных районов (типа полупустынного Казахстана) и на территории Кызылкумов и других среднеазиатских пустынь в настоящее время не происходит, упомянутый выше ископаемый конкреционный горизонт должен рассматриваться в качестве признака иного, более влажного климата и соответственно более высокого уровня и меньшей минерализации грунтовых вод. Таким образом, если бы удалось доказать единовременность эпох увлажнения климата и заселения района Лявляканских озер, то тем самым была бы решена и наша частная задача и одна из интереснейших проблем истории развития пустынной зоны СССР — проблема климата недавнего прошлого. Но не исключено, что какую-то роль в изменении качества доступных для древнего населения этого района источников воды сыграли новейшие тектонические движения, обусловившие образование или обновление разломов, по которым началась скрытая разгрузка сильноминерализованных артезианских вод из палеогеновых водо-

относительно генезиса развитых на Устюрте, в Каракумах и Кызылкумах серо-бурых почв (А. И. Перельман. Процессы миграции солей на равнинах Восточной Туркмении и Западного Узбекистана в неогене. Древние почвы пустынь Средней Азии. Труды ИГЭМ АН СССР, вып. 25, М., 1959); О н ж е. Геохимия ландшафта, М., 1961. Последние же являются самыми молодыми из реликтовых почвенных образований среднеазиатских пустынь (С. Г. Б а т у л и н. Устное сообщение).

носных горизонтов, приведшая к резкому ускорению процесса засоления грунтовых и поверхностных вод.

Дальнейшие археологические и палеогеографические исследования на территории Внутренних Кызылкумов, несомненно, дадут много интересного материала для решения поставленных в настоящей статье вопросов и позволят с достаточной полнотой восстановить весьма сложную историю формирования и заселения этой громадной пустынной области.

Г. Ф. КОРОБКОВА

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прошло более 25 лет со времени обнаружения первых памятников кельтеминарской культуры, насчитывающих ныне целый ряд стоянок в различных районах Узбекистана. Особенно большой интерес представляют стоянки в низовьях Зарафшана, систематически изучаемые археологами Узбекистана. Этот новый разнообразный материал позволил поставить ряд вопросов, касающихся истории, культуры и хозяйства неолитических племен². Накопленные данные дают основания вновь рассмотреть проблему относительной и абсолютной хронологии кельтеминарской культуры. Для этого обратимся к хронологическим критериям.

Следует отметить, что критерии, выдвинутые для установления возраста раннего кельтеминара, более или менее убедительны.

¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИАЭ АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956; У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, Л., 1963; Он же. Многогослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана. ИМКУ, вып. 4, 1963; Он же. Неолитическая культура в низовьях Кашкадарьи, ОНУ, 1965, 10; М. Р. Касымов, Г. Ф. Коробкова. Функциональное определение каменных орудий с Кызылкырской неолитической стоянки, ОНУ, 1962, 10; А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, ИМКУ, вып. 5, 1964; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, XXXV, 1949; А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, М., 1957; Он же. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1; Сб. «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», М., 1960; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1963; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. А. Аскаров. Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа), Л., 1966.

тельны³. Что касается хронологических признаков позднего кельтеминара, то они требуют дальнейшего уточнения и доработки.

Существование локальных вариантов кельтеминарской культуры затрудняет решение вопроса о хронологии, поскольку критерии, выдвинутые для установления возраста того или иного памятника, могут быть и хронологическими, и локальными признаками. Бывает также путаница в датировке одних и тех же предметов и целых комплексов. Так, двустороннеобработанные наконечники стрел, являющиеся характерным типом орудий кельтеминарской культуры, исследователи зачастую относят то к раннему, то к позднему кельтеминару⁴. Но в одном случае они встречаются в сочетании с наконечниками стрел кельтеминарского типа (с боковой выемкой), в другом — без них, что затрудняет датировку рассматриваемого комплекса. Отсутствие четких хронологических критериев приводит порою к разногласию в определении возраста одного и того же памятника⁵. Комплексы с единичными находками двустороннеобработанных наконечников стрел и дротиков также относят то к ранней⁶, то к поздней поре кельтеминарской культуры⁷.

На наш взгляд, для более точного определения возраста памятника необходимо учитывать количественные соотношения этих типов с другими орудиями труда и сопоставление их с материалами уже датированных комплексов.

Еще сложнее обстоит дело с вопросом абсолютной хронологии кельтеминарской культуры. Во-первых, большинство памятников представлено подъемным материалом. Во-вторых, имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные датировки слишком малочисленны, чтобы служить базой для построения абсолютной хронологии. Тем не менее данные радиоуглеродного анализа для IV слоя Джебела⁸ и памятника

³ А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, стр. 5; Он же. К вопросу о южных связях..., стр. 29.

⁴ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 288, 293; Сб. «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 69, 78.

⁵ Так, А. В. Виноградов датирует комплекс Балаишема 9 ранним кельтеминаром, т. е. концом IV — началом III тыс. до н. э. (см. А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 26); М. А. Итина — серединой III тыс. до н. э. (см. М. А. Итина. Указ. соч., стр. 298).

⁶ Сб. «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 231.

⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30; М. А. Итина. Указ. соч., стр. 293.

⁸ Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Жидкие сцинтилляторы и применение их для датировки по радиоуглероду (C^{14}), СА, 1959, № 2, стр. 32.

поздней поры джейтунской культуры Чагыллы-депе⁹ позволяют хотя бы гипотетически подойти к решению этого вопроса. Принятая в археологической литературе датировка для раннего кельтеминара—конец VI—начало III тыс. до н. э. с нашей точки зрения излишне традиционна¹⁰. Учитывая архаический облик кремневой индустрии раннего кельтеминара, обнаруживающей исключительно большое сходство с IV слоем Джебела¹¹ (единичные трапеции, микропластинки с притупленной спинкой и скошенным ретушью концом, скобели, сверла, скребки, наконечники стрел), датированным по C¹⁴ $4030 \pm \pm 240$ лет до н. э. и 8—10 слоями Гари-Камарбанда¹² (большое количество вкладышей ножей, единичные трапеции и пластинки с притупленной спинкой, редкие находки вкладышей серпов, сверла, концевые скребки), нам представляется возможным поставить вопрос о понижении нижней границы кельтеминара по крайней мере до второй половины V тыс. до н. э. В этой связи необходимо отметить некоторые черты сходства раннекельтеминарских стоянок с памятниками позднего неолита — энеолита Южной Туркмении. В частности, с позднеджейтунским поселением Чагыллы-депе¹³, где также обнаружены идентичные боковые скребки, скобели, резчики-скобели, пилки, вкладыши серпов. Определенные черты сходства обнаруживаются и в керамике типа Намазга II, встречающейся в раннекельтеминарских комплексах¹⁴.

Приведенные аналогии позволяют говорить о сосуществовании древних земледельцев юга Туркмении с носителями кельтеминарской культуры и о сильном влиянии первых на культуру раннего кельтеминара.

Остановливаясь на абсолютной датировке раннекельтеминарских комплексов, нельзя не затронуть вопроса о верхней

⁹ О. К. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита, Автореферат канд. дисс., Ашхабад, 1965, стр. 13.

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 61; А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, стр. 7; М. А. Итина. Указ. соч., стр. 306; У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, стр. 12.

¹¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

¹² С. S. Coon. Cave explorations in Iran 1949, Philadelphia, 1951; Он же. Seven caves, London, 1957.

¹³ О. К. Бердыев. Чагыллы-депе, Ашхабад, Известия АН ТССР, 1964, № 1; О. К. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе, Известия АН ТССР, 1964, № 6.

¹⁴ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, СА, 1957, № 4, стр. 47—48; Он же. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 177; Он же. Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, стр. 102; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 36.

границе кельтеминара, обычно относимой авторами к концу III — началу II тыс. до н. э. Принимая во внимание определенное сходство позднекельтеминарских стоянок с некоторыми памятниками Прикамья и нижнеобскими комплексами, датируемыми концом III тыс. до н. э.¹⁵, и более ранний возраст неолита и энеолита Средней Азии в целом, по сравнению с более северными областями, дата позднего кельтеминара может быть ориентировочно определена концом IV — первой половиной III тыс. до н. э. Датировка заманбабинской культуры, генетически восходящей к позднекельтеминарским комплексам низовьев Зарафшана (конец III — начало II тыс. до н. э.)¹⁶, также не противоречит этому.

В связи с накоплением материала и открытием ряда новых стоянок кельтеминарской культуры нам представляется возможным более четко сформулировать критерии для определения возраста памятника и поставить вопрос о выделении не двух¹⁷, а трех периодов в развитии кельтеминарской культуры.

I период — ранний. К нему следует относить стоянки Джанбаскала 4, 5, 12; Куняк I; Кават 5; Таджиказган 6 (район Акчадарьинской дельты); Кугунек 22, Балаишем 9 (район Верхнего Узбоя); Агиспе; Саксаульская I (Зап. Казахстан); Дарбазакыр I, II; Большой Тузкан 3—7, 17—27, 30—35 (район низовьев Зарафшана); Пайкендские местонахождения (низовья Кашкадарьи) и многие другие.

Для этого периода характерны наконечники стрел кельтеминарского типа и единичные находки наконечников листовидной или миндалевидной формы с краевой или двусторонней ретушью, обилие микропластин с притупленной спинкой и либо прямым, либо скошенным концом, чаще всего служивших для оснащения составных наконечников стрел, многочисленность скобелей (или пластин с выемками), сверл, вкладышей ножей, концевых скребков, резчиков-скобелей (или «микроскребки» округлых или четырехугольных очертаний), небольшое количество боковых скребков, единичные находки геометрических микролитов и *pieces ecaillées* (или долотовид-

¹⁵ А. В. Шмидт. Лёвшинская стоянка, СА, V, 1940, стр. 1, 26—27; Н. А. Прокосhev. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья, МИА, 1940, № 1, стр. 20, 39; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, 1953, № 35, стр. 28—31, 60.

¹⁶ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба (К вопросу о культурных связях населения долины Нижнего Зеравшана в III—II тыс. до н. э.) СЭ, 1958, № 2, стр. 33; А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат канд. дисс., Л., 1962, стр. 10; У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана, Л., 1963, стр. 12.

¹⁷ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 26.

ных орудий с подтеской концов). В керамике, как справедливо отмечал А. В. Виноградов, преобладают сосуды с заостренным или округлым дном, украшенные струйчато-волнистым орнаментом, вдавлениями, насечками и другими узорами¹⁸.

II период — переходный. К нему относятся памятники, в индустрии и керамике которых сильно сказываются элементы раннего кельтеминара и появляются отдельные новые черты позднего характера. Это Кават 7; Дингильдже 6 (район Акчадарья); Лявлякан (Кызылкумы); поиск 178, пункты у колодца Ортакую (Верхний Узбой); Кызылкырская стоянка, Большой Тузкан, 11, 14, 28; Малый Тузкан 1—3 (низовья Зарафшана) и другие местонахождения. Для индустрии этого периода характерны микропластинки с притупленной спинкой и скошенным концом, единичные находки боковых скребков, обилие скобелей, сверл, наконечников стрел вышеназванных типов, увеличение количества скребков, изготовленных из отщепов — словом те орудия, которые характеризуют индустрию раннего кельтеминара.

Но вместе с тем в ней уже намечаются некоторые черты позднего кельтеминара: единичные находки двустороннеобработанных наконечников стрел с едва намечающимся черешком, наконечников дротиков, полное отсутствие геометрических микролитов, *pièces ecaillées*, высоких скребков нуклевидной формы, заметно употребление концевых скребков без ретуши на продольных краях. В технике изготовления орудий большое значение приобретают орудия из отщепова, а планомерная тщательная ретушь в нередких случаях заменяется глубокими, порою зубчатыми, небрежно сколотыми фасетками. Появляются единичные сосуды с уплощенным дном. Орнамент в основном концентрируется в верхней части сосуда.

III период — поздний. К нему следует относить большинство стоянок Западного Казахстана (Саксаульская, 2); Бешбулак (Кызылкумы)¹⁹; Топографическую, Желги-Загем 3; Балаишем 8; Кугунук 14, 16 (Верхний Узбой); Таджиказган 2, 3, 8; Камышлы 1, Учтаган 2 (Акчадарья) и другие. Отличительной чертой индустрии этого периода является наличие сравнительно ограниченных элементов раннего времени: незначительное число микропластин, в том числе микропластин с притупленной спинкой и скошенным концом, порою даже отсутствующих в стоянках позднего кельтеминара (как, например, в Балаишем 8)²⁰; преобладание скребков на отщепах,

¹⁸ А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, стр. 4.

¹⁹ Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г., МХЭ, I, М., 1959.

²⁰ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры..., стр. 298, 300.

уменьшение числа скобелей и сверл, насчитывающихся теперь единицами. Большое значение приобретают поздние черты: превалирование двустороннеобработанных наконечников стрел и дротиков; появление крупных ножей из массивных отщепов или пластин, заменяющих вкладышевые ножи; увеличение количества наконечников стрел с черешком, полное исчезновение составных стрел и наконечников кельтеминарского типа, увеличение числа станковых сверл.

Наметившиеся во II периоде изменения в технике обработки камня получают дальнейшее развитие. Большая часть орудий изготовлена из отщепов или массивных грубых пластин, ретушированных крупными фасетками. Характерная для двух периодов микролитовидность в инвентаре здесь совсем исчезает. Прием ретуширования продольных сторон концевых скребков не используется. Отказ от составных наконечников стрел и дротиков, вызванный, по-видимому, изменениями в хозяйстве, резко сократил количество метательных орудий. Зато сохранившиеся типы наконечников (особенно черешок и поверхность пера) подвергаются теперь более тщательной отделке. По исследованию А. В. Виноградова, наблюдаются изменения в пропорциях и размерах сосудов. Последние становятся более приземистыми и менее украшенными. Почти полностью исчезает орнаментация волнистыми линиями, большое значение приобретает орнамент, нанесенный качалкой. Встречаются и неорнаментированные экземпляры. Имеются сосуды горшковидной формы с плоским дном²¹.

Таковы вопросы, которые возникли в связи с накоплением и исследованием нового материала кельтеминарской культуры. Предложенная периодизация и выдвинутые для ее обоснования критерии отнюдь не исчерпаны. Надо надеяться, что дальнейшее изучение и открытие новых памятников, особенно с четкой стратиграфической колонкой, позволят не только дополнить, но и уточнить хронологию и периодизацию кельтеминарской культуры.

²¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, Р. К. КАМБАРИДДИНОВ

РЕДКИЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕЙШИХ ЖИВОТНЫХ УЗБЕКИСТАНА

Археологическое исследование палеолитических памятников в Узбекистане показало, что по своим природным условиям Средняя Азия была одним из благоприятных районов для обитания первобытного человека. Для изучения природных условий Средней Азии в четвертичное время, в частности климата и фауны, сопутствовавших предку человека, важное значение имеют остатки древнейших млекопитающих. До настоящего времени в нашей республике не производились специальные полевые работы по поискам остатков четвертичной фауны. Однако за последние годы много находок обнаружилось при археологических раскопках, геологических съемках и при строительстве отдельных народнохозяйственных сооружений.

В 1965 г. недалеко от г. Шахрисабза на левом берегу р. Танахиздаря в песчано-алевролитовых породах были обнаружены крупные трубчатые кости, нижние челюсти, верхние последние коренные зубы и другие части скелета носорога — *Elasmatherium* sp. (эласматерий), обломки трубчатых костей газели и зуб лошади типа стенона¹ (*Allohippus* cf. *stenonis*).

Состав животных из данного местонахождения позволяет отнести отложения, содержащие эти фауны, к нижнечетвертичному возрасту и увязать их с илийским фаунистическим комплексом Казахстана², кулябским комплексом Таджикистана и ханжонским фаунистическим комплексом европейской части СССР³.

¹ Эти находки были обнаружены и изучены научным сотрудником Института гидроинженерной геологии Мин. геол. СССР Р. К. Камбариддиновым.

² В. С. Бажанов, Н. Н. Костенко. Сопоставление стратиграфии Казахстана и ряда других стран, Ученые записки САИГИМС, вып. 4, Ташкент, 1960, стр. 54—57.

³ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование

Особенно большого внимания заслуживает костный материал, найденный в начале 1967 г. на глубине 110 м в местности Галаасия, расположенной в 10 км к северу от Бухары⁴: окаменевшие кости — обломок рогового стержня и спинной поз-

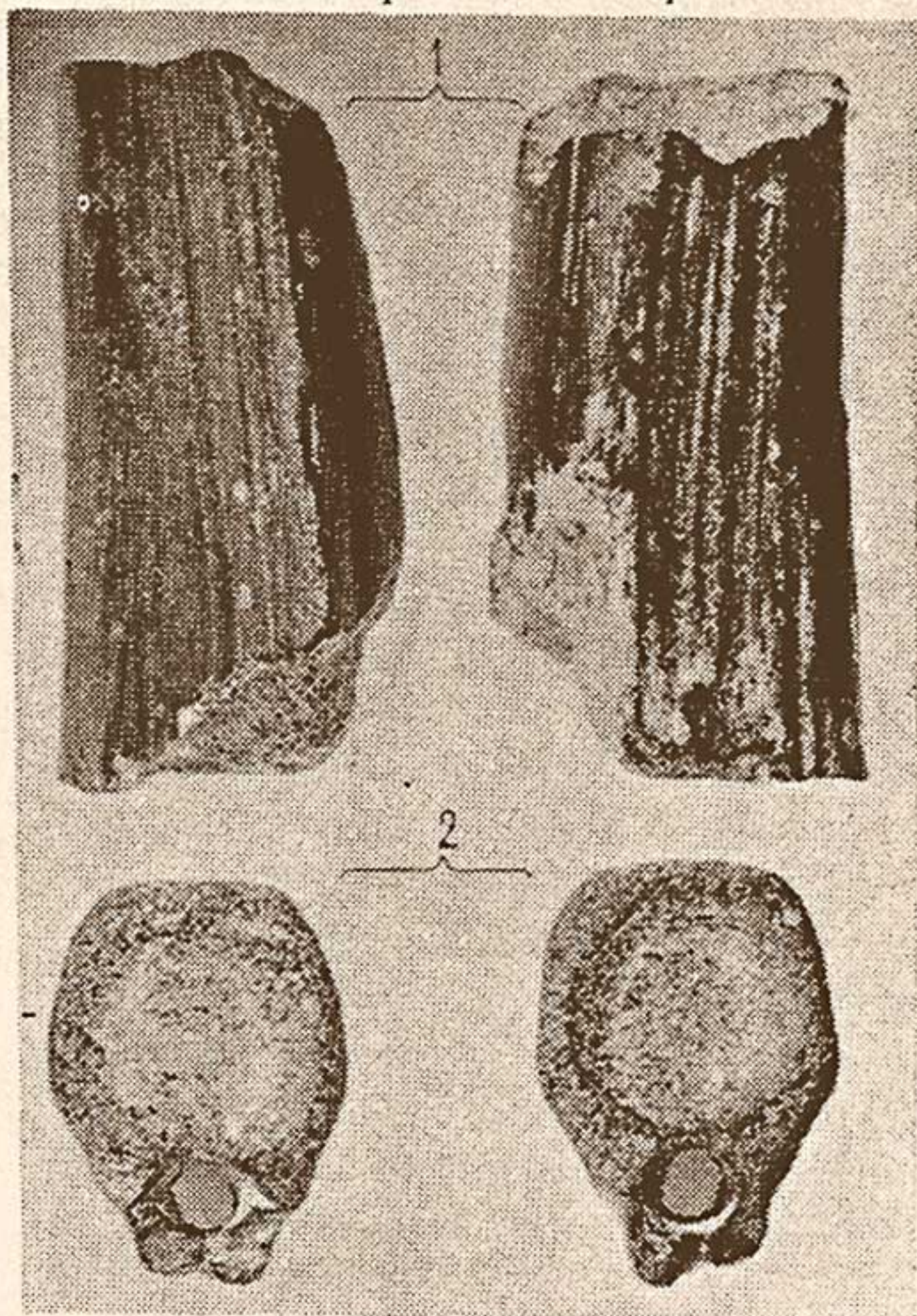

Рис. 1. Обломок рогового стержня (1) и спинной позвонок (2).

вонок, принадлежавшие древнейшему виду оленя, известного в науке под названием сложнорогий — *Euclodocerus* sp. (эуклодокерус) или гигантскому оленю — *Megaloceros* sp. (мегалокерус) (рис. 1). Эти древнейшие виды оленя были широко распространены в Европе в дочетвертичное и нижнечетвертичное время. Остатки их были найдены в виллофранкс-

стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, Труды Института геол. наук АН СССР, вып. 64, Серия геологии, 1948, № 17, стр. 1—520.

⁴ Эти находки были найдены работником СМУ Галаасии Ф. Золаевым и сданы в Бухарский историко-краеведческий музей. Для определения были привезены из Бухары А. Мухамеджановым.

ких слоях Италии, ханровских песках Азовского побережья и галечниках р. Пскупса⁵. В Молдавии они известны из тираспольского гравия, нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова⁶ и из ниеванской фауны Китая⁷.

В Узбекистане эта находка является пока единственной, и она по своей сохранности, степени фоссилизации подтверждает принадлежность вмещающей ее толщи к нижнеантропогеновому времени — свита В₂ (по Васильковскому) Узбекистана, илийскому фаунистическому комплексу Казахстана⁸ и ханровскому фаунистическому комплексу Восточной Европы⁹.

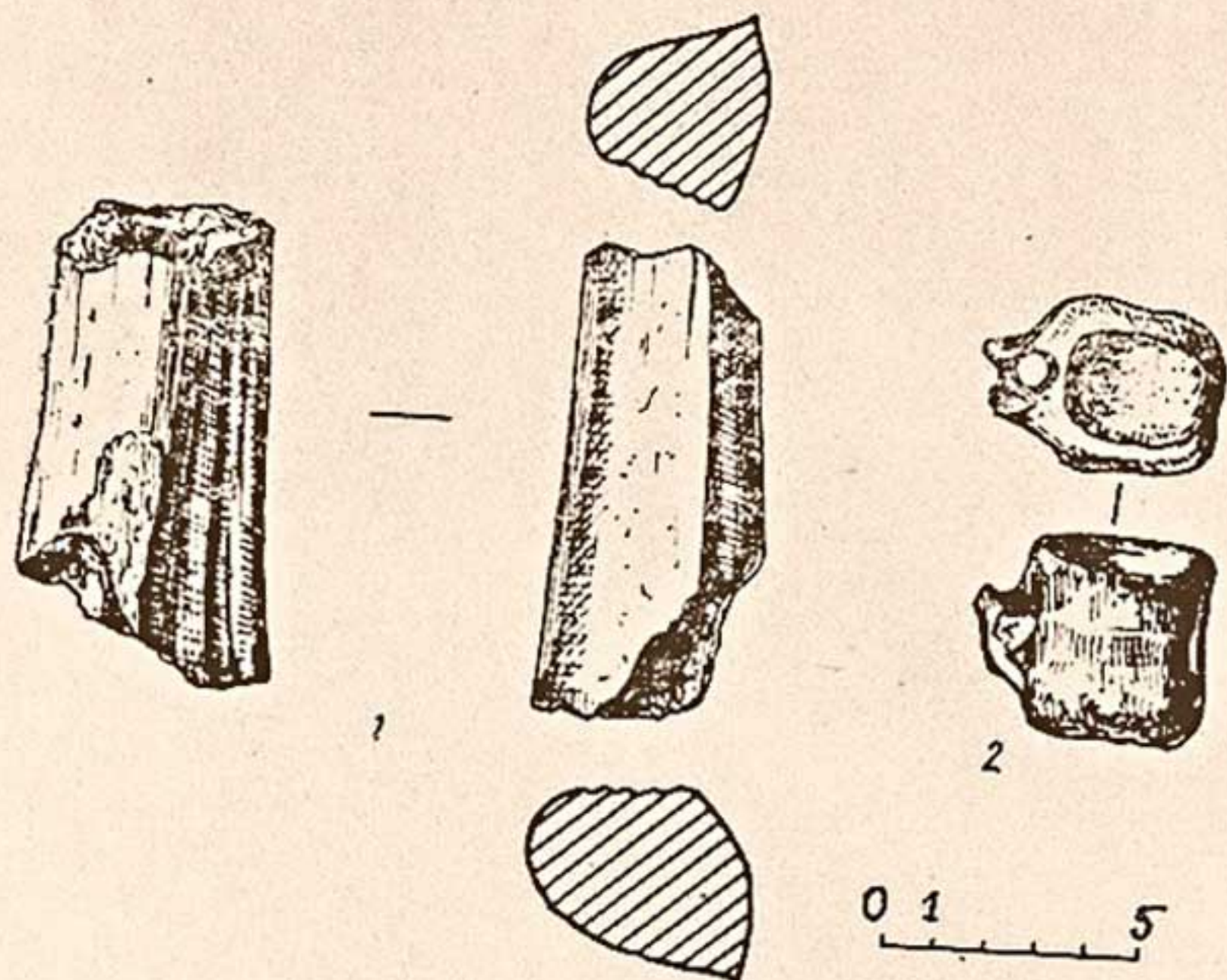

Рис. 2. Костные останки из Бухары.

Южным пределом распространения этих животных, с палеогеографической точки зрения, считали окрестности Ташкента¹⁰. Таким образом, эти редкие находки расширяют ареал распространения носорога — эласматерия,

⁵ В. И. Громов. Указ. соч., стр. 1—520.

⁶ Н. К. Верещагин. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова, Труды Ин-та зоологии АН СССР, т. 22, М.—Л., 1957, стр. 10—72.

⁷ К. К. Флеров. Морфология и экология оленеобразных в процессе их эволюции, Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 50—69.

⁸ В. О. Баженов, Н. Н. Костенко. Указ. соч., стр. 54—57.

⁹ В. И. Громов. Указ. соч., стр. 1—520.

¹⁰ Е. И. Beljaeva, Sur la Tronveille de la den D'Elasmatherium aux environs de Tachkent—vertebrata Palasiatica, vol. 11, Peking, 1958, sep. № 2—3.

сложнорогового оленя — эуклодокеруса и гигантского оленя — магалоокеруса на юг до южной границы Узбекистана (рис. 2).

Эти остатки фауны древнейших млекопитающих свидетельствуют о том, что климат в нижнечетвертичное время был намного теплее и более влажный, чем современный. Ландшафт был саванного типа. В пониженных частях росли осока, камыши, тростники и рогозы, корневищами которых питался носорог — эласматерий. В лесостепях обитали лошади — стенона. По берегам рек и водоемов были широко распространены травянистые растения. Олени — эуклодорусы и мегалоокерусы — обитали преимущественно во влажных биотопах, в лесах приречнотугайного характера. О древнейшем рельефе Зарафшанской долины находим интересные сведения средневековых авторов. В раннем средневековье существовало достаточно ясное представление о геологическом процессе образования речных долин и роли рек в их генезисе. Смелая для того времени догадка имеется в труде «Тарихи Бухоро» автора X в. Мухаммеда ибн Джафара Наршахи. Один из последних редакторов книги Наршахи, ссылаясь на несохранившееся сочинение «Хазайн ул-улум» Абул-Хасана Нишабури, пишет об этом следующее: «То место, где теперь [находится] Бухара, было [раньше] болотом, часть которого представляла собою заросли камыша, а часть была занята деревьями и лужайками. Некоторые места были такими, что никакое животное не могло [через них] пройти. По той причине, что в областях в стороне [нынешнего] Самарканда в горах таял снег, вода [протекала] и собиралась там. Большую реку в стороне Самарканда называют Масиф¹¹. В этой реке собиралось много воды, эта вода в своем течении размывала землю и уносила много глины, оставляя углубления. Вследствие большого количества воды и глины, которые достигали до Битика и Фараба¹² и там задерживались, то место, в котором теперь Бухара, понемногу заполнялось [землей] и выравнивалось: образовалась большая река Согда, а это заполненное место делалось Бухарой»¹³.

Таким образом, эти сведения из письменного первоисточника доказывают верное представление средневековых авторов о геологии и гидрогеологии Средней Азии, в частности, о процессе образования речных долин и их почвенного слоя. Находки древнейших животных в Галаасии — подтверждение процесса, описанного Наршахи.

¹¹ Древнейшее название Зарафшана.

¹² Названия селений, расположенных на правом берегу Амударьи против г. Чарджоу.

¹³ Абулбакр Мухаммед ибн Джафар Наршахи. Тарихи Наршахи, Каган, 1904, стр. 6—7. См. также «Бухоро тарихи», Ташкент, 1966, стр. 15.

А. АСКАРОВ

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В МУМИНАБАДЕ

Археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством автора настоящих строк осенью 1966 г. в селе Муминабаде Ургутского района Самаркандской области производил раскопки могильника, давшего богатый археологический материал о хозяйстве и быте населения бронзового века Средней Азии.

Могильник расположен на левом берегу одного из саев предгорной полосы левобережного Зарафшана. Он был открыт в 1964 г. рабочим винсовхоза «Ургут» М. Ташевым при посадке виноградника на приусадебном участке. Им «раскопано» одно погребение, в котором найдены глиняный сосуд, большое количество бус, серьги из бронзы, браслеты и зеркало с двумя бронзовыми кольцами, обтянутыми золотой фольгой¹.

Могильник представляет собой естественную возвышенность с уклоном с севера на запад, отгороженную с трех сторон Сойнаксам. М. Ташев бульдозером разровнял весь участок. Однако это не разрушило ни одной могилы.

Из-за отсутствия каких-либо надмогильных сооружений на грунтовом могильнике в Муминабаде на участке, окружающем первое погребение, через каждые полметра мы прорыли многочисленные параллельные траншеи глубиной 1 м, шириной 80 см. В результате были выявлены все имеющиеся здесь древние захоронения (рис. 1)².

М о г и л а 2. Овальная яма, вытянутая с запада на восток. Размеры не установлены, так как весной 1966 г. при обработке М. Ташевым виноградника она была значительно разрушена. Лишь в западной части ямы на глубине 70 см обнару-

¹ Д. Н. Л е в. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда, КСИА АН СССР, вып. 108, 1966, стр. 101—104.

² Там же.

жен сильно раздавленный череп, видимо, не тронутый с места. Очевидно, скелет лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В яме разбросаны отдельные кости погребенного — ребра, лучевая, локтевая кости и позвонки.

В области, обоих ушных отверстий — две бронзовые серьги с широким раструбом (рис. 2). На всей площади ямы масса литого бронзового бисера (рис. 2, 5). В 20 см от чере-

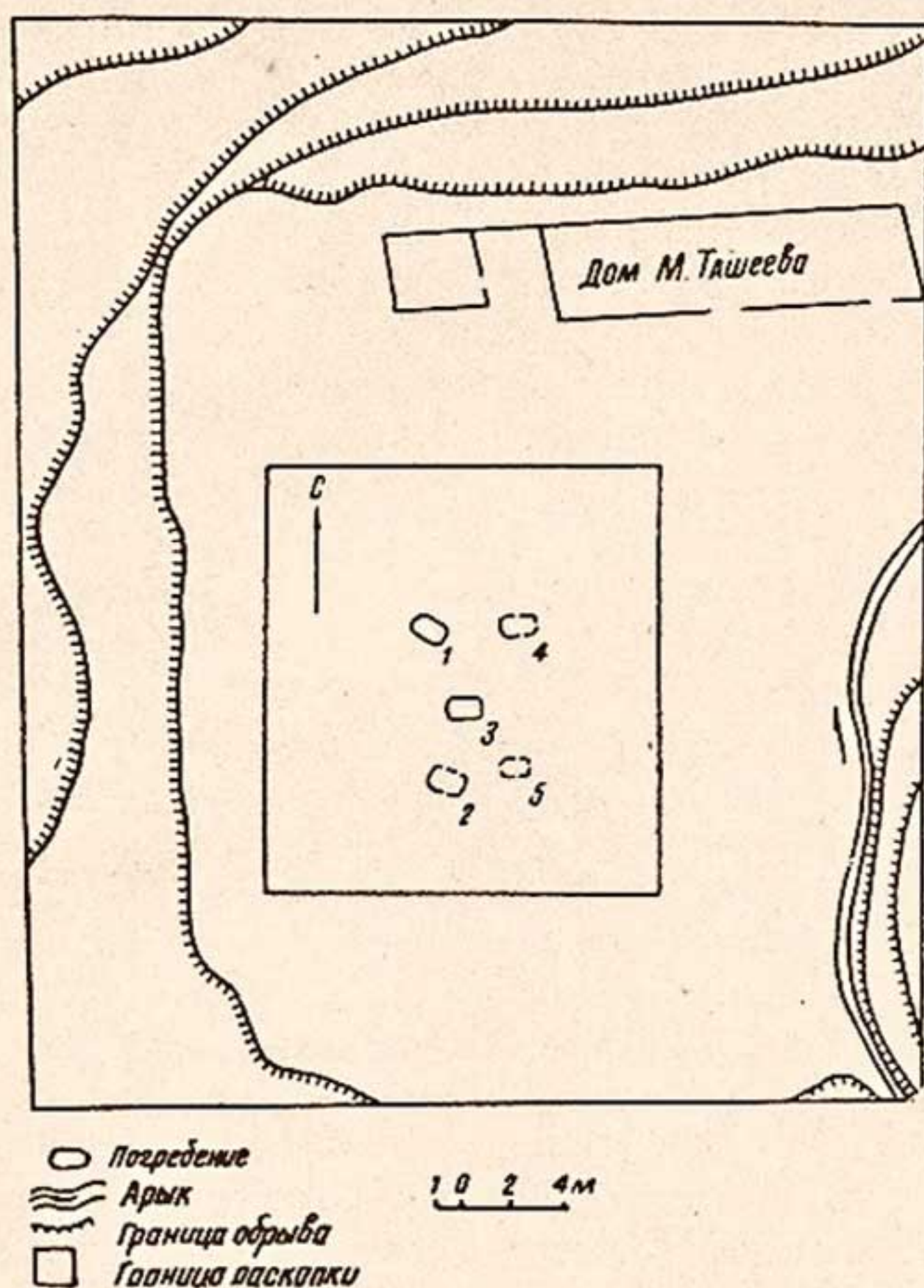

Рис. 1. Схематический план могильника в Муминабаде.

па к востоку в куче лежали 7 бронзовых браслетов (рис. 2, 12). Выяснилось, что М. Ташев при вскрытии этой могилы вынул из ямы предметы, сопровождающие покойника, а затем, через некоторое время, часть вещей снова закопал там же. При беседе выяснилось, что эти браслеты и много других предметов обнаружены им в двух могилах. М. Ташев утверждает, что при вскрытии одной из этих могил были обнаружены

также два обломка камней; один из них он выбросил, а второй сохранил дома. Это массивный обломок зернотерки, сделанной из темно-серого песчаника.

М о г и л а 3. Овальная яма, вытянутая с востока на запад, размером 120×80 см. На глубине 60 см обнажился нетронутый скелет женщины в скорченном положении на правом боку головой на запад (рис. 2, 10). Череп скелета каким-то об-

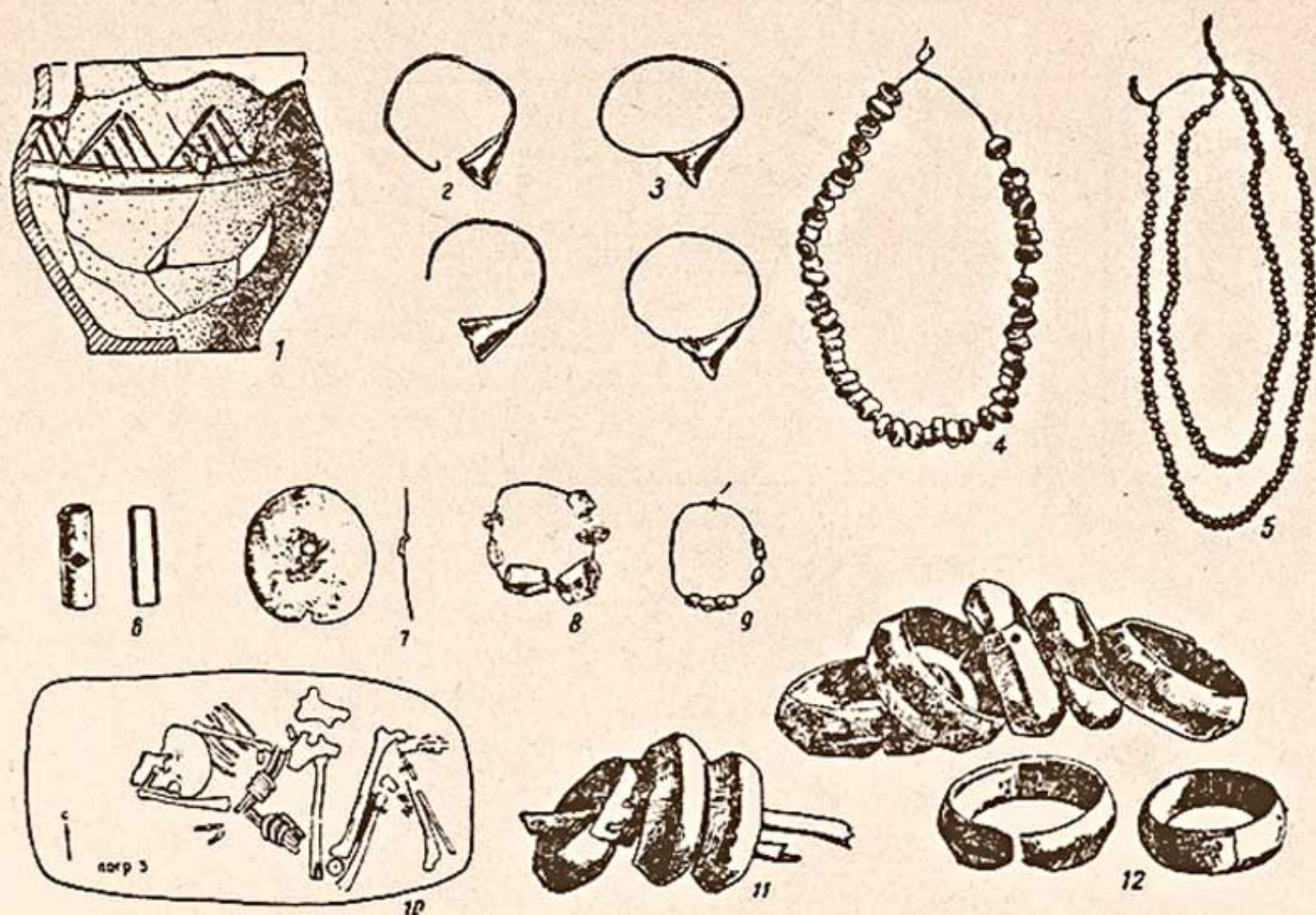

Рис. 2. Погребальный инвентарь:

1—сосуд; 2—серьги; 3—серьги; 4—бусы; 5—бисер; 6—свирель; 7—зеркало; 8—бусы; 9—пастовые бусы; 10—скелет; 11—браслеты; 12—браслеты.

разом перевернут на грудную часть погребенной. В области правого уха золотая серьга с широким раструбом, аналогичная бронзовым серьгам из других могил (рис. 2, 3). Другая золотая серьга оказалась в области носа. На костях обеих рук по три бронзовых браслета (рис. 2, 11). На костях обеих ног низки бронзовых бус цилиндрической, биконической формы. Весь скелет обсыпан литым бронзовым бисером (рис. 2, 5). Видимо, вся одежда и даже головной убор погребенного были вышиты бисером. Среди украшений оказалось более 10 пастовых бус цилиндрической формы. В отверстиях многих бисеринок сохранились остатки льняных

ниток. Около коленной чашечки ног погребенного лежало медное зеркало (рис. 2, 7). Между плечевой костью и предплечьем находилась костяная свирель (рис. 2, 6).

Могила 4. Предельно разрушена, скелет погребенного уничтожен, остались лишь разрозненные обломки костей. Выяснилось, что при обработке виноградника М. Ташев наткнулся и на это погребение. Многие предметы, изъятые им из этой могилы, растеряны. Только часть браслетов из нее, по словам М. Ташева, была закопана им в могилу 2. На всей площади ямы собрано около 30 бронзовых бус (рис. 2, 4), бисер и обломки керамики, аналогичной керамике из могилы 1.

По рассказам очевидцев, на территории могильника на небольшой глубине обнаружено погребение грудного младенца, от которого сохранились лишь бедренные кости и несколько позвонков. Предметов, сопровождающих покойника, в могиле не было.

Таким образом, на территории древнего могильника вскрыто 5 могил, не тронутых никем в древности, но в большей части разрушенных М. Ташевым при обработке земли под виноградник.

В пяти исследованных могилах обнаружены всего лишь один сосуд (погребение 1) и небольшой черепок от стенки другого сосуда (погребение 4). Они изготовлены из глины с примесью дресвы, со следами слабого обжига. Обнаруженный сосуд имеет форму небольшого горшка, расширяющегося кверху невысоким, слегка отогнутым венчиком, с округлым туловом, суживающимся к плоскому уступчатому дну (рис. 2, 1). Край венчика косо срезан наружу. Орнамент геометрический, состоит из оттисков гладкого штампа, отличается от резной техники заостренным на обоих концах узким следом. Узор — заштрихованные равнобедренные треугольники, расположенные в один ряд на плечиках сосуда; под треугольниками — две полосы в виде узких конюляров.

Профиль сосуда и простота орнаментации находят себе аналогию в памятниках позднеалакульского этапа андроновской культуры³. В одной из могил встречены обломки массив-

³ А. Х. Маргулан и др. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, Изд-во «Наука» АН КазССР, 1966, табл. VII, 1; К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 21, 1951, рис. 3, 5; Он же. Курганы на оз. Алакуль. МИА, 24, 1952, рис. 9, 5; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане, МИА, 120, 1962, Табл. XI—IV, 11; XI, 123; М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3, М., 1961, рис. 4, 9; рис. 10, 6, 8; рис. 12, 8, 13; рис. 14, 11; Я. Г. Гулямов, У. Исламов и А. Аскаров. Первобытная культура в низовьях Зарафшана, Ташкент, Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1966, табл. XXIV.

ной зернотерки, изготовленной из темно-серого песчаника. Подобные находки в могильных памятниках эпохи бронзы встречаются очень редко, а в период андроновской культуры — впервые.

Не менее интересны бронзовые браслеты. В трех могилах обнаружены 17 браслетов хорошей сохранности. Примечательно, что при каждой покойнице находились по 4 и даже по 6 браслетов (рис. 2, 11, 12). В погребениях андроновской культуры при покойнице обычно встречались по два браслета⁴, а в могилах срубной культуры — по одному⁵.

Все браслеты изготовлялись из кованой полоски бронзы с желобчатой, выпукло-вогнутой поверхностью. На них четко выделяется ребро. Браслеты имеют незамкнутые заходящие друг на друга закругленные концы, как бы напоминающие собой в одном конце голову змеи. Аналогичная форма браслетов характерна и для памятников срубной и тазабагъябской культуры.

К числу украшений относятся серьги с широким раструбом. В трех могилах найдены 6 серег, из них две золотые весом более 9 г, остальные изготовлены из бронзы. В конце раструба во всех серьгах имеется сквозное отверстие, в котором закреплялся утонченный ее конец, образуя при этом неправильный круг или овал. По наличию следов изношенности ближе к тонкому концу можно судить, что серьги надевались раструбом вверх.

В среднеазиатских памятниках андроновского круга серьги подобной формы не встречались. Бронзовые серьги с широким раструбом и иногда обложенные золотым листом часто встречаются в погребениях Западного⁶, Северного⁷ и Восточного⁸ Казахстана, а также на юге Сибири⁹. Значительным количеством (более 2 тыс.) представлен бронзовый литой бисер

⁴ Я. Г. Гулямов, У. Исламов и А. Аскаров. Указ. соч., стр. 204.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, стр. 66.

⁶ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Материалы Особого комитета по обследованию союзных и автономных республик АН СССР, вып. II, Л., 1927, рис. 25, 7; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. 17, М., 1948, рис. 73.

⁷ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, ТИИАЭ АН КазССР, т. V, Археология, Алма-Ата, 1958, табл. IV, V.

⁸ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, 88, 1960, стр. 14, 15, табл. XXVIIa.

⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 80.

(рис. 2, 5). В отверстиях многих из этих бус сохранились остатки льняной нитки.

Важно отметить, что захоронения производились в одежде, вышитой бусами. Видимо, поэтому расположение бус по всему скелету сохранило определенные закономерности. Особенно сконцентрировались они на грудной части покойника, образуя цепочку в виде овала. Очевидно, здесь было ожерелье, свободно висящее на шнурках. Захоронение в одежде было обычно для того времени. Так, например, автором в 1963 г. на Енисее у Новоселова был раскопан андроновский могильник. В одной из могил сохранились сапожки погребенного, вышитые бронзовыми бусами. В могилах глазковского времени на Байкале на скелете, начиная от средней части грудной клетки до бедренных костей погребенного, сплошь лежали бусы, которые плотно прилегали друг к другу широкими плоскостями. В области верхней части живота они превращались в широкое скопление¹⁰.

Идентичные по форме бусы найдены в могильнике Былды-1 и в верховьях р. Тальды-Нуры Карагандинской области¹¹, датируемом раннеалакульским этапом андроновской культуры¹².

Другую группу украшений составляют также бронзовые бусы (более 150 шт.) биконической и цилиндрической формы, которые в отличие от бисера по размеру больше и изготовлены способомковки из загнутой в колечко пластинки и свернуты из пластинок выпукло-вогнутого сечения с ребром посередине. Они находились у ног погребенного, составляя как бы цилиндрический жгут. Подобные бусы вообще типичны для андроновских погребений. Среди украшений встречаются также и пастовые бусы цилиндрической формы. Интересно, что они находились лишь в области грудной клетки скелета (погребение 3).

В комплексе предметов могильника в Муминабаде имеются круглые плоские бронзовые зеркала (две штуки) с петелькой в центре. Диаметр каждого по 5,5 см. Аналогичные зеркала встречаются в памятниках андроновской культуры¹³.

¹⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 43, 1955, стр. 144.

¹¹ А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., стр. 125, табл. XII.

¹² Там же, стр. 163.

¹³ А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., стр. 75, табл. XII, 1; М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби, МИА, 48, 1956, табл. III, 3; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук, ТИИАЭ КазССР, т. 12, 1961, стр. 62 (рис. 2).

К числу предметов, сопровождающих покойника, относится костяная свирель, изготовленная из трубчатой кости животного. Длина ее 4,2 см. В центре имеется специальное отверстие ромбической формы, срезанное каким-то острым металлическим предметом. Оба ее края срезаны на откос и тщательно отшлифованы. Поверхность свирели отполирована до зеркального блеска, местами имеются слабые следы краски. Свирель находилась в левом нагрудном кармане. Сохранность свирели вполне хорошая; на ней можно играть и сейчас.

В комплексе могильника имелось несколько бронзовых перстней и два височных кольца, последние обтянуты тонкой золотой пластинкой. Височные кольца сделаны из бронзового прута. Один конец более тонкий и заострен, другой — наоборот расплюсчен и свернут в коническую трубку, служившую приемником для острия, когда серьга «заперта». Подобные височные кольца широко распространены в памятниках андроновской культуры¹⁴.

Основной комплекс материалов (браслеты, бусы, зеркала, керамика) имеет прямую аналогию с памятниками тазабагъябского типа андроновской культуры, датированными XIII—X вв. до н. э.

Наибольший интерес в датировке представляет наличие здесь бронзовых и золотых серег с широким раструбом на одном конце, характерных для федоровского этапа андроновской культуры Казахстана и Южной Сибири, датированных в основном серединой II тысячелетия до н. э. Однако было бы неправильным при датировке могильника основываться только на этом. Серьги с раструбом отличались относительной долговечностью, редкостью, особенно золотые, переходили различными путями по наследству из поколения в поколение.

Типологическое сопоставление погребального инвентаря с материалами тазабагъябского круга памятников дает возможность датировать могильник в целом XII—XI вв. до н. э.

¹⁴ В. С. Сорокин. Указ. соч., табл. XXXVII, 18, 20; С. В. Киселев. Указ. соч., табл. VIII, 2; А. Х. Маргулан и др. Указ. соч., табл. XIII, 1; С. С. Черников. Указ. соч., табл. XXXII и т. д.

Х. ДУКЕ

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ТАГИСКЕНСКОЙ И КАРАСУКСКОЙ КЕРАМИКИ

В литературе уже отмечалось, что чрезвычайно своеобразная керамика Тагискена с ее богатой геометрической орнаментацией имеет аналогии в керамике карасукского времени в Центральном Казахстане¹ и далее на Восток — на Енисее². До настоящего времени керамические материалы из Тагискена и особенно с Енисея мало опубликованы. Нам хочется обратить внимание на некоторые интересные параллели между тагискенской керамикой в Приаралье и карасукской на Енисее.

Большой сравнительный материал получен в последние годы в результате работ Красноярской экспедиции. Он позволяет не только осветить ряд спорных вопросов, но и наметить пути к решению некоторых из них. Керамика, добытая экспедицией, позволила, в частности, поставить вопрос о некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики.

По своей форме одна из групп тагискенской керамики (рис. 1, 1—3) находит близкие параллели в керамике Центрального Казахстана: Дындыбай (рис. 1, 7—9), Бегазы (рис. 1, 5), Бугулы II (рис. 1, 4, 6), а также в карасукской керамике Енисея (рис. 1, 10—12). Характерными для этих памятников являются горшки карасукского типа с шаровидным туловом, прямым или слегка отогнутым венчиком. Дно у них выпуклое, плоское или уплощенное. Наружная поверхность сосудов ло-

¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 85; Он же. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сырдарьи, СА, 1962, № 4, стр. 134. С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., МХЭ, вып. 6, 1963, стр. 45.

² М. П. Грязнов. Восточное Приаралье. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, стр. 236—237.

щенная, преимущественно черного цвета. Некоторые горшки Тагискена и Енисея иногда инкрустированы белой пастой.

Наблюдения Красноярской экспедиции последних лет показывают, что сосуды с белой инкрустацией встречаются чаще всего в могилах, обнесенных круглой оградой из плашмя по-

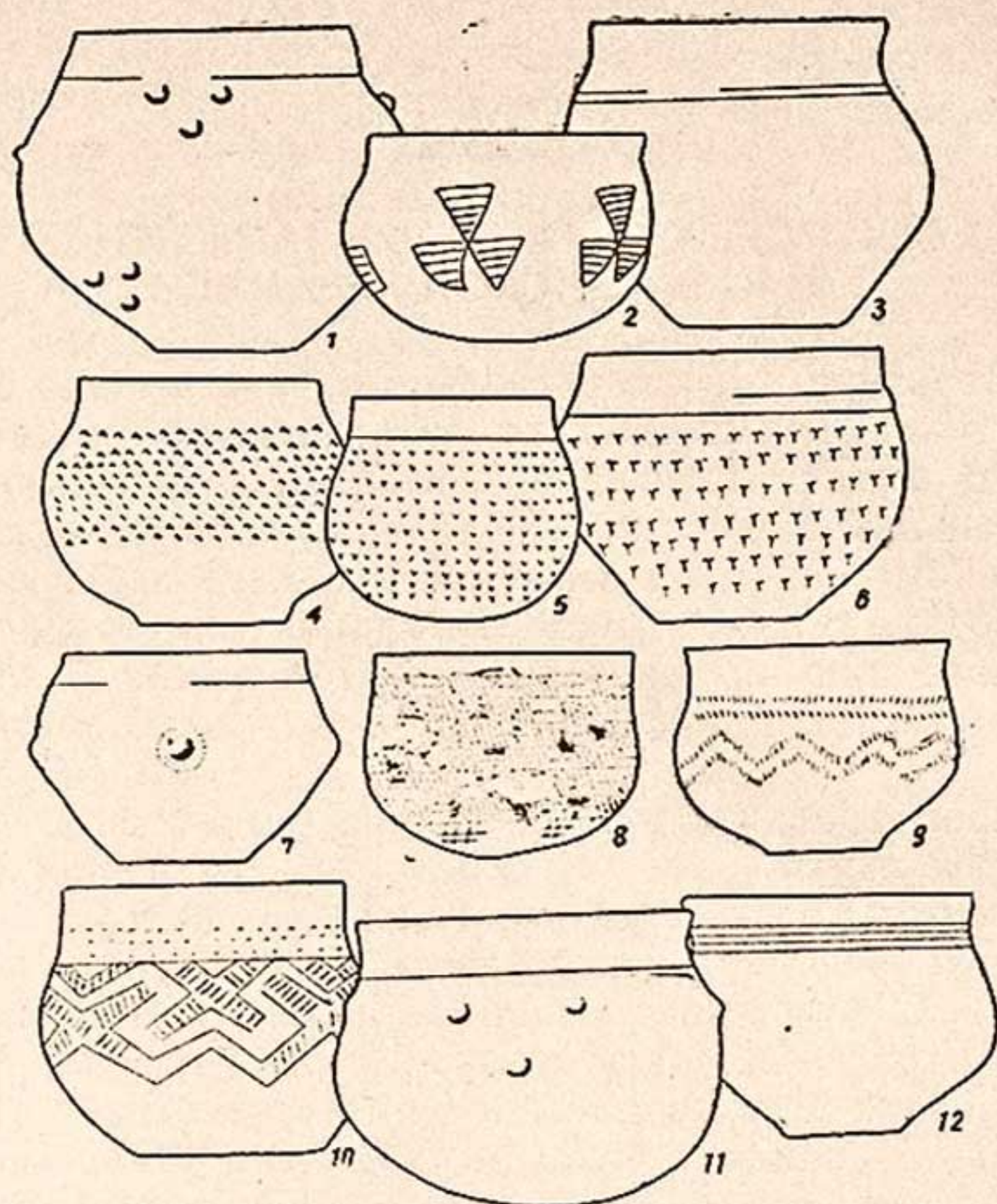

Рис. 1. Керамика карасукского типа (основные формы):

1—3—Тагискен; 4,6—Бугулы II; 5—Бегазы; 7—9—Дындыбай;
10—12—Енисей.

ложенных плит афанасьевско-андроновского типа, и на горшках, в орнаменте которых больше всего чувствуются традиции андроновской культуры. В связи с этим можно предположить, что сосуды с белой инкрустацией являются более ранними среди керамики карасукского типа.

Форма керамики карасукского типа своеобразна и свойственна только данной группе памятников. Например, в Тагискене встречаются миски или чашки с плоским дном (рис. 2,

1—5), кубки на высокой ножке, а также целая серия сосудов, сделанных на гончарном круге. В Центральном Казахстане — чаша на коническом поддоне со слабо отогнутым наружу венчиком (Дындыбай)³, низкая приземистая чашка (Бегазы)⁴ и т. д.

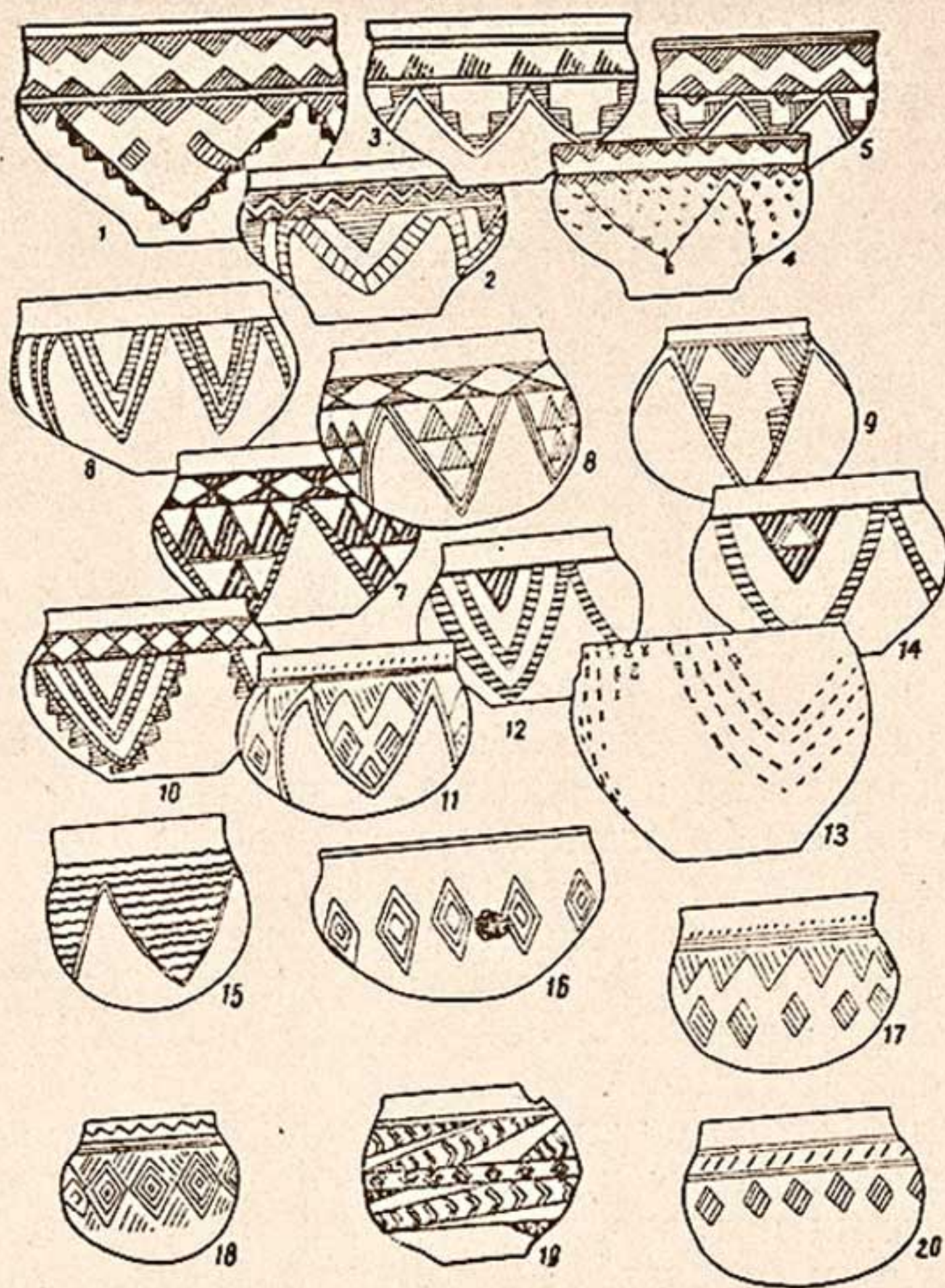

Рис. 2. Керамика карасукского типа (варианты орнамента):

1—6, 16, 19—Тагискен; 7—12, 14, 17, 18, 20—Енисей; 13—Дындыбай; 15—Бегазы.

Орнаментация на сосудах Тагискена весьма разнообразна. Очень распространенными в Тагискене, Центральном Казах-

³ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, СА, XVI, 1952, рис. 5, 1, 2.

⁴ А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центральноказахстанской археологической экспедиции 1947 г., ИАН КазССР, с.а., вып. 2, 1949, рис. 10.

стане и на Енисее являются треугольные фестоны, спускающиеся вниз по плечикам и тулову горшка, заполненные в большинстве случаев геометрическим орнаментом (рис. 2, 1—15). Наиболее близкие параллели наблюдаются в орнаментальных мотивах на керамике Тагискена и Енисея. И здесь, и там треугольные фестоны очень часто составлены из заштрихованных треугольников. Иногда треугольные фестоны окаймлены по краям «бахромой» (рис. 2, 5, 11).

Подобный орнамент с различными вариантами встречает близкие параллели и среди памятников карасукской эпохи на верхней Оби⁵.

Поясок из ромбов, расположенных на определенном расстоянии друг от друга по тулову сосуда, встречаются также на горшках Тагискена и Енисея. Однако, если в Тагискене этот орнамент представляет собой ряд «концентрических» ромбов, то на Енисее в большинстве случаев поясок состоит из заштрихованных ромбов (рис. 2, 16—20). Ромбический орнамент наблюдается и на горшках карасукского типа Центрального Казахстана⁶, но по своей композиции он отличается от тагискенских и енисейских.

Орнаментальные мотивы, известные в небольшом количестве на керамике Тагискена, также редки и на горшках Центрального Казахстана и Енисея. Это орнамент в виде налпных бугорков, образующих треугольники, который мы находим в Тагискене и на Енисее (рис. 1, 1, 11). В ином варианте мы видим его в Центральном Казахстане⁷.

Такие орнаментальные мотивы, как меандр и меандровидные фигуры также находят близкие параллели в Центральном Казахстане⁸ и на Енисее⁹.

Проводя некоторые параллели между тагискенской и карасукской керамикой, мы в то же время должны отметить ряд орнаментальных мотивов, встречающихся только в Тагискене. К этим мотивам относятся незамкнутые треугольники, характерные для тазбагыбской культуры в Приаралье (рис. 2, 3),

⁵ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, МИА, № 48, 1956, рис. 6, 2 и табл. 5, 27—29.

⁶ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., рис. 8, 7; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966, табл. XX, 1.

⁷ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., рис. 8, 8.

⁸ Там же, 8, 6.

⁹ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры, АС, вып. 5, 1962, рис. 10, 2.

известные также на алакульском этапе андроновской культуры и в Западном Казахстане¹⁰.

К другим мотивам орнамента, в большинстве случаев на чашках или мисках, относятся украшения шейки или плечиков, состоящие из двух рядов, обращенных вершинами друг к другу заштрихованных треугольников, между которыми остается «гладкая» зигзагообразная полоса (рис. 2, 1, 2, 5). Этот мотив появился еще на федоровском этапе андроновской культуры и получил довольно широкое распространение на алакульском этапе.

Некоторые отличия тагискенской керамики от керамики других районов объясняются и тем, что она происходит не из рядовых погребений, как на Енисее, а из богатых огромных мавзолеев, где, видимо, были погребены вожди племен, члены их семей и приближенные. Этим объясняется и то, что керамика Тагискена в целом более нарядная, чем в других районах.

Говоря о мавзолеях Тагискена, следует подчеркнуть, что они по сложности своей конструкции и по размерам не имеют себе равных среди памятников карасукской эпохи. Однако, как уже отмечал М. П. Грязнов¹¹, сочетание прямоугольных и круглых стен свойственно не только Тагискену, но и памятникам Центрального Казахстана. Например, памятник Аксу-Аюли по конструкции и монументальности сооружения довольно близок к Тагискену.

Сочетание круглых и прямоугольных сооружений менее крупных размеров с разными пристройками можно наблюдать и среди оград карасукского этапа на Енисее¹².

Тагискенская керамика довольно своеобразна. Вместе с тем, она по форме и орнаментации очень близка к карасукской керамике Центрального Казахстана, особенно Енисея.

Поразительное сходство тагискенской керамики с андроновской показывает, что андроновская традиция в Тагискене, в Центральном Казахстане и на Енисее оказала большое влияние на сложение керамики карасукского типа в этих районах и ее преемственность. Вместе с тем, тагискенская керамика карасукского типа имеет свои местные особенности: сосуды в форме чаш или мисок, орнамент в виде незамкнутых треугольников и другие.

¹⁰ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, № 120, 1962, рис. 7, 43.

¹¹ М. П. Грязнов. Восточное Приаралье..., стр. 237.

¹² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, МЭ., т. III, вып. 2, 1927, табл. 10.

Таким образом, рассмотренная часть керамики Тагискена представляет собой керамику карасукского типа со свойственными ей особенностями. Это, по-видимому, новый вариант керамики эпохи поздней бронзы карасукского типа, который можно назвать тагискенским.

Керамика карасукского типа в небольших количествах и в несколько иных вариантах известна и в других районах Средней Азии: на Зарафшане и в районе сел Каунды и Джаильма на р. Чу.

В связи с тем, что в Восточном Приаралье возможен новый вариант карасукского типа, мы считаем, что характеристика, данная М. П. Грязновым о сложении этих вариантов, вполне подходит к Тагискену: «... варианты культуры карасукского типа, надо полагать, соответствуют отдельным этническим (племенным) группам. Приуроченные к определенным естественно-географическим районам и обладающие особыми для каждой из них, хотя и сходными в общих чертах, комплексами внешних форм материальной культуры, эти группы могли сложиться лишь в результате того, что процесс развития их культуры протекал в сходных социально-экономических условиях и при несомненном взаимном культурном обмене, но все же настолько самостоятельно, что каждое отдельное этническое образование... выработало некоторые свои, отличные от других, формы быта и связанные с ними формы хозяйственного и бытового инвентаря, посуды, орудий труда, украшений и т. д., а также и формы погребального обряда»¹³.

Материалы тагискенского могильника, как отмечалось выше, еще полностью не изданы, поэтому наши заключения носят предварительный характер.

¹³ М. П. Г р я з н о в. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, МИА, 48, 1956, стр. 40—41.

Л. И. АЛЬБАУМ

К ДАТИРОВКЕ ВЕРХНЕГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ КУЧУКТЕПА

История древней Бактрии неоднократно привлекала внимание историков. Новые сведения о Бактрии и вообще о древней истории народов Средней Азии дают археологические раскопки.

На территории Северной Бактрии в настоящее время раскопано очень мало памятников, относящихся к периоду вхождения ее в состав ахеменидского государства. Слои этого времени, выявленные на Калаи-Мир (Таджикская ССР), относятся к древнебактрийскому периоду (VII—V вв. до н. э.)¹ и вошли в литературу как слой Кобадан I². В настоящее время на территории юга Таджикистана обнаружен еще один памятник этого времени — Балдайтепа.

Наиболее полно изучен Кучуктепа³ — небольшой холм высотой около 8 м и диаметром около 50 м, расположенный в Музрабадской степи в 70 км к северо-западу от Термеза у подножия Кугитангтау — юго-западной части Гиссарского хребта и в 10 км к северу от Амударьи. Горный ручеек Музрабадсай орошает этот район. Только благодаря его водам возможна жизнь в Музрабадской степи.

Поверхность тепа усыпана большим количеством мелкой гальки, фрагментами битой посуды, кусками туфа и крупных камней.

Верхний слой на Кучуктепа толщиной 20—50 см образо-

¹ Н. Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи-Мир, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 131.

² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951 гг.), МИА СССР, 1953, № 37, стр. 253.

³ Изучение памятника проводилось в 1963—1965 гг. и осенью 1967 г. Нач. отряда Л. И. Альбаум, сотрудники В. А. Козловский, Т. Агзамходжаев.

вался в результате разрушения стен помещений. В земле, из которой делался кирпич или пахса, попадает мелкая галька. Так как жизнь на холме не возобновлялась, дожди и постоянные южные ветры сдули слои земли расслоившихся кирпичей и пахсы, более тяжелая галька и керамика остались на месте.

Ранее было установлено, что центральную часть холма занимают помещения периода бронзы (конец II тысячелетия — IX—VII вв. до н. э.). Несохранившиеся помещения, о которых мы говорили выше, относились к более позднему периоду. Керамический материал, собранный с поверхности, говорит о том, что они были построены в ахеменидское время, т. е. в VI—V вв. до н. э.

Для исследования всех наслоений холма на его склонах было заложено два больших стратиграфических шурфа — один с восточной, второй с северной стороны (4×15 м), сразу же за стенами помещений, относящихся к более ранним помещениям.

В шурфе I выявлены следующие два строительных периода.

Первый период. К внешней стене помещений эпохи бронзы пристраивается целый комплекс помещений. В настоящее время вскрыта часть трех комнат. В разрезах хорошо видны пахсовые стены высотой 1,5—2,5 м. Стены стоят на рыхлом слое без фундамента. С внутренней стороны под них уходит зольная прослойка. Ширина стен в нижней части около 0,75 м. Помещения были заполнены прослойками рыхлой земли зеленоватого или коричневого цвета. В некоторых местах видны следы золы и обожженной земли. Это рыхлое заполнение образовалось следующим образом. Древние жители устилали полы помещений толстым слоем соломы. После загрязнения соломы различными органическими отбросами, настилали новый слой. Между слоями оставались битая посуда, кости, на месте очага — зола и обожженная земля. Вдоль стен в завалах помимо кусков пахсы встречаются кирпичи (33×33×13—15; 40×40×13—15), сделанные из глины с небольшой примесью самана. Некоторые кирпичи слегка равномерно обожжены. В помещениях найдена керамика, кости животных, две подвески из лазурита, белая пастовая бусина в форме колесика и бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы.

Второй период. После культурных напластований до IV яруса отмечен второй этап. Восточнее стены первого периода поставлена новая стена. IV ярус — граница второго периода обживания Кучуктепа. Керамика не отличается от

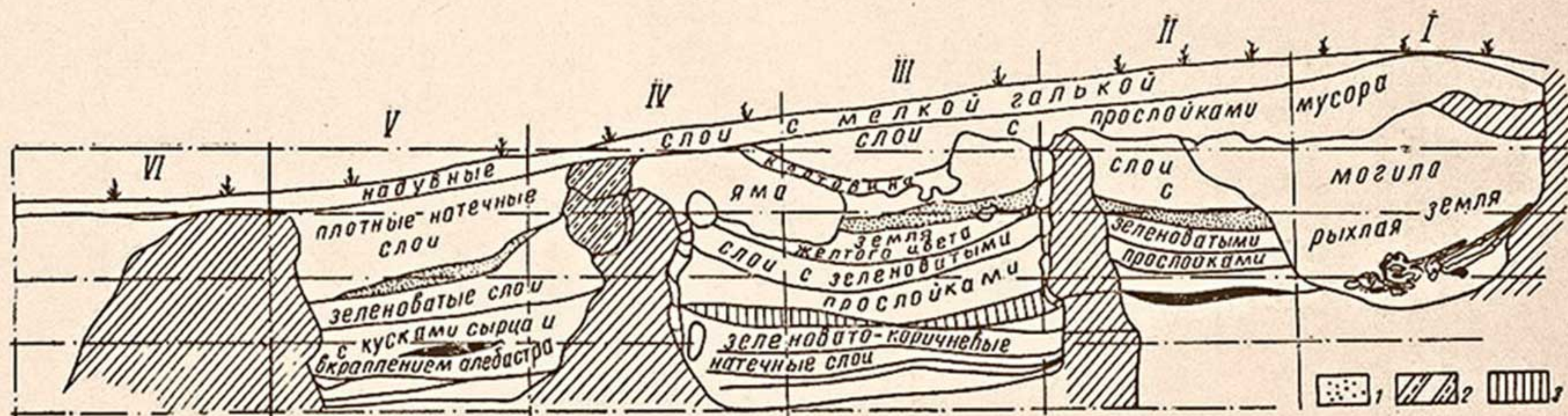

Рис. 1. Восточный разрез шурфа 2.

предыдущего этапа. Для датировки очень важны находки черешковых трехлопастных наконечников стрел, о которых скажем ниже.

Шурф 2 (рис. 1) дал аналогичные материалы. Выявлены стены помещений. Особенно интересно обнаруженное в южной части шурфа захоронение. Могильная яма прорезывает

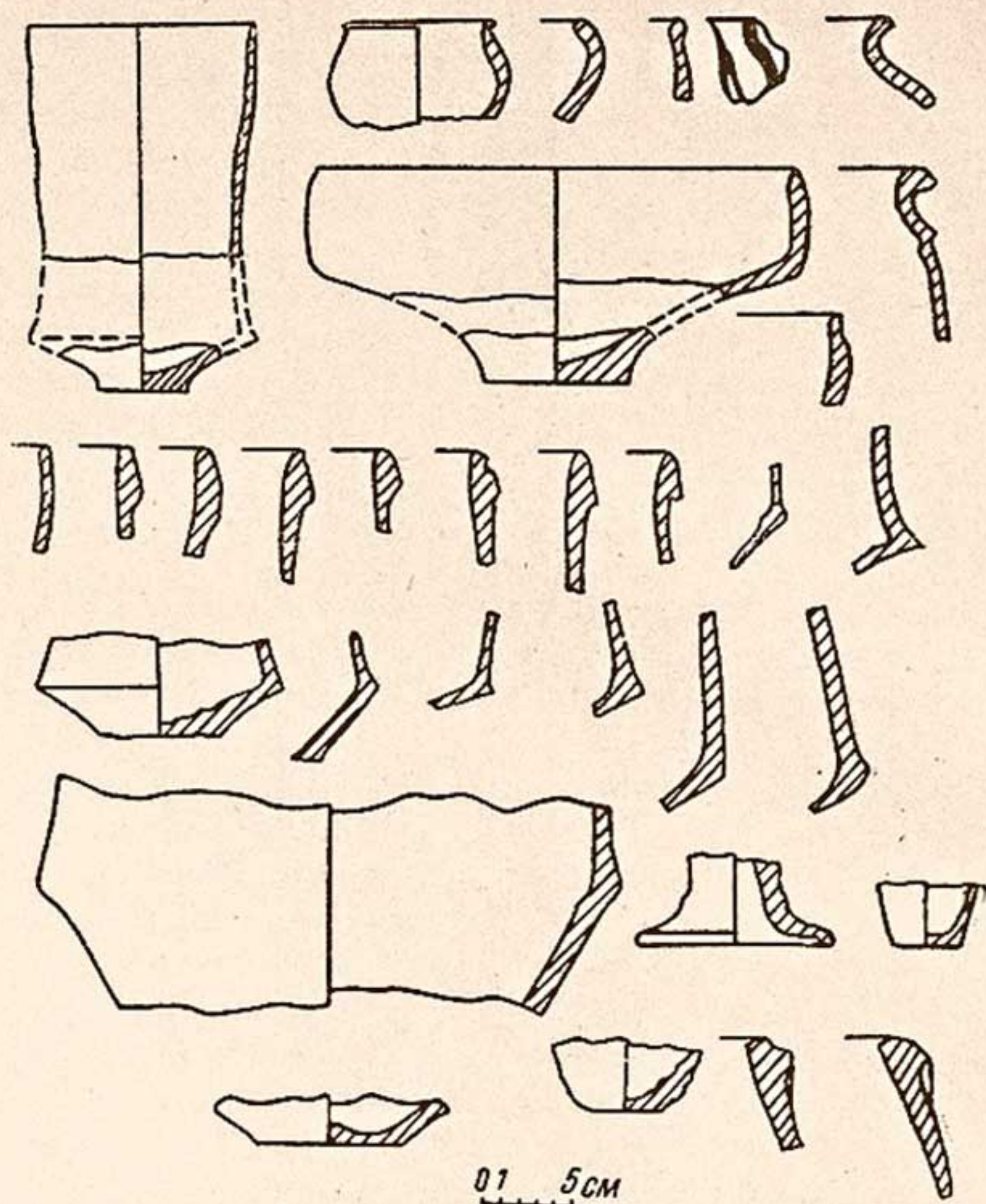

Рис. 2. Некоторые керамические формы верхнего слоя Кучуктепа.

культурные наслоения. Покойник лежал на спине, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте кистью к голове. Левая нога прямая, а правая слегка согнута в колене. На левом плече и у левого колена лежало по одному бронзовому трехлопастному черешковому наконечнику. Дно могилы выложено галькой.

Керамика. Большинство сосудов из шурфов сделано на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Ведущей фор-

мой являются цилиндроконические сосуды с перегибом у дна. Размеры их самые разнообразные (рис. 2). В нижней части тулово резко переходит в конус, сужающийся к плоскому дну. Все сосуды светло-серого цвета.

Другой преобладающей формой сосудов являются крупные корчаги, также цилиндрообразные. Тулово их почти строго вертикальное. Верхняя часть заканчивается венчиком, имеющим форму двуперой стрелы с закругленным острием и различными его вариантами. Сосуды этого типа очень неустойчивы. У многих в середине дна круглые отверстия диаметром от 0,7 до 3—5 см. Всего найдено 162 фрагмента донцов от 64 разных сосудов, из них 15 почти целых, 8 с отверстиями в нижней части.

Интересно, что в раскопках часто встречались керамические кружки различного диаметра, но не более 6 см. Они выточены из обломков обожженных сосудов. Возможно, что часть из них служила для прикрывания отверстия в дне, чтобы насыпанные в сосуд продукты, например зерно, не высыпались.

На двух крупных банкообразных сосудах имеется изображение креста, выполненного черной краской. Аналогичные знаки встречаются и на сосудах слоя Яз II.

Найдены лепные сосуды, например котлы, в тесте которых большая примесь дресвы. У некоторых в верхней части тулова наклепные ручки. Иногда они настолько малы, что носят скорее декоративный характер, чем утилитарный.

Плоские переносные жаровни диаметром до 0,5 м, на которые клали угли для обогрева помещений, сделаны без гончарного круга.

В обоих шурфах найдено 4095 фрагментов керамики. Все, кроме 60 (т. е. 1, 25%), сделаны на гончарном круге.

Найдены изделия из камня. Больше всего зернотерок ладьевидной формы, длиной 25—35 см; терок в виде плоских камней с небольшим углублением в одной из его частей, ступ и пестиков.

В отличие от предыдущего этапа, где были встречены двухлопастные черешковые стрелы, в этих более поздних слоях найдены трехлопастные черешковые.

Самый последний этап эпохи бронзы Кучуктепа, т. е. слой под ахеменидскими наслоениями, характеризуется бронзовыми двуперыми, с выступающими втулками наконечниками стрел. Этот тип стрел характерен для слоя Яз I, Хорезма архаического периода, Кобадiana I⁴ и других мест Средней

⁴ М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 280, рис. 19.

Азии. Наконечники этого вида на Кучуктепа можно датировать VIII—VII вв. до н. э., хотя они доживают и до V в. до н. э., как это мы видим в слое Яз II⁵.

Несколько подробнее остановимся на характеристике наконечников стрел, найденных в верхних слоях шурфов и в захоронении. Всего обнаружено 7 наконечников (рис. 3). Все они

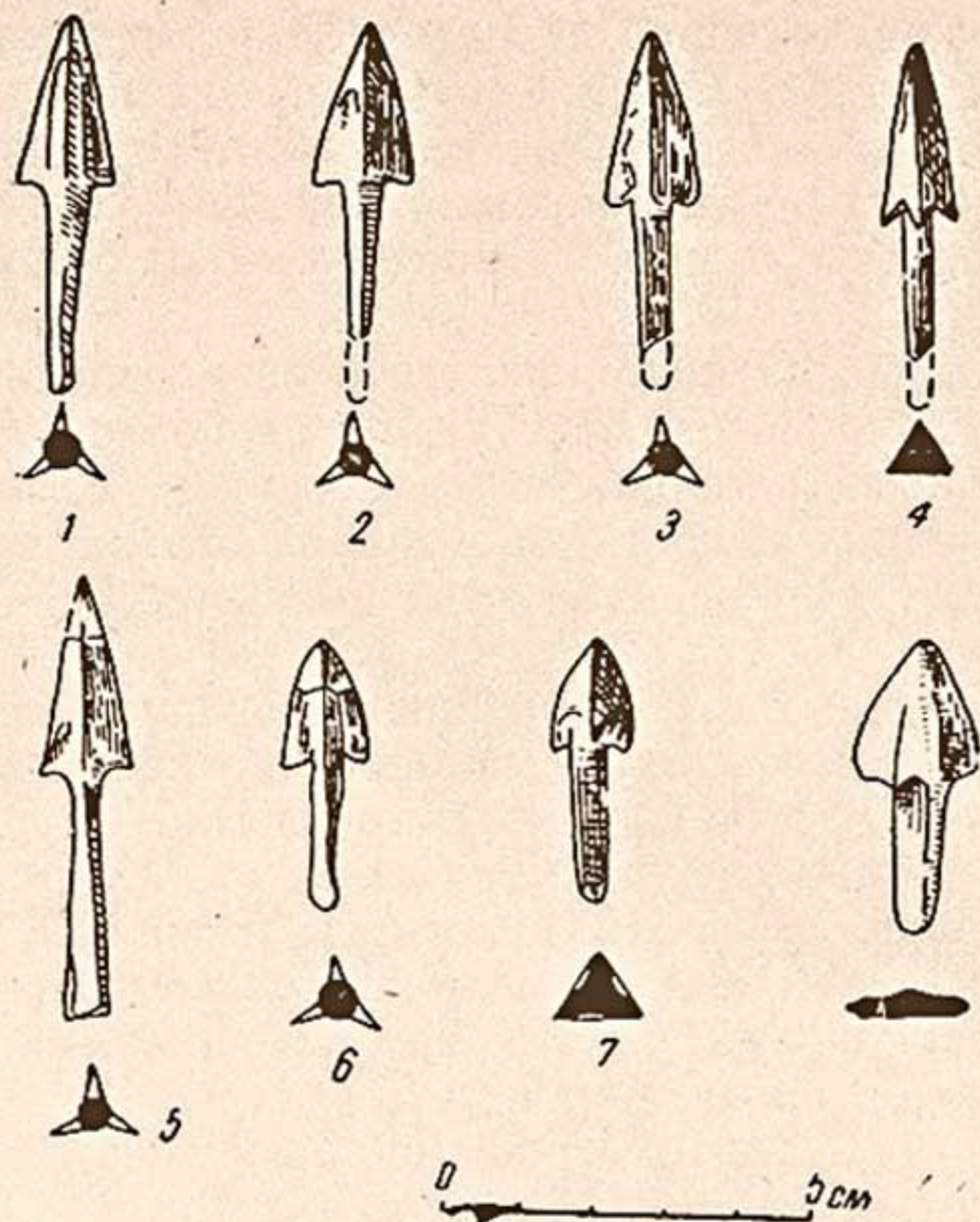

Рис. 3. Наконечники стрел верхнего слоя Кучуктепа.

трехлопастные с ровными или слегка опускающимися книзу жальцами. Черешок в верхней части круглый в сечении, а книзу как бы срезан с двух противоположных сторон, образуя заостренный клин, сделанный для удобства вставления его в стрелу. Среди костей погребения 2 наконечника. У них одинаковая форма, но разные размеры—5,8 и 3,7 см. Длина черешка несколько больше боевой головки. Подобные наконечники очень редки в Средней Азии. Более характерны — трехгранные втульчатые стрелы. Например, в слое Яз III

⁵ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), Душанбе, 1962, стр. 217.

встречаются трехперые наконечники стрел со скрытой втулкой, опущенными вниз заостренными концами перьев⁶.

При раскопках Эрккалы встречены трехлопастные наконечники стрел со скрытыми и выступающими втулками. Кроме Эрккалы, они встречены на Гяуркале. Там же найдены и другие виды наконечников. З. Усманова выделяет 5 групп, среди которых черешковые наконечники являются редкостью⁷.

Бронзовые стрелы в Старом Мерве появляются в середине первого тысячелетия до н. э. и существуют до III—IV вв. н. э.⁸ В Хорезме бронзовые стрелы существовали до II—III вв. н. э. Но во всех этих районах мы не находим трехперых бронзовых стрел с выступающим, уплощенным книзу черешком.

Трехгранные черешковые с уплощенными книзу черешками стрелы часто встречаются в Южной Сибири и Казахстане. При раскопках могильных сооружений в горах Бегазы в 80 км от оз. Балхаш и 250 км от Дандыбая в ограде 2 было обнаружено два наконечника стрел. Один—двухперый с выступающей втулкой и опущенным сбоку шипом, характерным для наконечников раннескифского времени; второй—трехгранный с черешком вышеописанной формы. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан, сравнивая их с наконечником из Алепаула 3, где погребения аналогичны погребениям Дандыбая и Бегаза, считают, что оба наконечника относятся к раннескифскому времени, т. е. к X—VIII вв. до н. э.⁹

В Восточном Казахстане найдены наконечники стрел, которые «имеют массивный круто заостренный конец, переходящий в три скошенных снизу пера. Черешок длинный, книзу уплощенный»¹⁰. Как видим, описание стрел, найденных в Восточном Казахстане, совпадает с описанием стрел из Кучуктепа. Как предполагает С. С. Черников, изготавливались они на месте и датируются VI—V вв. до н. э.¹¹

А. Н. Бернштам при изучении памятников Восточного Памира произвел раскопки 16 погребальных сооружений на правом берегу р. Памир, примыкающей к южным склонам Аличурского хребта. В десятом кургане могильника найден деревянный колчан, обшитый кожей, с 35 стрелами, положенными

⁶ В. М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА СССР, 78, 1959, стр. 47.

⁷ З. У с м а н о в а. Эрк-Кала, Труды ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 66.

⁸ Там же, стр. 68.

⁹ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136.

¹⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА СССР, 88, М.—Л., 1960, стр. 83, табл. XIV, 7.

¹¹ Там же.

наконечниками книзу. Наконечники в нем самые разнообразные: из бронзы, железа, кости и дерева¹². По форме они также различны.

Особые группы составляют бронзовые стрелы: 1) черешковые двухлопастные с прямоугольным или круглым в сечении черешком, длина от 4,3 до 6,2 см; 2) черешковые трехгранные перья. Черешки в первой и второй группах книзу срезаны по манере среза ножом по дереву; 3) втульчатые двухлопастные со слегка опущенными концами лопастей. Одна стрелка плоская с коротким черешком, другая — из кости, по типу аналогичная второй группе, третья — железная.

Несмотря на разные формы и кажущуюся разновременность, у всех видов стрел много общего. Двухлопастные и трехгранные стрелы, а также костяная объединяются одинаковыми формами черешков. Втульчатые, двухлопастные по форме головок могут быть объединены с двухлопастными черешковыми. Следовательно, все стрелы однотипны.

В целом весь комплекс находок приводит А. Н. Бернштама к выводу, что он схож с комплексами тягорской культуры V—IV вв. до н. э. и алтайской того же времени, а также с позднескифскими и раннегуннскими комплексами Ордоса тех же веков¹³. Курганы, оставленные памирскими кочевниками, «в древнейшей своей части датируются V—IV вв. до н. э. и связаны с курганами племен Семиречья, Алтая и Енисея»¹⁴.

В Центральном Казахстане открыто и исследовано несколько памятников скифо-сакского времени, относящихся к периоду раннего железа (тасмолинская культура, сменившая бегазы-дандыбаевскую культуру периода бронзы).

В 1962 г. раскапывались курганы Карамурунского могильника, расположенного на берегу р. Шидерты. Особый интерес представляет курган 5. С левой стороны от скелета находился колчан с 30 стрелами и 46 наконечниками¹⁵. Из них 42 наконечника бронзовых, 3 костяных и 1 деревянный. Все наконечники по форме подразделяются на три группы. Первая группа (22 экземпляра) — двухлопастные, втульчатые с шипом на втулке и без шипов. Вторую группу (19 экземпляров) составляют трехлопастные черешковые наконечники; черешок книзу уплощен. Третья группа состоит из 1 наконечника двух-

¹² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, 26, М.—Л., 1952, стр. 295—296, рис. 133—135.

¹³ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 324.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1966, стр. 337 (рис. 58).

лопастного, но с черешком, как у второй группы. Все наконечники датируются VII—VI вв. до н. э.¹⁶

В обоих могильниках наконечники различных типов находились вместе, следовательно, они сосуществовали. Но это еще не значит, что они изготовлялись в один и тот же период. Стрелы, изготовленные в конце II тысячелетия, могли находиться в быту в первой половине I тысячелетия до н. э., хотя для этого периода характерен совсем другой тип стрел.

Выше было сказано, что на полу помещения 2 в шурфе 1 на Кучуктепа был найден один бронзовый двухперый наконечник стрелы со штырем как у трехперого (рис. 3). Наконечники этого вида являются переходными от двухперых втульчатых к трехперым штыревым, обнаруженным в верхних слоях Кучуктепа ахеменидского времени.

В развитии керамических форм также наблюдается определенная закономерность. Сосуды банкообразной формы цилиндроконические характерны для ахеменидского времени. Они появились в Средней Азии только с завоеванием ахеменидов. На Кучуктепа было найдено много таких сосудов, отличающихся высоким качеством изготовления.

На территории Туркмении в течение последних лет проводятся большие работы по изучению древнеземледельческой культуры. Получены большие керамические комплексы, относящиеся к различным историческим периодам. Это позволяет проследить генетическое развитие этого вида памятников материальной культуры.

Мы не останавливаемся на сосудах раннего энеолита, хотя именно с этого времени можно проследить формы, сложившиеся в ахеменидское время. Особый расцвет керамического производства приходится на период бронзы. Классическим примером служит керамика с поселения Намазга IV и V¹⁷. С этого времени керамика, сделанная на гончарном круге, вытесняет лепную. Остановимся на некоторых наиболее характерных формах, не рассматривая их орнамента. Это сосуды на небольших поддонцах, с расширяющимся к середине туловом. Выше оно резко сужается, образуя ребро в центре сосуда, а к венчику тулово снова плавно расширяется. Кубки на высоких неустойчивых ножках с аналогичным ребром в средней части тулова, иногда вместо ребра плавное закругление; крупные хумы с подкосом в придонной части и почти цилиндрическим туловом и т. д.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 378.

¹⁷ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, т. 7, Ашхабад, 1956.

Если нижнюю часть этих сосудов срезать наполовину, перед нами будет керамика, характерная для ахеменидского периода. Перегиб получается не в средней части сосуда, а в нижней, и тулово приобретает более вертикальное положение, хотя изгиб в средней части остается. Памятников типа Намазга на территории юга Узбекистана пока не найдено, но мы предполагаем, что они будут открыты и именно от них нужно проследить развитие и сложение керамических комплексов ахеменидского времени.

Культура Намазга IV и V датируется III—II тыс. до н. э., а ахеменидский период — VI—V вв. до н. э. Промежуток между этими периодами характеризуется упадком в развитии керамического производства. Когда появляются новые культуры типа Яз-депе в Туркмении¹⁸, Чуст¹⁹ и Дальверзин²⁰ в Узбекистане, в изготовлении сосудов наблюдается резкий отход от старых форм. Гончарный круг заменяют матерчатые шаблоны.

В формах и в орнаментации сосудов, формах бронзовых ножей и наконечников стрел одновременных слоев Яз I и Кучуктепа много общего. С другой стороны, каменные ножи находят аналогии в Чусте и Дальверзине. Нам кажется, что во всех этих культурах есть общие черты. Изменение техники изготовления керамических сосудов в период поздней бронзы в южных районах Туркмении, Узбекистана и Таджикистана связывается с вторжением кочевых племен и вхождением их в состав местного оседлого населения. Несмотря на новую технику в изготовлении сосудов древнеземледельческих районов, некоторые формы, бытовавшие здесь ранее, продолжают существовать.

Создается впечатление, что в южные районы Средней Азии вторгаются племена не только степных кочевников, но и оседлого населения, в частности из района Ферганы (Чуст, Дальверзин). По установившимся датировкам, это передвижение племен на юг произошло на рубеже II и I тыс. до н. э.

В VI в. до н. э. на юге Средней Азии вновь появляется керамическая посуда, сделанная на гончарном круге из хорошей глины, цилиндроконической формы. В это же время в Фергане (городище Эйлотан)²¹ появляются керамические

¹⁸ В. М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура.

¹⁹ В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1963.

²⁰ Ю. А. З а д н е п р о в с к и й. Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА СССР, № 118, М.—Л., 1962.

²¹ Ю. А. З а д н е п р о в с к и й. Древнеземледельческая культура, стр. 192; Н. Т. Г о р б у н о в а. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Археологический сборник, 5, Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, стр. 104.

сосуды, имеющие некоторые сходные черты с керамикой Яз I и Кучуктепа.

На основании археологического материала можно сделать предположение, что под давлением ахеменидов и входящих с ними в военный союз племен, вытесненных из южных районов в конце II в., северные завоеватели были оттеснены на свои исконные земли (Фергану). Местное население стало изготавливать посуду, формы которой повторяют несколько измененные древние образцы, существовавшие здесь до начала I тыс. до н. э. В Фергане, не вошедшей в сферу влияния ахеменидского государства, продолжали изготавливать керамику по старым установившимся образцам.

Какие же северные племена могли участвовать в походах на древнеземледельческие оазисы юга? Этот сложный вопрос невозможно подробно осветить в небольшой статье. Напомним только, что большую роль в жизни Средней Азии этого периода играл сакский кочевой союз.

Саки были связаны с юго-западными территориями культурных областей Афганистана, Восточного Ирана, Северной Индии и южными районами Узбекистана, т. е. территорией Бактрийского государства. Сакской проблеме посвящена большая литература²². Саки участвовали в междоусобной борьбе ахеменидских правителей.

Рассматриваемая нами группа двух- и трехлопастных наконечников стрел со штырями, уплощенными к нижней части, имеет, по-видимому, сакское происхождение. Появление их в районе Кучуктепа можно связывать с одним из событий, происшедших в период с 518 до 330 гг. до н. э., т. е. до гибели Дария III и начала вторжения войск Александра в Бактрию. Первая четверть IV в. до н. э. — наиболее вероятная дата обнаруженных нами трехлопастных наконечников.

Обнаружение на Кучуктепа в могиле рядом с костяком 2 наконечников можно объяснить по-разному. При осаде поселения саками стрелы попали в защитников. Возможно и то, что перед нами могила сакского воина. В этом случае стрелы положены в могилу с ритуальной целью.

Дальнейшие раскопки на Кучуктепа дадут новые сведения об оседлых земледельцах южных районов Узбекистана в период вхождения их в состав ахеменидского государства.

²² К. А. Акишев, Т. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, Изд-во АН КазССР, Алма-Ата, 1963, стр. 121 и сл.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

МИРАНКУЛЬСКИЕ КУРГАНЫ

Весной 1964 г. были продолжены раскопки курганов в степи за Даргом в 18 км к юго-западу от Самарканда около сел. Миранкуль. Оно расположено в ущелье, из которого в степь по направлению к Даргому тянется русло Миранкуль-сая. Севернее селения, у выхода сая из ущелья, восточнее его русла находится 14 курганных насыпей. Они составляют примерно одинаковые группы, разделенные между собой оврагом.

Северо-западнее Миранкуля, у подошвы горного хребта, к западу от сая находится еще одна курганная группа. В ней около двух десятков насыпей. Далее на запад в 1,5 км от Миранкуля за небольшим холмом находится еще одна группа курганов из 30 насыпей. Они вытянуты в три цепочки, идущие от гор с юга на север, в степь. С севера эти курганы ограничены грунтовой дорогой Агалык — Сазаган. Здесь в 1963 г. были начаты раскопки курганов Придаргомской степи¹.

В 1964 г. были раскопаны семь насыпей из первой группы курганов, находящихся восточнее оврага. Весной и осенью 1965 г. раскопки производились северо-западнее Миранкуля и западнее, ближе к селению Капакуль, где всего было раскопано девять насыпей. Объектом раскопок также был один курган, находящийся в отдалении от первой группы за северной кромкой дороги Агалык — Сазаган, на крутом восточном берегу Миранкуль-сая.

В период полевых работ 1964—1965 гг. около сел. Миранкуль было раскопано 17 курганов, нумерация которым дана

¹ О раскопках курганов около Сазагана см.: О. В. Обельченко, Сазаганские курганы, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 66—81.

в порядке ведения раскопок. Курган №1 самый северный в восточной группе, курган № 12 стоит отдельно, на берегу сая. Насыпи всех курганов, за исключением кургана №12, возведены из супеси с большим количеством валунов и камней мраморовидных и гранитных пород. Поверхность всех насыпей, особенно в верхней части, покрыта камнями и поросла травой.

При раскопках насыпи курганов снимались ровными половинами, сначала южная, а затем северная части. Никаких выкладок на бывшей дневной поверхности или следов рва, окружающего насыпь, не было обнаружено. В восточной группе были раскопаны курганы №1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

К у р г а н № 1. Диаметр насыпи 20 м, высота 1,4 м. Южнее центра кургана в насыпи отчетливо прослеживался грабительский лаз к погребению — вертикальное углубление в насыпи. Земля в нем более темного цвета и большей плотности. Лаз округлый в плане, диаметром около 3 м в верхней части и сужающийся до 2 м у бывшей дневной поверхности. В материковом слое на глубине 1,5 м сохранились остатки могилы овальной в плане и ориентированной длинной осью с северо-запада на юго-восток. Длина могилы около 2 м, ширина 1 м. Эта могильная яма была засыпана рыхлой землей более темного цвета, нежели окружающий ее материковый слой. В засыпке могильной ямы на разных уровнях обнаружены фрагменты костей скелета одной особи человека. Инвентарь погребения отсутствовал. Местами на полу могилы сохранился тлен коричневого цвета от подстилки из войлока, на которую клали покойника при погребении. Судя по находке фрагментов нижней челюсти и отдельных зубов в северной части могилы, скелет, видимо, лежал головой на север. Боковые стенки могилы плохо прослеживались. Они были, видимо, повреждены при ограблении могилы, в результате которого инвентарь был похищен, а кости перемешаны.

К у р г а н №2. Диаметр насыпи 12 м, высота 0,8 м. Под насыпью в центре кургана находилась грунтовая могила, овальная в плане, ориентированная длинной осью с северо-востока на юго-запад. Могильная яма была завалена землей с большим количеством камней. Длина могилы 2 м, ширина 1 м, глубина 1,5 м от бывшей дневной поверхности. На полу могилы лежали разрозненные кости скелета, перемешанные с землей. Головой скелет был ориентирован на северо-восток. Никакого инвентаря в могиле не оказалось, она была ограблена, а костяк перемешан с землей. Находившиеся в могиле кости сильно истлели и разбиты.

К у р г а н № 3. Диаметр насыпи 20 м, высота 1 м. Под насыпью кургана почти в центре находилась грунтовая могила, засыпанная землей с камнями. Могила в плане овальная, длинной осью ориентирована с севера на юг, с незначительным отклонением к востоку. Длина могилы 2,1 м, ширина 1 м, глубина 2 м. На полу могилы по ее длинной оси, головой на север, лежал скелет на спине в вытянутом положении. Кости скелета плохой сохранности, они сильно истлели. Череп тоже плохой сохранности, повернут к левому плечу, левая рука скелета слегка отведена в сторону, на фалангах пальцев этой руки имеется зелень от разложившихся бронзовых изделий. На поясе костяка сохранились остатки сильно поржавевшей круглой железной пряжки с язычком для застегивания. С правой стороны скелета, ниже кисти правой руки лежал кинжал из железа с остатками деревянных ножен. Острие кинжала находилось около колена правой ноги. Длина кинжала 29 см, ширина 3,5 см, кинжал двулезвийный, чечевичный в разрезе без перекрестия и навершия. На верхней части рукоятки кинжала сохранился железный штифт с остатками деревянной обкладки. Около кисти левой руки лежала бронзовая обойма. В головах скелета, ближе к левому плечу стояли горлышком кверху две фляги, обе с уплощенным боком. Ближе к черепу стояла фляга из глины светло-коричневого обжига, покрытая светло-серым ангобом. На нем натеки грязновато-черной краски, которая струйками стекала от горловины к донной части. Высота этой фляги 23,5 см, диаметр уплощенного бока 18 см, диаметр венчика горловины 7,5 см. Сделана фляга на гончарном круге, а плоский бок с неровной внешней поверхностью прикреплен потом. Вылеплен он руками на песчаной подсыпке, следы которой, а местами и сам песок, сохранились на боковине. Выпуклая часть фляги имеет в центре конический выступ. Короткая прямая горловина переходит в отогнутый наружу плоский венчик. На выпуклой части вокруг выступа до обжига прочерчены две концентрические окружности. Промежуток между ними заполнен волнистым процарапанным орнаментом. На наружной поверхности фляги, ближе к уплощенному боку, имеется изъян. Он образовался от выпадения твердых частиц из глиняного теста при формовке на круге. Ближе к левому плечу стояла вторая фляга также из глины светло-коричневого обжига. Высота ее 23,5 см, диаметр уплощенного бока 17 см, диаметр венчика 7,5 см. Выпуклая часть фляги с более крутыми плечиками выше, чем у предыдущей. В центре выпуклой части есть небольшой выступ в виде шишечки. Короткая цилиндрическая горловина переходит в отогнутый нару-

жу и заостренный кверху венчик. Сделана фляга на гончарном круге. Выпуклая и плоская части ее отдельно сформованы на круге, а затем соединены, причем плоская часть сделана на подсыпке из песка. Место стыка обеих частей прослеживается по небольшому углублению, проходящему по обе стороны горловины. Горловина фляги тоже сформована на круге, а затем прилеплена к тулову. Снаружи фляга покрыта натеками грязновато-марганцевого цвета. На этой фляге также имеются изъяны от выпавших из глины твердых частиц. За черепом скелета, западнее фляг лежала передняя нога овцы и сильно разрушившийся железный прямой маленький нож.

К у р г а н №4. Диаметр насыпи 10 м, высота 0,7 м. Он южнее уже описанных курганов, насыпь его сливается с насыпью кургана №5. Устройство ее ничем не отличается от других насыпей могильника. Под насыпью на уровне бывшей дневной поверхности находился кувшин с отбитой верхней частью. Сделан кувшин на гончарном круге из глины светло-коричневого обжига, покрытой светло-серым ангобом. Округлое тулово кувшина переходит в плоское дно диаметром 7,5 см. До помещения сосуда в курган в дне сделано отверстие. На крутых плечиках сосуда сохранился след крепления ручки. Горловина с венчиком отсутствует. Высота сосуда от дна до перехода плечиков в горловину — 14 см.

К у р г а н №5. Диаметр кургана 12 м, высота 0,8 м. Под насыпью в небольшом углублении ниже бывшей дневной поверхности, почти в центре кургана находился разбитый сосуд, фрагмент нижней челюсти человека и мелкие фрагменты ребер. Склеенный сосуд представляет собой кувшин с двумя ручками. Верхняя часть его утрачена, сохранился лишь неполный венчик, однако форма его легко восстанавливается. Кувшин сделан на гончарном круге, плоское дно диаметром 11 см переходит в яйцевидное тулово. Крутые плечики его переходят в короткую цилиндрическую горловину с выступающим наружу округлым венчиком. Снаружи по венчику нанесены две параллельные линии, образующие профиль венчика. Небольшие плоские в сечении ручки прикреплены к плечикам кувшина. Ниже корней ручек, на выпуклой части тулова прочерчены две параллельные линии, опоясывающие тулово. Пространство между ними заполнено прочерченным волнистым орнаментом. Ниже горловины сосуда, на уровне верхнего крепления ручки к тулову по плечикам прочерчена двойная линия, образующая верхний орнаментальный пояс. Глиняное тесто кувшина светло-коричневого обжига, снаружи

покрытого светло-серым ангобом. Рядом с этим кувшином лежали фрагменты донца и боковой стенки другого сосуда. Раскопки всей площади, перекрытой насыпью, никакого результата не дали, повсюду был вскрыт материковый слой.

К у р г а н №6. Диаметр насыпи 28 м, высота 1,3 м. При снятии насыпи в ее южной половине, около центра, на глубине 0,7 м от современной поверхности были обнаружены разбитый череп и небольшое количество мелких костей. Тут же находились фрагменты боковых стенок сосуда со светло-серым ангобом снаружи. В северной же части кургана, в 2,5 м к северо-востоку от центра насыпи обнаружены кости скелета, придавленные камнями. Среди них были и плиты. Кости лежали в земле чуть ниже бывшей дневной поверхности в северо-восточном направлении. Это остатки скелета основного погребения. В насыпи было и впускное погребение, т. е. захоронение костей.

К у р г а н №7. Диаметр насыпи 28 м, высота 1,5 м. Около центра кургана в южной части насыпи на глубине 1 м от современной поверхности был обнаружен скелет, лежавший в вытянутом на спине положении головой на восток с незначительным отклонением к северу. Череп скелета раздавлен и свернут к правому плечу. Левая рука скелета согнута в локте и положена кистью на таз. Инвентаря при скелете не было. Ниже скелета на глубине 0,4 м, слева от плечевой кости левой руки находился поврежденный кувшин, сделанный на гончарном круге из глины светло-серого обжига и покрытый снаружи ангобом того же цвета. Форма тулова яйцевидная, с выступающим в стороны плоским донцем. Горловина раструбообразной формы сверху отбита. В нижней части горловины две выступающих линии образуют орнаментальный пояс. Место сочленения горловины с туловом обозначено незначительно выступающим бортиком. Ниже горловины по плечикам кувшина процарапаны две параллельные линии, образующие концентрические окружности. Одна из боковых стенок тулова отбита. Высота кувшина до верха обломанной горловины — 24 см, диаметр донца — 9 см, диаметр горловины — 5,5 см. При углублении в южной части насыпи ниже бывшей дневной поверхности встречались мелкие кости скелета человека. Наибольшее скопление лежащих беспорядочно костей обнаружено к юго-западу в 2 км от центра на глубине около 1,5 м от бывшей дневной поверхности. Очень слабо прослеживалась яма диаметром от 1 до 1,5 м, в которой находились эти кости. Вероятнее всего здесь была грунтовая могила, которая при ограблении кургана была разрушена, инвентарь

похищен, а кости перемешаны. В погребении же в насыпи был найден поврежденный кувшин из серой глины.

Северо-западнее сел. Миранкуль были раскопаны курганы №8, 9, 10 и 11.

Курган №8. Диаметр кургана — 7 м, высота — 0,7 м.

Курган №9. Диаметр кургана — 6 м, высота — 0,8 м.

Курган №10. Диаметр кургана — 6 м, высота — 0,8 м.

Курган №11. Диаметр кургана — 6 м, высота — 0,8 м.

Насыпи этих четырех курганов были сняты полностью, и углубление на площади, перекрытой ими, было произведено на 1,5—2 м. Однако ни подкурганных сооружений, ни инвентаря, ни костей обнаружено не было.

Курган № 12 имел диаметр 16 м, а высоту 1 м. Насыпь его возведена, в отличие от других курганов, из земли с небольшим количеством камней. Насыпь была вскрыта на глубину более одного метра, но следов могилы или погребения под ней обнаружено не было. Под насыпью находился слой крупнозернистого песка с галечником, намытым водами, стекающими с гор в долину.

Западнее этих курганов в 1,5 км от Миранкуля были вскрыты насыпи № 13, 14, 15, 16, и 17.

Курган № 13. Диаметр—10 м, высота—0,8 м. После снятия насыпи ниже былой дневной поверхности на 0,5 м начался слой волокнистого гипса сероватого цвета. Следов погребения обнаружено не было.

Курган № 14. Насыпь плоская, почти из одного камня. Диаметр насыпи—10 м, высота—0,5 м. После снятия насыпи в центре кургана на глубине 0,5 м от былой дневной поверхности на волокнистом гипсе лежал скелет человека в вытянутом на спине положении, головой на север. Кости, сильно истлевшие вследствие неглубокого залегания под курганной насыпью, лежали в анатомическом порядке. Никакого инвентаря при скелете не оказалось. Не было обнаружено и следов какой-либо подстилки под скелетом (рис. 1).

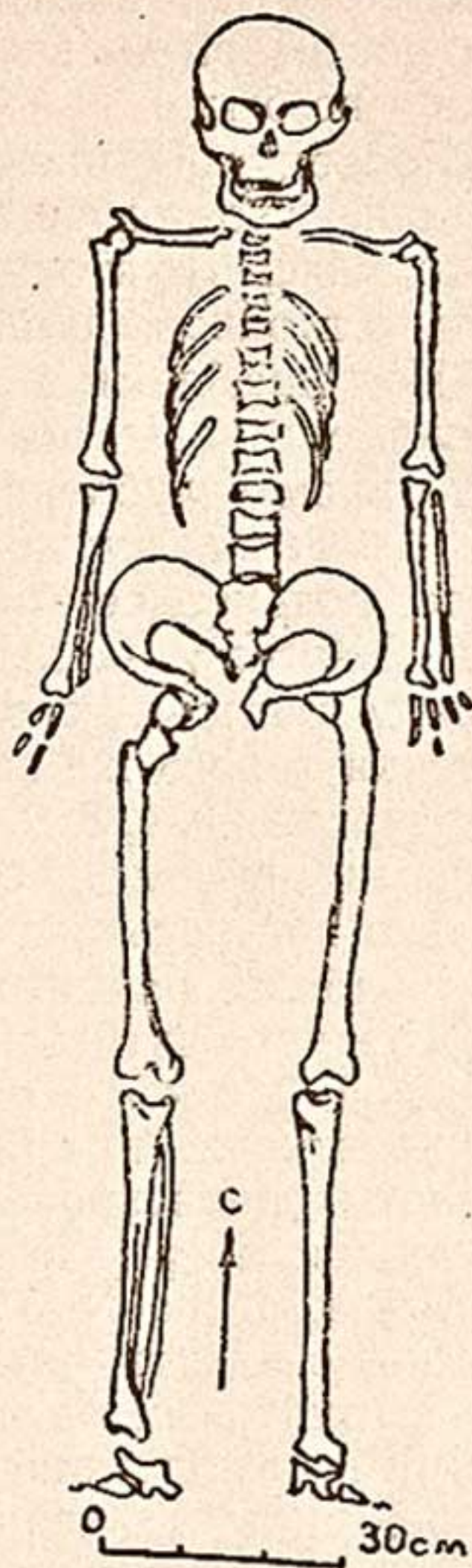

Рис. 1. Скелет из-под насыпи кургана № 14.

Курган №15. Диаметр — 6 м, высота — 0,5 м. После снятия каменной насыпи вся площадь была раскопана на глубину 2,5 м, однако никаких следов могилы не обнаружено.

Курган №16. Диаметр кургана — 8 м, высота — 0,6 м. После снятия насыпи площадь, перекрытая ею, вскрыта на глубину 2,5 м, но ни могилы, ни следов погребения не найдено.

Курган №17. Диаметр кургана — 8 м, высота — 0,6 м. После снятия насыпи вся площадь вскрыта на 2 м ниже уровня былой дневной поверхности, но никаких следов погребения не было.

Раскопки 17 насыпей курганов около сел. Миранкуль показали, что под четырьмя насыпями курганов №1, 2, 3 и 7 находились грунтовые могилы, причем инвентарь сохранился только в одной (курган №3).

Под насыпями двух курганов (№6 и 14) оказались погребения, сделанные на былой дневной поверхности или в незначительном углублении, как в кургане №14.

В насыпи кургана №7 оказалось впускное погребение более позднее, чем основные под насыпью. В насыпи же кургана №6 были найдены остатки захоронения костей в керамическом бытовом сосуде, а под насыпью кургана №5 были остатки такого же захоронения.

Курганы №4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16 и 17 оказались кенотафами, причем инвентарь в виде поврежденного сосуда был только под насыпью кургана №4.

Наиболее ранними из всех описанных погребений, очевидно, следует считать захоронения в грунтовых могилах курганов № 1, 2, 3 и 7. Эти могилы одинаковы по устройству и почти идентичны по ориентации найденных в них скелетов. Все скелеты ориентированы головой на север или с отклонением от линии север — юг к востоку. По инвентарю в грунтовой могиле кургана № 3 можно датировать все другие грунтовые могилы с идентичным погребальным обрядом.

В грунтовых могилах курганов около Миранкуля скелеты лежали на подстилке или без нее. Обычай положения трупа на подстилку из хвороста или войлока широко распространен в курганных погребениях долины Зарафшана² и всей Средней Азии³.

Ориентация скелетов головой на север или северо-восток характерна для погребений первых веков нашей эры в кур-

² О. В. Обельченко. Могильник Анджар-тепе. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 63.

³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, 1952, 26, стр. 75—76.

танах около ст. Вревской, которые были исследованы М. Э. Воронцом в 1947 г. Оба вида ориентации сосуществовали так же, как и в погребениях около сел. Миранкуль⁴. Они известны и по Куюмазарскому⁵ и Хазаринскому⁶ могильникам. Головой на северо-восток лежали скелеты в грунтовой могиле и катакомбе курганов около Сазагана, которые относятся к III—IV вв. н. э.⁷

Инвентарь, найденный в грунтовой могиле кургана № 3, состоит из двух фляг, железного кинжала, круглой пряжки с язычком и маленького железного ножа (рис. 2). Круглые в сечении пряжки в виде колец с подвижным язычком и маленький железный нож—почти всегда неперенные атрибуты курганных погребений не только долины Зарафшана, но и всей Средней Азии. Они встречаются и в грунтовых могилах, и в подбойных, и в катакомбах. Их находят в курганах первых веков до нашей и нашей эры.

Для погребений первых веков до нашей эры характерно наличие на кинжалах разного типа перекрестий и наконечников⁸, а в погребениях первых веков нашей эры уже отсутствуют эти детали⁹.

Две одинаковые по форме керамические фляги известны по находкам в погребениях и культурных слоях городищ Средней Азии, относящихся к первым векам нашей эры. Такого же типа фляги с уплощенным боком найдены и в погребениях первых веков до нашей эры¹⁰ (рис. 3).

Рис. 2. Железный кинжал из кургана № 3.

⁴ М. Э. Воронцов. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 46, 54.

⁵ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды СаГУ, Новая серия, вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 123, 129.

⁶ О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 60—61.

⁷ О. В. Обельченко. Сазаганские курганы..., стр. 71, 80.

⁸ О. В. Обельченко. Ляванданский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 134—135.

⁹ О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе..., стр. 65.

¹⁰ Там же, стр. 66—67.

Другой вид захоронения, обнаруженный при раскопках курганов около Миранкуля — погребение почти на уровне бывшей дневной поверхности без всякого инвентаря. Такие пог-

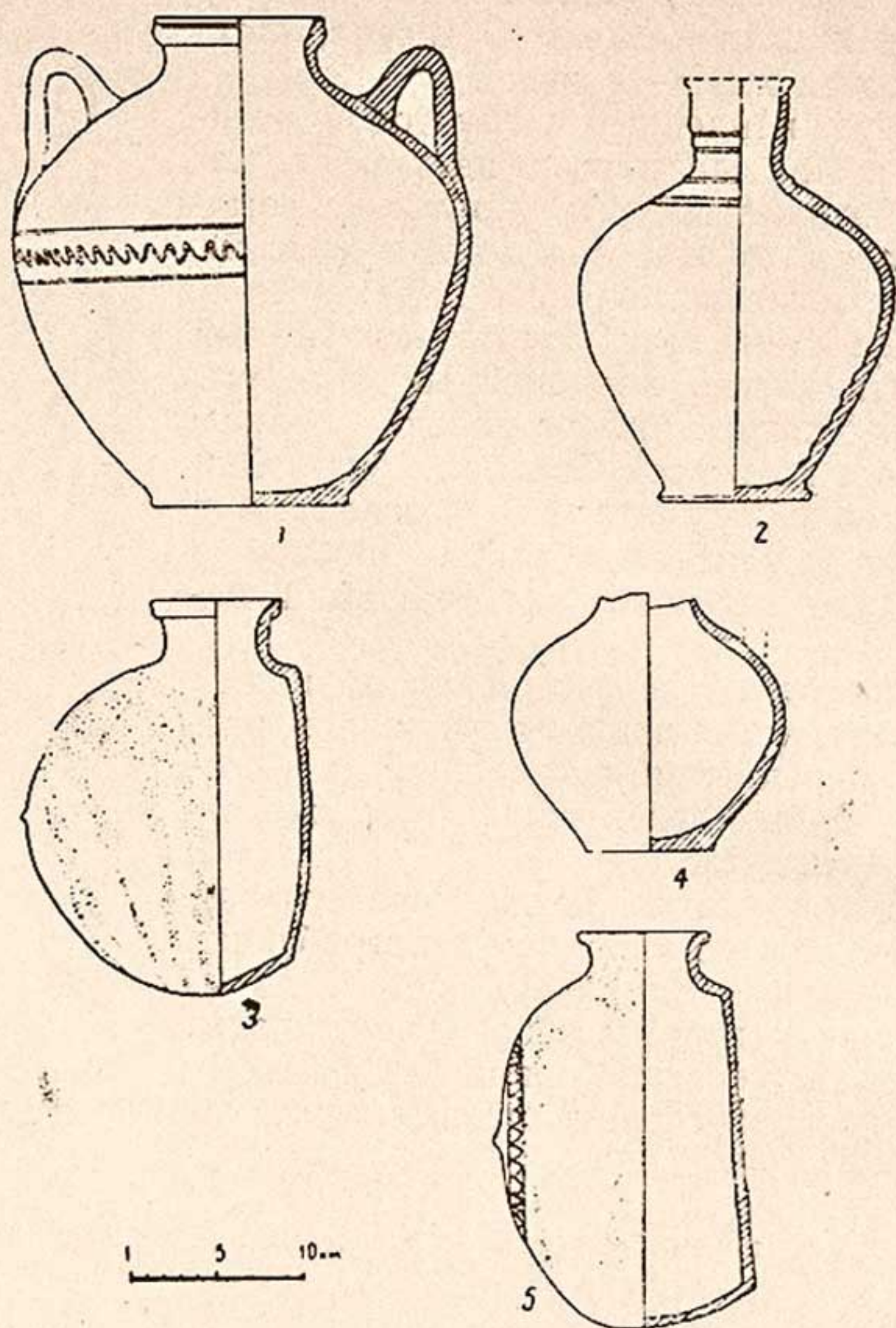

Рис. 3. Керамические изделия:

1—кувшин из кургана № 5; 2—сосуд из кургана № 6; 3, 5—фляга из кургана № 3; 4—поврежденный сосуд из кургана № 4.

ребения были обнаружены над насыпями курганов № 6 и 14. Здесь скелеты лежали в вытянутом на спине положении головой в сторону севера, так же, как и в погребениях в грунтовых могилах. Однако отсутствие инвентаря не дает возможности утверждать, что эти два вида погребений аналогичны.

Вопрос их датировки остается неясным. Захоронение костей по зороастрийскому ритуалу было обнаружено в курганах № 5 и 6. В кургане № 6 захоронение костей в сосуде было сделано в курганной насыпи. А в кургане № 5 сосуд с костями человека находился под насыпью в специально устроенном небольшом углублении в бывшей дневной поверхности.

Если захоронение костей в сосудах, опущенных в курганную насыпь более раннего времени, известно по другим могильникам долины Зарафшана¹¹, то захоронение костей в сосуде, над которым была возведена курганная насыпь, обнаружено впервые. Погребение под насыпью кургана № 5 очень близко по типу захоронения костей в хуме кургана-кенотафа № 4 Куюмазарского могильника¹².

Крупный кувшин из кургана № 5 около Миранкуля, в котором находились кости человека, очень схож с кувшином VII—VIII вв. с городища древнего Пенджикента¹³.

Значительное количество курганов, исследованных около Миранкуля, составляют кенотафы, под насыпями которых не было ни могил, ни инвентаря. Только под насыпью кургана № 4 был обнаружен небольшой кувшин, верхняя часть которого отсутствовала. Кенотафы в курганных могильниках Средней Азии встречаются очень часто, и типы их различны. Наиболее распространенный тип — курганная насыпь без инвентаря и могильного сооружения под ней. Кенотафы же с инвентарем под насыпью известны по Куюмазарскому могильнику¹⁴.

Впускное погребение в насыпи кургана № 7, около которого был найден сосуд X—XI вв., видимо, самое позднее по времени в курганном могильнике около Миранкуля. Самыми ранними следует считать погребения в грунтовых могилах. Исходя из датировок находок кургана № 3, грунтовые могилы в курганах № 1, 2, 3 и 7 можно отнести к II—IV вв. н. э. Следующими по времени можно считать захоронения костей в сосудах и датировать их IV—VII вв. н. э. К этому же времени, очевидно, можно отнести и кенотафы. Труднее определить захоронения в курганах № 4 и 6, ибо около скелетов не было никакого инвентаря. Но вполне вероятно, что они тоже относятся к V—VII вв. н. э. и являются как бы переходным типом

¹¹ О. В. Обельченко. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса, ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 94—100.

¹² Там же, стр. 96—97.

¹³ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), МИА СССР, № 124, М.—Л., 1964, стр. 270, 282, рис. 20, 1.

¹⁴ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника... стр. 128.

погребения между преданием трупа земле и захоронением костей по зороастрийскому ритуалу. Большое количество кенотафов в Миранкульском могильнике служит некоторым основанием для этого предположения и свидетельствует о переходе от курганного способа захоронения к захоронению костей в оссуариях, которыми очень часто служили и бытовые керамические сосуды¹⁵. Таково захоронение костей в сосуде под курганной насыпью № 5.

Раскопки курганов около Миранкуля, несмотря на бедность инвентаря и незначительное его количество, дали интересные результаты. Они позволяют лучше изучить процесс эволюции погребального обряда в древнем Согде от первых веков до VII—VIII вв. н. э.

¹⁵ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника..., стр. 129.

Л. Л. БУКИНИЧ

РУИНЫ ДВУХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БЛИЗ г. КАРШИ

В 1965 г. одним из отрядов Узбекской археологической экспедиции АН УзССР (начальник отряда С. К. Кабанов) велись археологические работы в зоне строительства комбината строительных материалов близ г. Карши. Автору настоящего сообщения было поручено археологическое обследование развалин двух древних поселений, расположенных в 1,5—2 км к западу от ст. Карши, по Бешкентскому шоссе.

Более крупный из этих памятников расположен на бугре со странным названием Пишактепа («Кошачья гора»), где были произведены раскопки, носившие характер глубокой разведки. К началу наших работ контуры холма были сильно искажены. В высоту руины сохранились на 10 м.

Предварительные наблюдения позволили прийти к выводу что Пишактепа — развалины укрепленного сельского поселения, довольно значительного. Занимаемая им площадь в длину с востока на запад — 85 м, в ширину — 65 м. Вскрыть всю эту площадь не представлялось возможным, поэтому мы ограничились разведочными раскопками, поставив цель установить структуру поселения и датировку основных этапов его обживания. Работы были сосредоточены в основном в северо-западной части тепа, и только к концу работ был заложен небольшой раскоп в восточной части тепа, у реперной точки (рис. 1).

В процессе раскопок в западной части тепа было вскрыто восемь помещений (рис. 2).

Помещение 1 в плане, вероятно, было прямоугольным (южная его стена не была обнаружена). Толщина боковых стен — 1 м, поперечной стены, отделяющей данное помещение от другого, — 50 см. На последнем этапе обживания помещение представляло собой место свалки хозяйственного мусора. В первоначальном виде оно предназначалось для хо-

зайствованных надобностей; здесь были обнаружены один разбитый тандыр и два разрушенных очага. Диаметр корпуса тандыра — 70 см, высота — 80 см. Он поставлен на полу на глубине 125 см от поверхности. Оба очага овальной в плане, формы, в поперечнике — 30—35 см.

В помещении 2 определены поверхности трех стен. Северной стены нет. Как видно, она полностью выклинилась.

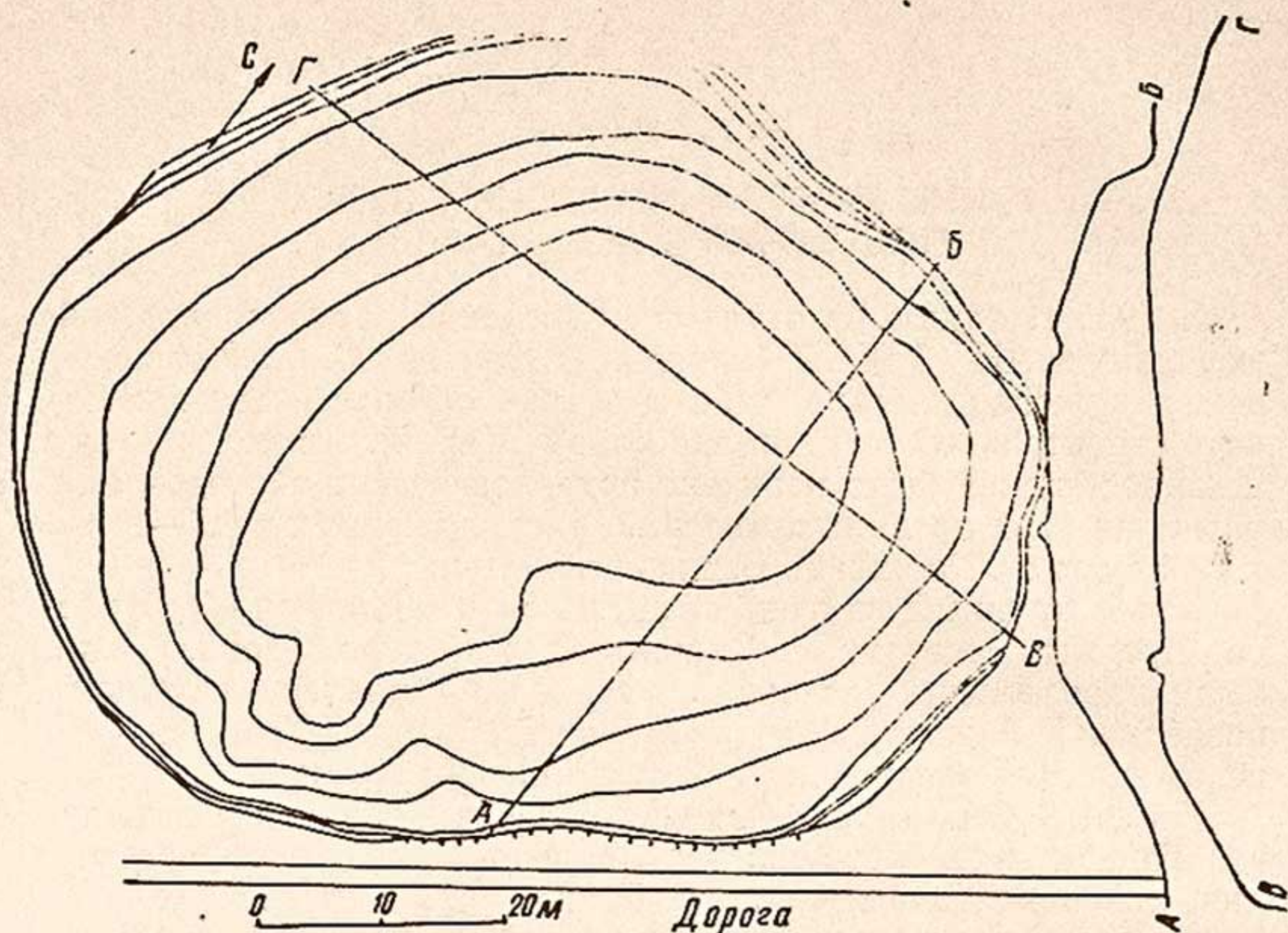

Рис. 1. План Пишактепа.

На западной стене сохранилась двухслойная штукатурка. Осталось невыясненным окрашена она в черный цвет или закопчена.

При расчистке завала, заполнявшего помещение, найдены обломки посуды.

Помещение 3 узкое, коридорообразное с неровной поверхностью стен, особенно с северной стороны. Западная и восточная стены сложены из пахсы: в верхней части изредка с включением сырцового кирпича размером $36 \times ? \times 8$, $45 \times 38 \times 9-10$, $50 \times 25 \times 10$ см. Толщина южной стены — более 1,5 м. Капитальность стены объясняется неоднократными ремонтами, во время которых ее усиливали кладками.

На полу помещения обнаружено два культурных слоя общей толщиной в 40—50 см, а на глубине в 1 м обнаружен чистый

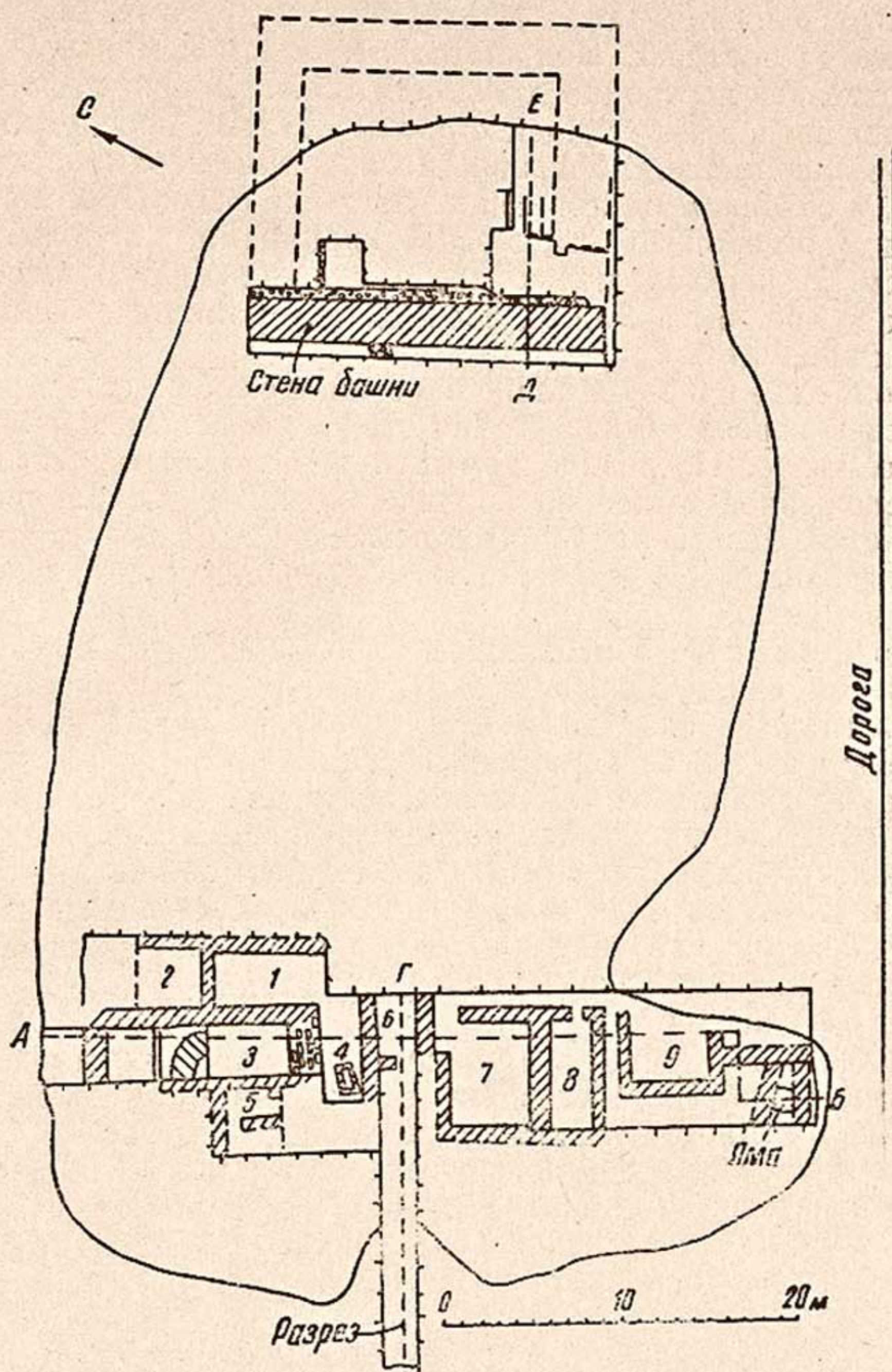

Рис. 2. Схематический разрез раскопов на Пишактепа.

глиняный завал с фрагментами керамики, количество которых увеличивалось по мере приближения к уровню нижнего пола. На уровне нижнего пола, в северной части помещения, найде-

ны фрагменты светильников, кувшинчиков, сделанных на гончарном круге, кухонной посуды, кости животных. Местами пол вымощен сырцовым кирпичом. Ниже уровня пола обнаружены наслоения, которые относятся к другому, более раннему ярусу построек. Под стенами и полом комнаты 3 стена более древней постройки, толщиной 1,5 м. На вскрытом участке с внешней и внутренней стороны стены прослеживается рыхлое заполнение с большим количеством керамических изделий, в основном повторяющих прежние формы. Часть помещения 3 отгорожена сырцовыми кирпичами, положенными ложком. За перегородкой обнаружено много фрагментов разбитых хумов, быть может, здесь было хранилище зерна или других продуктов.

Помещение 4 в плане напоминает собой коридор. Уровень стен гораздо выше уровня стен и пола помещений, описанных выше. Посредине помещения — невысокое возвышение, сложенное также из кирпича, но ниже сохранившейся части стен. Разные уровни стен помещения, разные строительные материалы свидетельствуют о неоднократных перестройках и ремонтах.

Помещение 5 небольшое, заполненное рыхлой землей. Стены сохранились очень плохо. На полу у восточной стены был обнаружен очаг диаметром 20 см; на уровне пола были найдены фрагменты керамики, кости животных.

На юг и запад из помещения ведут два проема шириной по 90 см. В верхних слоях находили фрагменты поливной керамики, что позволяет считать возможным обживание памятника в IX—X вв. Для жилья использовались помещения относительно лучшей сохранности, а наиболее разрушенные приспособлялись для свалки мусора.

В помещении 7 стены сохранились с трех сторон. Остатки четвертой стены, возможно, были уничтожены поздними разрушениями. Напластования вдоль стен были очень плотными, пол немного покаты к северу.

Помещение 8 — прямоугольное в плане, с проемом в восточной стене. Толщина восточной и северной стен по 1 м. Южная стена более похожа на тонкую перегородку, возведенную из сырцовых кирпичей. Пол одного уровня с помещением 7.

К югу от помещения 8 пролегает неширокая (90 см) улочка (или коридор), которая с востока огибает помещение 9.

Восточная стена помещения 9 не обнаружена, остальные три толщиной 1 м с нечеткой поверхностью плохо сохранились. Остатки стен позволяют предполагать, что помеще-

ние было подквадратным в плане. Южнее помещения 9 прослеживаются остатки других стен, уходящих под обрыв.

Для изучения стратиграфии памятника примерно в середине западной стороны тепа был заложен разрез в виде глубокой траншеи. Выявлены мощные наслоения культурных остатков. Однако они не содержали каких-либо конструктивных частей. Найдено большое количество обломков посуды (глиняной), лепных игрушек, много костей, медный колокольчик. На глубине XII яруса (6 м от поверхности) плотность грунта увеличилась. Наблюдения дают основание прийти к выводу, что этот массив плотного грунта высотой в 3,5—4 м является глинобитным стилобатом древнего поселения. В период раннего средневековья стилобат был характерным элементом в архитектуре замковых и крепостных сооружений.

Для пополнения материалов, характеризующих верхнюю культуру, был заложен разведочный раскоп в восточной, ранее наиболее возвышенной части тепа. Верхние наслоения здесь представляли собой спрессованный завал с прослойками золы. В перенасыщенных культурных отложениях с трудом было оконтурено несколько стен. Сложены эти стенки из сырцового кирпича размерами $40 \times ? \times 10$, $47 \times ? \times 10$, $50 \times ? \times 10$ и $? \times 25 \times 10$ см. Две из них расположены параллельно, направлены на запад — восток и образуют узкий коридор шириной 80 см. Стена, отходящая от коридора к югу, выложена из пахсы, местами с сырцовым кирпичом. Возможно, этот коридор соединял помещения, которые до наших дней не сохранились.

К западу от описанных стен была обнаружена монументальная глинобитная стена, проложенная с севера на юг, толщиной у основания 2,76 м. В высоту стена сохранилась на 1,5 м. Внутренняя поверхность восточной стены — вертикальная, совершенно гладкая; западная (внешняя) — с откосом крутизной в 12° . Длина сохранившейся части стены 21,6 м, сложена она из блоков пахсы шириной от 60 до 110 см, покрытая тонкой саманной штукатуркой. Стена сложена на фундаменте высотой 1 м из кусков пахсовых блоков.

Очевидно, это стена капитального здания, других остатков которого обнаружить не удалось. В слоях, прилегающих к стене, было найдено много фрагментов керамики станковой работы.

Подводя итоги раскопок и визуальных наблюдений обнажений холма, мы установили наличие двух строительных периодов. Слои запустения небольшой мощности свидетельствуют о том, что здание на некоторое время было заброшено.

Краткий анализ керамического комплекса и других вещественных остатков по периодам обживания позволит сделать выводы относительно времени функционирования здания.

Культурные остатки первого строительного периода или нижнего слоя представлены небольшим комплексом керамических изделий. Наиболее надежный для датировки материал был получен под полом помещения 3. Удалось восстановить формы нескольких сосудов станковой работы. Это тонкостенные кувшинчики с узким дном, стройным корпусом, переходящим незаметно в шейку со слабо профилированным наружу венчиком. К венчику и к верхней части перегиба тулова прикреплена ручка (рис. 3, 13, 18). Этот тип кувшинчиков характерен для керамики из наслоений III—V вв. многих памятников Каршинского оазиса и зоны Чимкурганского водохранилища¹. Распространены были и тонкостенные чаши двух типов: с узким донцем, с загнутым во внутрь тонким клюевидным венчиком, ангоб красновато-коричневый (рис. 3, 2), и с более расширенным туловом, с мягким закруглением бортика во внутрь² (рис. 3, 1).

Из сосудов лепной работы наиболее характерны светильники-плошки с ручками, с гладкими бортиками, украшенными по краю шиповидными налепами (рис. 3, 39). Характерны также и курильницы на высоких стержнях, украшенные круглыми, шиповидными налепами (рис. 3, 31, 32). Эти детали сближают наш материал с наслоениями III—V вв. Мудинтепа³. Найденные сосуды — надежный признак для датировки исследуемых памятников.

Наиболее распространенными бытовыми предметами были котлы с разнообразными ручками. Котлы изготовлялись из глины жаростойкого состава, с большой примесью шамота. Поверхность относительно хорошо заглаживалась и покрывалась тонким слоем светлого ангоба. Котлы аналогичной формы имеют широкое распространение для периода раннего средневековья в Каршинском оазисе⁴.

Небольшую группу лепных изделий можно отнести к памятникам изобразительного искусства. Среди них терракото-

¹ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, М., 1963, № 1, стр. 219—223.

² С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, ИМКУ, Ташкент, 1964 (рис. 10, 2, 3).

³ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, ТИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 89.

⁴ С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, стр. 82, рис. 2, 3.

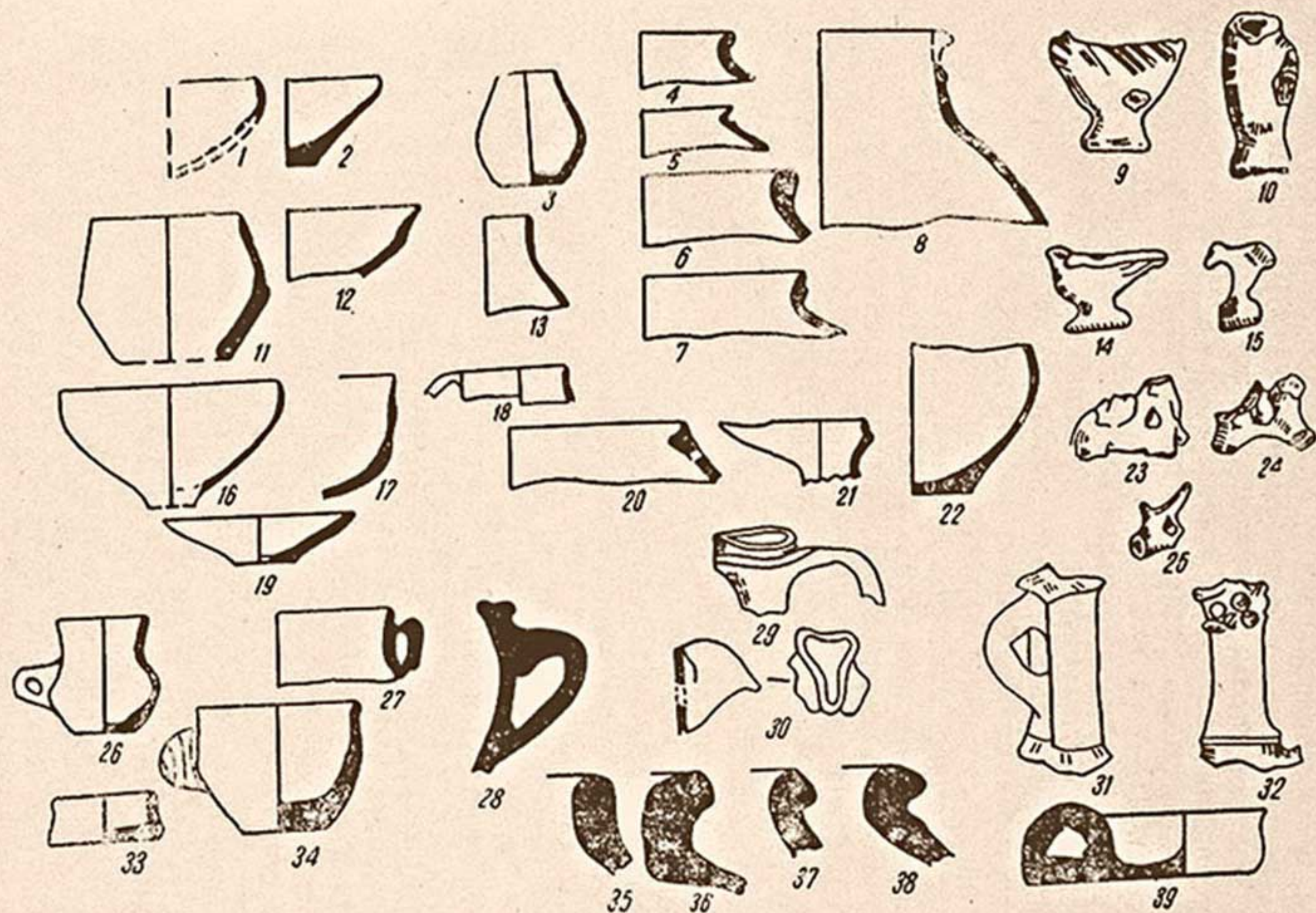

Рис. 3. Пряслица, пуговицы и металлические изделия из раскопов на Пишактепа.

вые изображения коней (изображения всадников не сохранились) и птиц-погремушек (рис. 3, 9, 10, 14, 15, 23—25).

Обнаруженная внутри башни на глубине VI яруса медная монета, по определению проф. М. Е. Массона, возможно, являлась подражанием монетам Шапура II (310—381 гг. н. э.). Это дает возможность при сопоставлении наиболее характерных керамических форм с материалами территориально близких памятников датировать второй строительный период в пределах III—V вв. н. э.

В керамических комплексах верхних наслоений при явных признаках преемственности, сближающих их с керамикой нижних слоев, есть уже много нового. В верхних наслоениях чаще встречаются изделия станковой работы. Среди них наиболее распространены следующие типы:

1. Узкогорлые кувшины с вытянутыми с боков сливами, отличающиеся высокой техникой изготовления (рис. 3, 21, 29). Подобного типа сосуды характерны для средневекового памятника Культепа, датированного VII—VIII вв. н. э.⁵ Известны они и в Самаркандском оазисе, где они также датируются VII—VIII вв.⁶

Часто встречаются фрагменты широкогорлых кувшинов с рельефными валиками под венчиком или в середине горловины (рис. 3, 8), которые также находят себе аналогии в комплексе верхних слоев Мудинтепа⁷.

2. Фрагменты широкогорлых сосудов типа кринки со сливом под венчиком и без него, но с характерной выемкой на венчике для крышки (рис. 3, 30), иногда с отверстиями для шнура. Такого же типа сосуды, найденные в верхних отложениях городища Пенджикент, датируются V—VII вв. н. э.⁸

3. Наряду с котлами лепной работы довольно часто встречались фрагменты горшков, сделанных на гончарном станке (рис. 3, 5—7).

4. Наиболее характерные для верхних слоев предметы — кружечки высокой техники изготовления (рис. 3, 27). Они имеют широкий ареал распространения⁹ (в основном в Сог-

⁵ У. Алимов. Раскопки на Культепе в Каршинском оазисе (опубликовано в этом же сборнике).

⁶ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., ТГЭ, т. V, табл. 8, 1; Культура и искусство народов Востока, вып. 6, Л., 1961, стр. 190.

⁷ С. К. Кабанов. Указ. статья, стр. 105, табл. V, 10.

⁸ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), ТТАЭ, т. IV, МИА, 124, М.—Л., 1964, стр. 272, рис. 8, 1—4.

⁹ А. И. Тереножкин. Раскопки холма Актепе близ Ташкента в 1940 г., Труды АН УзССР, вып. I, 1948, стр. 56; Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма Афригидского периода, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, Керамика Хорезма, стр. 242, рис. 6, 16.

де) и дают датировку в широких хронологических рамках — V—VIII вв. Наши находки вероятнее всего относятся к VI—VII вв.

Из других предметов, обнаруженных как в нижних, так и в верхних слоях, отметим много лепных подставок для вертела пирамидальной формы, украшенных со всех сторон вдавлениями. Это одни из наиболее часто встречающихся предметов в наслоениях памятников Каршинского оазиса¹⁰.

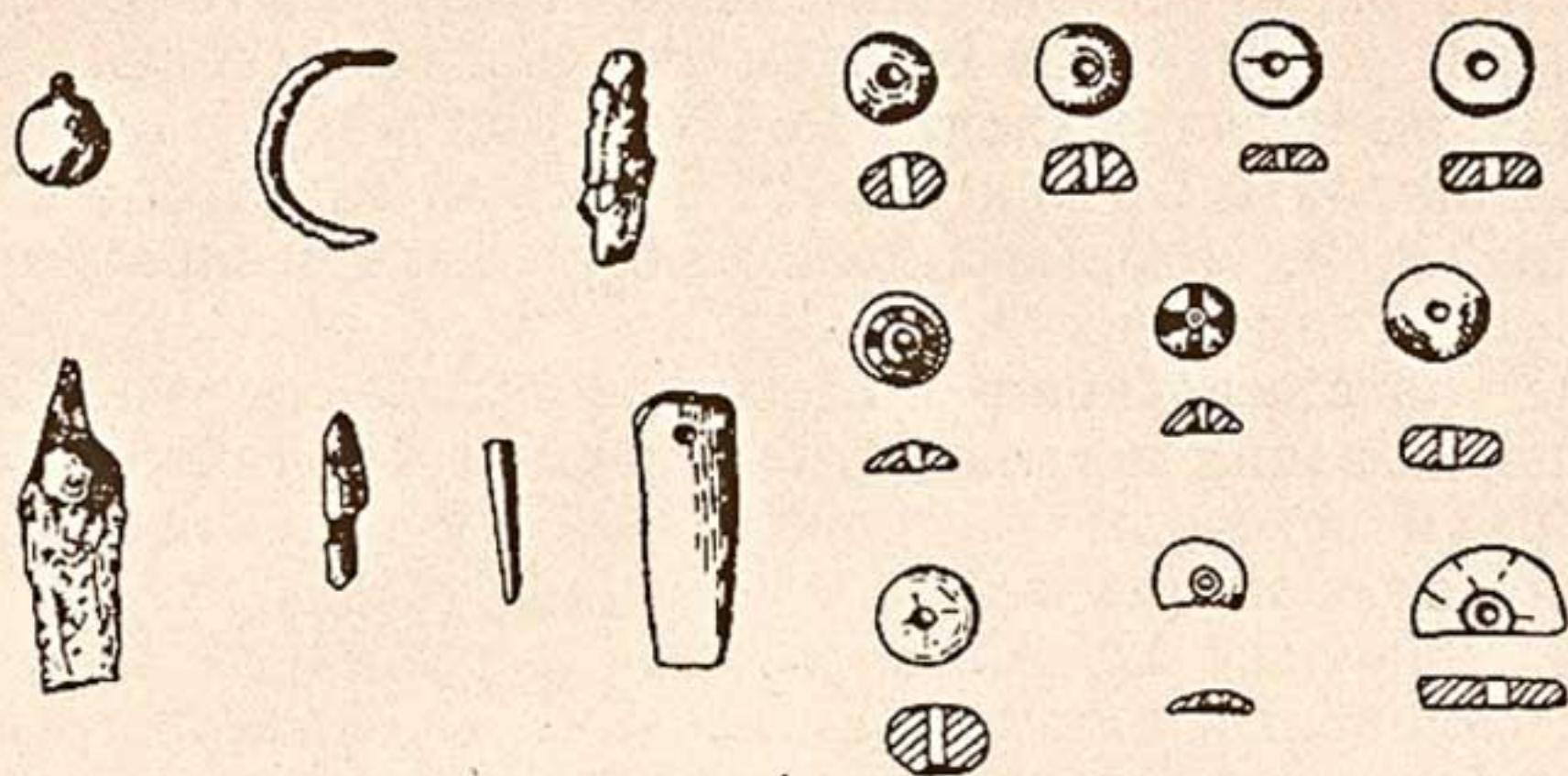

Рис. 4. Керамические изделия из наслоений Пишактепа и Кичиктепа

На поверхности тепа и в его окрестностях найдено много керамических пряслиц; они различны по форме, но преимущественно конические и кольцевые (рис. 4). Пряслица довольно часто встречаются в развалинах поселений сельского типа¹¹. Из предметов текстильного производства найдено очень много необожженных заготовок грузил различных форм.

Из мелких предметов представляет интерес находка двух костяных пряслицевидных пуговиц с прорезным геометрическим орнаментом (рис. 4, справа, внутренний ряд).

Среди керамического материала встречено много фрагментов хумов, но нет ни одного целого, по которому можно было бы восстановить форму. Хумы делались из хорошо промешанной глины. Шейка невысокая, венчик, как правило, закруглен

¹⁰ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. н. э., ВДИ, 1956, № 2, стр. 168, рис. 9.

¹¹ Е. Е. Неразник. Сельские поселения Афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 95.

и отогнут наружу. Иногда орнаментирован по внешней стороне волнистым или жгутообразным валиком. На наружной стороне под венчиком обычно имеется неглубокая бороздка. Диаметр венчиков хумов от 35 до 45 см (рис. 3, 35—38).

Изделий из железа очень мало. Это фрагменты серпа и наконечника стрелы (рис. 4, слева).

В южной части восточного раскопа внутри башни-донжона на уровне пола обнаружены две медные монеты. Одна из них лучшей сохранности, согдийская IV в. н. э. Но проф. М. Е. Массон, определивший все монеты, считает, что изображенный государь не согдиец по происхождению.

В данном случае находка монеты не может послужить для определения даты всего комплекса, так как она могла попасть в верхние слои, которые в целом могут быть датированы V—VII вв. н. э. случайно.

В результате раскопок были установлены основные периоды существования поселения, бывшего на Пишактепа, а также собраны некоторые материалы, характеризующие культуру его древних обитателей.

Первоначально на четырехметровом стилобате были возведены глинобитные постройки. Анализ вещественного инвентаря позволяет датировать этот период обживания IV—V вв. После кратковременного периода запустения поселения его развалины были использованы для возведения других построек. В восточной части был возведен замок владельца. От него сохранилась только капитальная стена. Владелец поселения в последний период его существования жил в довольно большой крепости, возвышавшейся над окрестными полями. Несомненно, он занимал определенное место в феодальной иерархии. Вся площадь к западу от замка была, видимо, занята жилыми и хозяйственными постройками. Крепостных стен вокруг всего поселения не обнаружено; вероятнее всего, они не сохранились.

Второе поселение — Кичиктепа — находится в 300 м восточнее Пишактепа (рис. 5). Это небольшой одноярусный холм, вытянутый с востока на запад, общей площадью: 65 × 50 м. Склоны его пологие. В наиболее высокой точке поверхность тепа возвышается над соседним полем на 5,6 м. Раскоп был заложен в западной, наиболее возвышенной части тепа. На глубине 90 см от поверхности были обнаружены остатки пахсовой стены с керамическими кобурами под ней. Трубы расположены с наклоном внутрь развалин, в направлении с запада на восток, по всей вероятности, во двор. Восточный конец водоотвода уложен на обломок зернотерки. Вокруг разбросана разбитая посуда, в основном хумы.

В процессе раскопок в наслоениях выявились признаки двух строительных периодов. Сохранность конструктивных остатков позднего строительного периода в верхних наслоениях памятника чрезвычайно плохая. Зафиксированы фрагменты стен, часть дверного проема. В остальном же на этом уровне культурные напластования содержат большое коли-

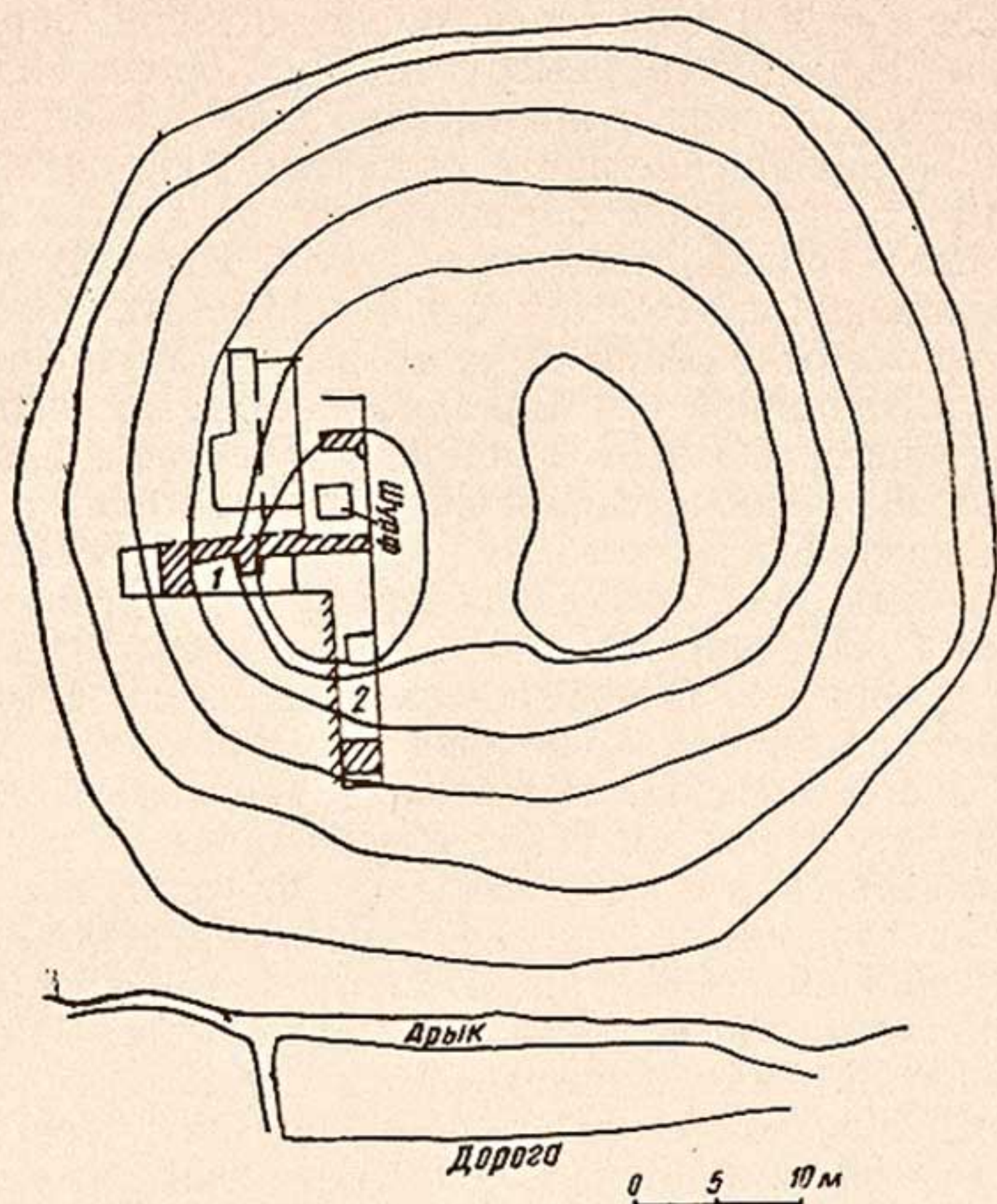

Рис. 5. План и схематический разрез Кичиктепа.

чество отбросов, золы, угольков, а также прослойки песка. Восстановление хотя бы отдельных черт планировки сооружений последнего строительного периода вряд ли возможно ввиду их плохой сохранности. В нашем раскопе намечается только двор по очень характерному признаку — обилию в наслоениях органических остатков, занимающих центральную часть. Можно различить также остатки временных построек, быстро разрушающихся. Судя по найденной керамике, время функционирования последних построек — VI—VIII вв.

Более древнему периоду жизни поселения соответствовали выявленные ниже конструктивные остатки, заполненные сильно спрессованным завалом.

Стены вскрытых помещений в значительно лучшей сохранности, что позволило бы при полном вскрытии памятника восстановить основные черты планировки всего здания. В нашем разведочном раскопе было вскрыто частично два помещения.

Помещение 1 околонуено с двух сторон, образующих угол. Стены сохранились в высоту до 2 м. Хорошо видна кладка из пахсовых блоков с покрытием однослойной саманной штукатуркой. Заполнение почти до самого пола очень рыхлое, с большим содержанием органических остатков. Керамики почти не было, гораздо чаще встречались кости. В последний период обживания в этом помещении на остатках более ранних культурных отложений была возведена внутренняя поперечная стена толщиной 1 м. Западная же стена, вероятно, являлась наружной. Об этом свидетельствует большая ее толщина — 1,5 м, а также отсутствие конструктивных остатков за ее пределами. Кроме того, за этой стеной начинается дневная поверхность поля. Внутренняя поверхность стен с небольшим скосом к основанию.

Помещение 2. С поверхности тепа и до самого пола чрезвычайно плотное заполнение, не содержащее примесей керамики и органических остатков. Помещение околонуено с трех сторон, две стены его также с небольшим скосом к основанию. Комната скорее всего была прямоугольной в плане.

Северная сторона помещения оформлена в виде нишеобразного углубления. Свод ниши сохранился не полностью. При расчистке он грозил неминуемым обвалом. Упомянутая ниша в северной стене, в отличие от всего помещения, заполнена рыхлым грунтом с включением керамики, органических остатков. У входа в нишу на полу обнаружены два небольших очага, заполненных золой. Стенки очагов обожжены докрасна. Они овальной формы, высотой 15 см. Поперечник очагов 20—25 см. Нишеобразное углубление, возможно, предназначалось для землянки; перекрытие ее сделано без традиционных приемов выкладки сводчатых конструкций. Перекрытие состояло из ряда сырцовых кирпичей, положенных наклонно на ребро. Кирпич размером 30 × ? × 10 см. Применение сырцового кирпича наблюдается только в этой кладке. Ширина проема неизвестна, так как вскрыта только часть помещения.

Керамические материалы из раскопа на Кичиктепа сильно фрагментированы. Лишь немногие из обломков дают возможность восстановить формы сосудов. В поверхностном горизонте вещественные остатки перемешаны, керамика пло-

хого качества, преимущественно лепной работы. Как верхние, так и нижние наслоения дали сосуды (в фрагментах) в общем одинаковые по типам и назначению, но несколько отличные по качеству изготовления. К сосудам ремесленного производства относятся часто находимые фрагменты хумов, а также кувшинов с высоким тонким горлышком и вертикальной ручкой. Найдено несколько фрагментов красноангобированных мисок с узким донцем. Сосуды подобного типа известны по материалам из раскопок Дагайтепа в Каршинском оазисе¹².

Из сосудов лепной работы наиболее часто встречаются фрагменты котлов. У них закругленной формы корпус, иногда с валиком, перегибом или желобком посередине. Устье широкое. Венчик образован отогнутым наружу закругленным или прямым краем сосуда. На плечиках, а иногда сразу же у венчика прикреплялись разнообразные по форме ручки: в виде дугообразного выступа с тремя вдавлениями пальцев, заостренных кверху ушек, месяцевидных жгутов и пр.

Другая форма лепных изделий — светильники. Они имеют неглубокую чашу с петлеобразной ручкой. В наслоениях ряда памятников эти сосуды датируются III—V вв.¹³. Из других лепных изделий интересны фрагменты круглодонных чаш (рис. 3, 17) небольших размеров (диаметром до 15 см), назначение которых трудно установить. Такого типа чаши характерны для кочевников¹⁴ и, по предположению некоторых исследователей, могли иметь культовое назначение¹⁵, но, вероятнее всего, они применялись в быту.

Довольно часто находили пряслица. В верхних слоях встречаются обломки зернотерок и жерновов.

В единственном экземпляре обнаружена медная монета диаметром 2 см, сильно окислившаяся и не поддающаяся определению. Пользуясь при датировке сравнением с уже известными памятниками, можно сделать предварительные выводы относительно Кичиктепа в целом.

Это развалины отдельно построенного здания без обычного

¹² С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, 18.

¹³ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—IV вв., ВДИ, 1956, № 2, стр. 268.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, стр. 53—60.

¹⁵ М. Г. Воробьева. Керамика античного периода, Труды Хорезмской археолого-топографической экспедиции, т. IV, Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 167.

для древних сооружений стилобата и без крепостных стен. Здание было построено в IV—V вв., о чем свидетельствует керамика, характерная для периода кризиса рабовладельческой формации.

Существуя на протяжении длительного времени, здание перестраивалось, а перед последним периодом обживания некоторое время находилось в запустении. Сейчас трудно определить причину перерыва в использовании здания, но одно несомненно — катастрофическому разрушению оно не подвергалось. Возобновилась жизнь на этом месте в V—VI вв.; новые обитатели частично использовали и старые помещения.

Если владельца крепости, развалинами которой является Пишактепа, можно определить как представителя господствующего класса, быть может, уже феодалов, то Кичиктепа, судя по его размерам и отсутствию крепостных стен, видимо, развалины здания с двором, обитатели которого были рядовыми земледельцами.

У. АЛИМОВ

РАСКОПКИ НА КУЛЬТЕПА В КАРШИНСКОМ ОАЗИСЕ

В марте — июне 1965 г. велись раскопки в зоне проектировавшегося тогда комбината строительных материалов с целью археологического изучения памятников, попадающих в зону этого строительства. Автору настоящего сообщения было поручено проведение разведочных раскопок на одном из памятников — Культепа (рис. 1).

Культепа¹ — наиболее крупный памятник, находится он примерно в 2 км к западу от ст. Карши. Этот памятник представляет собой двухъярусный бугор с вышкой в северной части, округлой в плане, высотой в 15 м; в юго-восточной части вышки видны выступы, являющиеся, видимо, остатками сторожевых башен. С юго-запада к вышке примыкает площадка, на 7—8 м возвышающаяся над окружающей местностью. Длина Культепа по оси с северо-востока на юго-запад — 200 м, наибольшая ширина — 100 м, диаметр верхней площадки вышки — до 40 м.

Основной раскоп площадью около 500 м² был заложен вдоль восточного края вышки. В раскопе было открыто 15 помещений и объединяющий их коридор, а также галерея с входом в здание. Помещение 1 представляло собой почти правильный квадрат, размер его 3,15 × 3,25 м. Северо-западная стена помещения сложена из сырцового кирпича размером 25 × 25 × 10 см. Дверной проем шириной 1 м находится в северо-западной стене помещения. Судя по расположению рухнувшего кирпича, проем, видимо, был перекрыт полуциркульным сводом. К юго-западной стене помещения прилегает суфа шириной 40 см и высотой 1 м. В противоположной северо-восточной стене на высоте 1,5 м от пола сохранилась нижняя часть бойницы шириной 20 см.

¹ Возле тепа образовалась выемка, заполненная грунтовыми водами; этому озерку (куль) памятник и обязан своим названием.

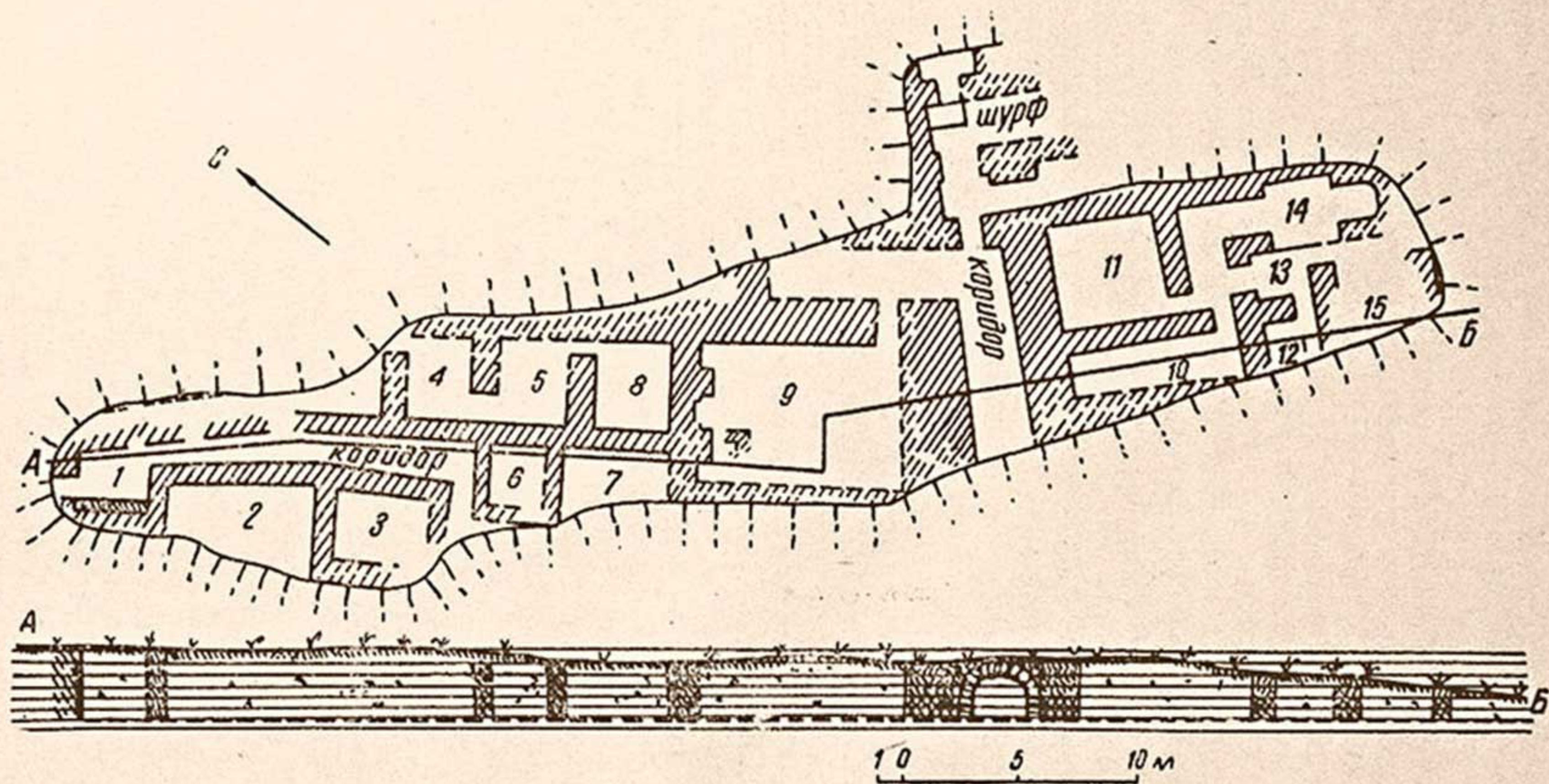

Рис. 1. План и разрез раскопа на Культепа.

К юго-востоку от помещения 1 расположен коридор, длина которого 14,20 м, ширина — от 0,85 м до 2 м. В северо-восточной стене этого коридора отмечены остатки еще двух бойниц; всего сохранились нижние части трех бойниц, с интервалом между ними 1,5 и 2,8 м.

Помещение 2 было прямоугольным, его длина—6,7 м. Определены размеры помещения 3: длина — 4,2 м, ширина — 3,5 м. Помещение 4 соединено проходом с помещением 5. Ширина прохода 1,3 м, стены его сохранились до высоты в 2,2 м. Помещение 5 соединено проходом также с помещением 8; ширина прохода — 0,8 м. Помещение 9 — самое крупное, длина его — 8,8 м, ширина — 6,3 м. В центре северо-западной стены этого помещения была устроена ступенчатая ниша, ширина которой 1,1 м, глубина 0,30 м и высота 2 м; ниша с обеих сторон обрамлена выступами. К одному из этих выступов примыкал глиняный очаг, видимо, более поздней постройки.

К северу от помещения 9 вскрыта сводчатая галерея, прослеженная в длину на 16 м. Ширина галереи в западной части — 2,5 м, в восточной — 2,3 м, высота сохранившейся части стен 2 м. Галерея пересекает описываемый комплекс помещений в направлении с востока на запад. В восточной ее части был вход в здание, перекрытый аркой из сырцового кирпича размером $50 \times 25 \times 9$ —10 см. В месте возведения арки галерея сужена выступами-пилястрами шириной до 1 м, что, надо полагать, было обусловлено техническими возможностями возведения арки. Между пилястрами, в южной стороне, были проемы в помещении, которые еще не вскрыты.

Помещение 10 вскрыто неполностью, длина его 7,7 м. В северо-восточной стене этого помещения устроена арочная ниша, предназначавшаяся, видимо, для светильников. Помещение 10 соединено проходами с помещением 11, квадратным в плане, с длиной стороны, 4,8 м. На стенах помещения 11 сохранились следы краски — красной и черной. Стены сверху, видимо, были украшены скульптурным фризом из глины; в завале, заполнявшем помещение, удалось найти лишь мелкие отпавшие фрагменты этого фриза, на которых различаются кружки в обрамлении валиков, контуры головы, руки человека, головы лошади. В юго-восточном углу помещения 10 дверной проем шириною в 85 см, соединявший его с помещением 13; здесь видны признаки порога в виде древесного тлена.

Помещение 12 не сохранилось полностью, ширина его — 2,5 м. В северо-восточной стене этого помещения вскрыта ниша, такая же как и в помещении 10. Проход шириной 1 м соединяет помещения 12 и 13; последнее — в плане прямоугольное, размером $2,5 \times 2$ м.

В помещениях 10—12, видно, жил владелец поселения, так как они отличаются более ровными, тщательно оштукатуренными стенами, в одном из них отмечены признаки росписи и рельефный фриз, как известно, так расписывали именно помещения владельцев².

Помещение 14 оригинально своим крестообразным планом; кроме того, уровень его пола на 1,85 м ниже уровня пола других помещений. Стены этого помещения сложены в комбинированной кладке: до высоты в 1,8 м от уровня пола из пахсы, выше — из сырцового кирпича размером $? \times 27 \times 10$ и $35 \times ? \times 8$ см. Видимо, это помещение было складом подвального типа; позднее оно было забутовано, о чем свидетельствует очаг, круглый в плане.

Помещение 15, на краю раскопа, было вскрыто частично.

В ходе работ были сделаны некоторые выводы об архитектуре исследуемого здания. Прежде всего замечено, что его стены неодинаковы по толщине и способу кладки. Внешние стены и стены сводчатой галереи имеют толщину до 3 м, внутренние — от 65 см до 1,2 м. Структура стен довольно разнообразна, что можно объяснить позднейшими ремонтами. Стены в основном пахсовые, но встречаются также кладки из сырцового кирпича и комбинированные. Сырцовый кирпич применялся в основном при возведении сводов.

В помещении 1 северо-западная стена сложена из сырцового кирпича; кирпич разный и поломанный — это, несомненно, ремонтная кладка. Между первой и второй бойницами стена сложена из чередующихся слоев пахсы (28 см) и сырцового кирпича в один ряд ($48 \times 24 \times 7-8$ см). Перекрытие проема в галерее (рис. 1) в основном сложено из сырцового кирпича размером $48-50 \times 24-25 \times 9-10$ см. 7 рядов кладки общей высотой в 1 м начинаются прямо с уровня пола. Второй ярус также из сырцового кирпича, но положенного наклонно, коротким ребром к поверхности. Кирпичи с примесью самана отмечены во многих памятниках³.

Стены помещений 10 и 11 пахсовые, за исключением северо-западной стены, сложенной из кирпича; штукатурка в этих помещениях очень тщательная, с примесью песка. После штукатурки каким-то специальным инструментом прорезаны вертикальные и горизонтальные швы, очень ровные и четкие; на первый взгляд кажется, что стены сложены из специально

² В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, стр. 183—200.

³ С. П. Толстов. Древнехорезмские памятники в Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 118.

сделанных блоков размером 75—80 × 28 см. Размеры кирпича позволяют ориентировочно датировать здание V—VIII вв. Кирпичи примерно такого же размера встречаются в памятниках долины р. Кашкадарьи (V в.)⁴, Андижанской (III—V вв.)⁵, Сурхандарьинской (V—VII вв.)⁶ и Ташкентской областей (VII—VIII вв.)⁷ и Пенджикента⁸ (VI—VII вв.). Такой же формат кирпича встречается и в более поздних памятниках (X—XII вв.)⁹.

Описанные выше помещения, как уже указывалось, занимали восточный край вышки. Для исследования центральной и западной частей вышки была заложена траншея шириной 1,5 м в направлении от помещения 3 к западному краю тепа.

На расстоянии 11 м от этого помещения до глубины в 3 м обнаружены сплошные завалы золы, признаков стен нет. Отсюда следует, что середину вышки занимал двор. Далее, у западного края тепа были обнаружены четыре параллельные стены с интервалами, равными расстояниям между стенами вскрытой части памятника, что дает основание предполагать здесь такие же помещения, как и с восточной стороны; видимо, вся вышка была занята одним крепостным сооружением типа замка с двором в середине. Это здание было овальным в плане, о чем свидетельствуют округлые очертания вышки. Для исследования наслоений, подстилающих здание, в восточном конце галереи был заложен шурф размером 2 × 1,5 м, доведенный до глубины 2 м от поверхности пола коридора. В шурфе выявлен твердый грунт с фрагментами сырцового кирпича.

Кроме основного раскопа на вышке, продолженного до перехода, соединяющего вышку с поселением, на нем был заложен лишь небольшой раскоп площадью в 15 м², доведенный до глубины 1,5 м. В этом раскопе были обнаружены более поздние наслоения XI—XII вв.

⁴ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи, СА, М., 1958, № 3, стр. 145.

⁵ В. И. Козенкова. Сайрат-тепе, СА, 1964, № 3, стр. 218—220.

⁶ Л. И. Альбаум. Занг-тепа (раскопки 1962 г.), ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 90.

⁷ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., Труды Института истории и археологии, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1948, стр. 144.

⁸ А. М. Беленицкий. О работе пенджикентского отряда Таджикской археологической экспедиции в 1959 г., Археологические работы в Таджикистане, вып. VII, Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1961, стр. 81.

⁹ П. Н. Кожмяко. Оседлые поселения Таласской долины. Археологические памятники Таласской долины, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1963, стр. 162.

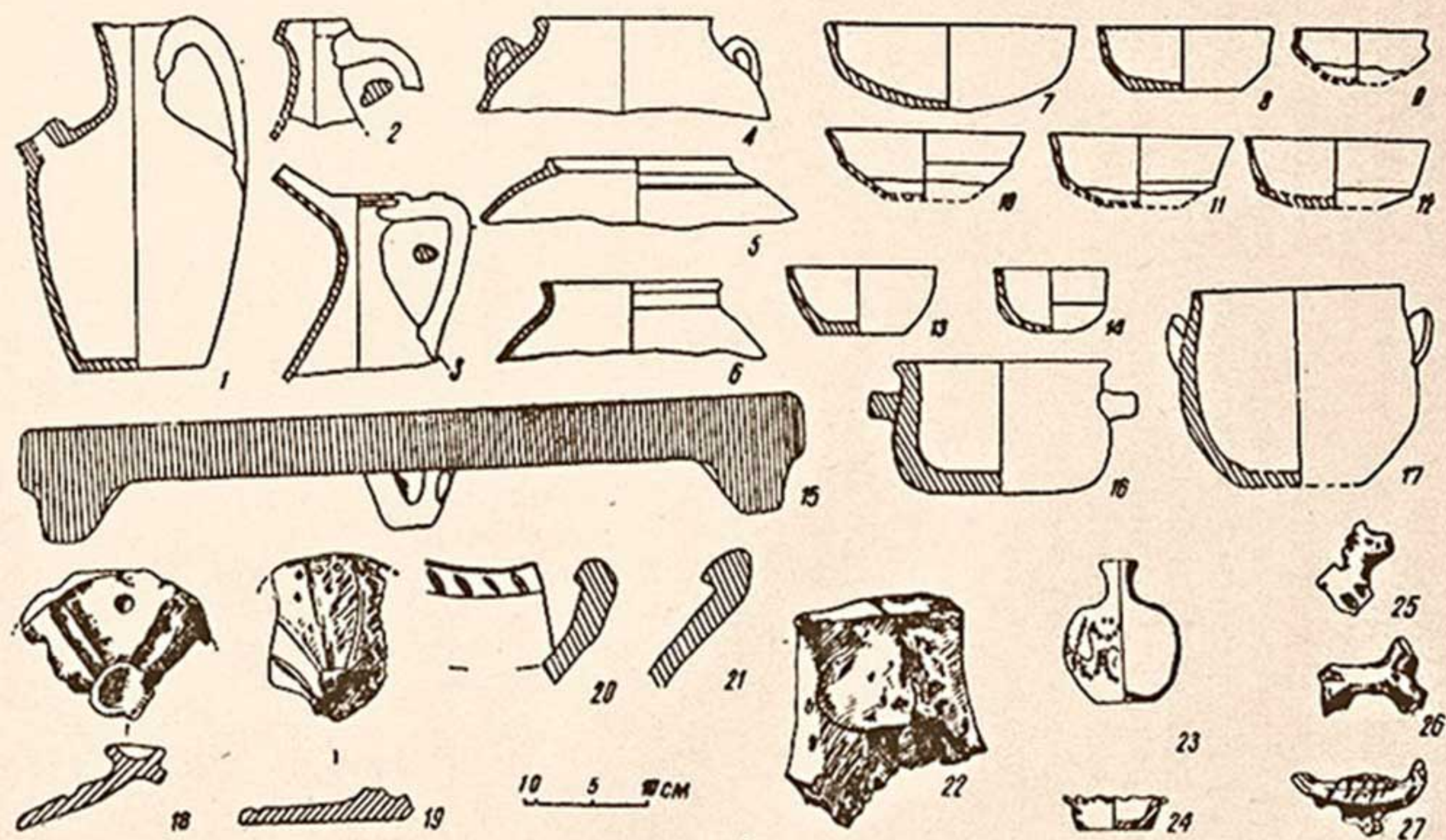

Рис. 2. Археологические находки из раскопа на Культепа:

1-22, 24—керамические изделия; 23—стеклянный флакон; 25-27—предметы изобразительного искусства,

Основную массу находок, обнаруженных при раскопках Культепа, составляла керамика (котлы, кувшины, чаши). Интересны узкогорлые кувшины и кувшинчики высотой 15—27 см (рис. 2, 2—3), толщина стенок тулова 0,5—1 см, горловина их обычно воронкообразной формы, иногда со сливом, венчики простые, прямые иногда с загнутым внутрь краем. Все кувшины с одной ручкой, верхним концом прикреплявшейся к горловине ниже венчика. На верхнем изгибе ручек встречаются упоры для пальца в виде плоского кружка. Такие кувшины имеют аналогии в памятниках Пенджикента и Мерва VII—VIII вв.¹⁰ Особо надо отметить находку узкогорлого кувшина со следами носика, обнаруженного в самом нижнем ярусе шурфа (рис. 2, 1). Очень много горшкообразных сосудов (рис. 2, 4, 6), тоже встречающихся в памятниках VII—VIII вв.¹¹ Некоторые из них с небольшими ручками, венчики обычно отогнуты наружу, иногда — внутрь. Диаметр горловины — от 7 до 17 см. Венчики часто фигурные, иногда с упорами для крышек. Шейки сосудов украшены горизонтальными круговыми линиями; иногда под венчиком делались отверстия для продевания шнура. Также отметим узкогорлый сосудик из стекла с шаровидным туловом и орнаментом в виде кружков; высота сосуда — 9,7 см (рис. 3, 23).

Много было и сосудов типа чашек (рис. 2, 7—12) высотой 4,5—7,5 см. Дно таких сосудов плоское (встречаются и нечетко выраженные донца), стенки гладкие, венчики прямые, немного загнутые внутрь; диаметр венчиков — от 11,5 до 22,5 см.

Хумы — крупные сосуды для хранения сухих или жидких продуктов — в нашем раскопе встречались только в виде фрагментов (рис. 2, 20—21). Почти все они изготовлены на гончарном круге, по краю венчика обычно украшены выступами. Найдены глиняные столики — дастарханы, представлявшие собой плоские диски диаметром до 70,5 см, толщиной 4—5 см, на невысоких (5 см) конусообразных ножках (рис. 2, 15); встречаются дастарханы и на круговой ножке. Иногда нижние поверхности дастарханов украшались орнаментом — резным или ногтевым. Такие глиняные дастарханы известны у жителей оседлых поселений¹².

¹⁰ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), МИА 124, М.—Л., 1964, стр. 281; Е. З. Заурова. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяуркала старого Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1962 (рис. 17, 23).

¹¹ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента, (VII—VIII вв.), стр. 271—272.

¹² Е. И. Агеев, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды Института истории, археологии и этнографии, т. V, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958, стр. 184; И. Б. Бентович. Указ. статья, стр. 291.

Больше всего среди керамического материала было обломков кухонных сосудов (рис. 2, 16, 17). Котлы лепились из плотной тщательно promешанной глины с какими-то мелкими отдельностями беловатого цвета. Все они домашнего изготовления, ручной лепки; на поверхности оставлены следы пальцев. Встречались котлы тонкостенные (0,6 см) и толстостенные (1,5 см); плоскодонные и круглодонные с прямыми, отогнутыми наружу венчиками. Диаметр венчиков — от 17 до 28 см, днища — от 11 до 34 см. Особенно разнообразны ручки котлов. Аналогичные котлы мы находим среди керамических материалов поселений VII—VIII вв.¹³.

Среди лепной керамики много миниатюрных сосудов различного назначения (рис. 2, 13—14). Найдены также крышки сосудов (рис. 2, 18—19).

Заслуживают интереса очажные подставки (рис. 2, 22) из глины с примесью шамота, называемые также «шашлычницами»,

В раскопках встречались и памятники прикладного искусства — изображения птиц, собак из терракоты. Керамические материалы из раскопок на Культепа находят себе многочисленные аналогии в материалах VI—VIII вв. в Кашкадарьинской области, Пенджикенте¹⁴, Хорезме¹⁵, Чуйской долине¹⁶, Таласской долине¹⁷ и др.

Из костяных изделий найдена гребенка двухсторонняя, с плохо сохранившимися зубчиками, с одной стороны — частыми ровными тонкими, с другой — редкими, толстыми; ширина гребенки — 6 см. На Культепа найдено относительно много изделий из железа (серпы, наконечники стрел, ножи и пр.).

В помещении I, на суфе, обнаружен серп, по форме напоминающий кинжал, общая его длина — 37 см, ширина лезвия — 4,8 см, толщина — до 1,5 см; ручка с кольцевой частью для бечевки. Предмет этот, надо полагать, служил в качестве серпа, но мог служить и как оружие. Аналогичная находка в другом памятнике определена как клинок¹⁸.

¹³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1948, стр. 115.

¹⁴ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента, стр. 272, 275, 279, 289, 290.

¹⁵ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма Африкидского периода, Труды ТХАЭЭ, т. IV, Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 242.

¹⁶ В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, Труды КАЭЭ, т. IV, М., 1960, стр. 144.

¹⁷ М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-Тюбе I у с. Орловки, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1963, стр. 137—138.

¹⁸ Е. В. Займаль. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище, МИА, 124, стр. 247.

В помещении 5 также найдено несколько серпов меньшего размера. Краткие описания таких орудий труда часто встречаются в литературе; иногда они описываются как садовые ножи¹⁹, иногда — как серпы²⁰. Найдено несколько трехлопастных наконечников стрел. Встретилось несколько мелких изделий из меди, среди них определен миниатюрный сосудик в виде чашечки с удлиненным носиком и бубенчик. Найдено и несколько медных монет плохой сохранности; по определению проф. М. Е. Массона, это монеты тюрко-согдийского чекана.

Результаты раскопок на Культепа позволяют сделать вывод, что это развалины крупного поселения с укрепленной частью типа замка, существовавшего в VI—VII и начале VIII вв. Более ранние наслоения здесь не обнаружены; зато есть незначительные поздние наслоения — XI—XIII вв. Здание замка было построено на искусственном стилобате высотой более 6 м.

Замок был одноэтажным. Главный вход в здание, надо полагать, был с юго-западной стороны, где, видимо, была сторожевая башня и пандус. Перекрытие входа наверняка было сводчатым, так как найдены обломки трапециевидного жженого кирпича, длина которого 29 см, ширина в узком конце — 18 см, в широком — до 30 см, толщина 6—7 см. Не исключено существование второго входа, с северо-восточной стороны здания, в виде лестницы. В Калаи-боло также отмечены два входа, из них один — главный, со сводчатой галереей, а второй — запасной²¹. По сторонам коридора расположены жилые и хозяйственные помещения. Галереи и дверные проемы, а возможно, некоторые помещения нашего здания были перекрыты сводами. Например, в помещении I, на северной стороне дверной проем был арочный, судя по сохранившимся кирпичам, которые были сложены наклонными отрезками; аналогичные кладки известны на Балалыктепа²², Варахше²³, Актепа²⁴ и других памятниках. Помещение II, судя по расположению кирпичей, лежавших в завале, было также перекрыто сводом.

¹⁹ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 138, рис. 37.

²⁰ А. М. Беленицкий. О работе пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г., стр. 88 (рис. 11).

²¹ Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-боло, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 99.

²² Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 121.

²³ В. А. Шишкин. Варахша, М., Изд-во АН СССР, 1963.

²⁴ В. Л. Воронина. Указ статья, рис. 10.

Помещения, расположенные к северо-западу от галереи, могли служить и для хозяйственных нужд и для жилья служителей. Помещение 9 — самое крупное из исследованных помещений — было, видимо, общим. Возможно, оно было перекрыто плоским деревянным перекрытием.

Жители поселения, очевидно, занимались земледелием; об этом свидетельствуют найденные обгоревшие зерна культурных злаков, ручные жернова. Есть и признаки домашних ремесел — ткачества, гончарства, что подтверждают находки пряслиц, шлака.

Несомненно, владельцем замка был крупный феодал, занимавший видное место в иерархии господствующего класса современного ему общества. Судя по составу керамического материала, поселение было оставлено в VIII в., до арабского завоевания. Следов внезапного разрушения не отмечено, здание приходило в запустение постепенно. После небольшого периода запустения, по крайней мере в IX—X вв., помещения относительно лучшей сохранности были отремонтированы и использованы для жилья, а более разрушенные (3, 6, 7) приспособлены для свалки мусора. Наиболее поздние признаки обитания поселения — сосуды XI—XII вв., с белой и зеленой поливой, подобные найденным в Варахше²⁵ и Мерве²⁶, а также очаги, сложенные во время вторичного использования помещений. Незначительность остатков предметов XI—XII вв. свидетельствует о частичном обживании поселения.

Культепа — это еще один памятник, дополняющий сведения о культуре населения Нахшеба в период раннего средневековья.

²⁵ В. А. Ш и ш к и н. Варахша, стр. 48.

²⁶ С. Б. Л у н и н а. Гончарное производство в Мерве X — нач. XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1962, стр. 351.

Л. Г. БРУСЕНКО

РАСКОПКИ КВАРТАЛА ГОНЧАРОВ X—XI вв. НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

Многочисленный археологический материал, накопившийся после раскопок на городище Афрасиаб, начиная с 70—80-х годов прошлого столетия и до наших дней, свидетельствует о процветании там различных видов ремесел.

Упоминание о ремесленных кварталах гончаров на Афрасиабе мы встречаем В. Л. Вяткина¹. Он указывает несколько пунктов, где обнаружил гончарные печи для обжига поливной посуды. Первый квартал занимал территорию между второй двойной и третьей малой крепостными стенами, к востоку от главного канала. Здесь, отмечает В. Л. Вяткин, приготовлялась «посуда исключительно саманидского типа». Второй, более молодой, квартал керамистов находился близ юго-западного угла городища.

В последующие годы в разных частях городища были вскрыты несколько отдельных гончарных печей. Исследования же керамического производства в западной части городища возобновились лишь в 1959 г.² В том же году В. Д. Жуков обнаружил в ремесленном квартале, лежащем за третьей крепостной стеной в юго-западной части городища Афрасиаб, 4 круглых керамических печи различной сохранности³ с материалом XII — начала XIII в.

В 1961 г. на территории квартала гончаров, расположенного между второй и третьей крепостными стенами к востоку от главного канала, Ш. Н. Ташходжаевым были начаты археологические работы, продолженные в 1962 г. В результате

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 16—32.

² Исследования проводились по линии Института истории и археологии АН УзССР.

³ В. Д. Жуков. Полевой отчет за 1959 г, стр. 1—2; рукопись хранится в архиве Института истории и археологии АН УзССР.

«была расчищена мастерская с четырьмя печами, рабочими помещениями и жильем керамиста. Был расчищен участок городской улочки шириной 3 м, выстланный чупанатинским рваным сланцем»⁴. Вскрытые мастерские разновременны и располагались между двумя горизонтами, нижний из которых датирован автором первой половиной XI в., а верхний — второй половиной XII — началом XIII в.⁵

В 1965 г., в связи с проведением шоссейной дороги через центр городища, исследования Самаркандского археологического отряда были сосредоточены на этой трассе, которая прорезала мастерские средневековых гончаров, примыкающие к ранее раскопанному участку. К началу археологических работ на большой площади исследуемого участка верхний слой был снят бульдозером. В 30—40 м от третьей городской стены в направлении север — юг тянулись две глубокие траншеи, образовавшиеся после земляных работ при проведении дороги. Наблюдение и раскопки на данном участке велись по двум направлениям: вскрытие и фиксация остатков верхнего слоя и расчистка оказавшихся на поверхности ранних слоев; здесь впоследствии был обнаружен зал с настенными росписями VII—VIII вв. Вскрытие остатков верхнего слоя и зачистка боковых стенок земляных траншей дали возможность получить дополнительные сведения о стратиграфии и этапах обживания этого места ремесленниками-гончарами. За четыре полевых сезона расчищены несколько производственных помещений и жилых комнат, обжигательных печей, значительный отрезок улицы длиной 47 м (рис. 1).

Различимы три этапа обживания этого участка — все они связаны с керамическим производством. Наиболее хорошо сохранились остатки помещений, относящихся к первому этапу жизни гончаров.

На восточной стороне улицы намечаются три обособленные группы помещений, каждая с самостоятельным выходом на улицу. Первая группа — юго-восточная — включает комнаты 7, 17, 18, 8 и состоит из трех помещений; некоторые из них, объединенные проемами, носят явно жилой характер. С улицы широкий проем ведет в комнату 8. Пол здесь выстлан квадратным жженым кирпичом ($22 \times 22 \times 4$ см). В центре комнаты устроен ташнау. В следующем помещении (15) у южной стены устроена суфа, на ней были обнаружены три керамических очажка. На жилой характер указывает и суфа в

⁴ Ш. Н. Ташходжаев. Художественная керамика Самарканда IX — нач. XIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведческих наук, Ташкент, 1964, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 46.

помещении 17. Стены этого помещения были украшены росписью, от которой сохранились лишь незначительные остатки.

Вторая группа — восточная — с помещениями 5, 6.

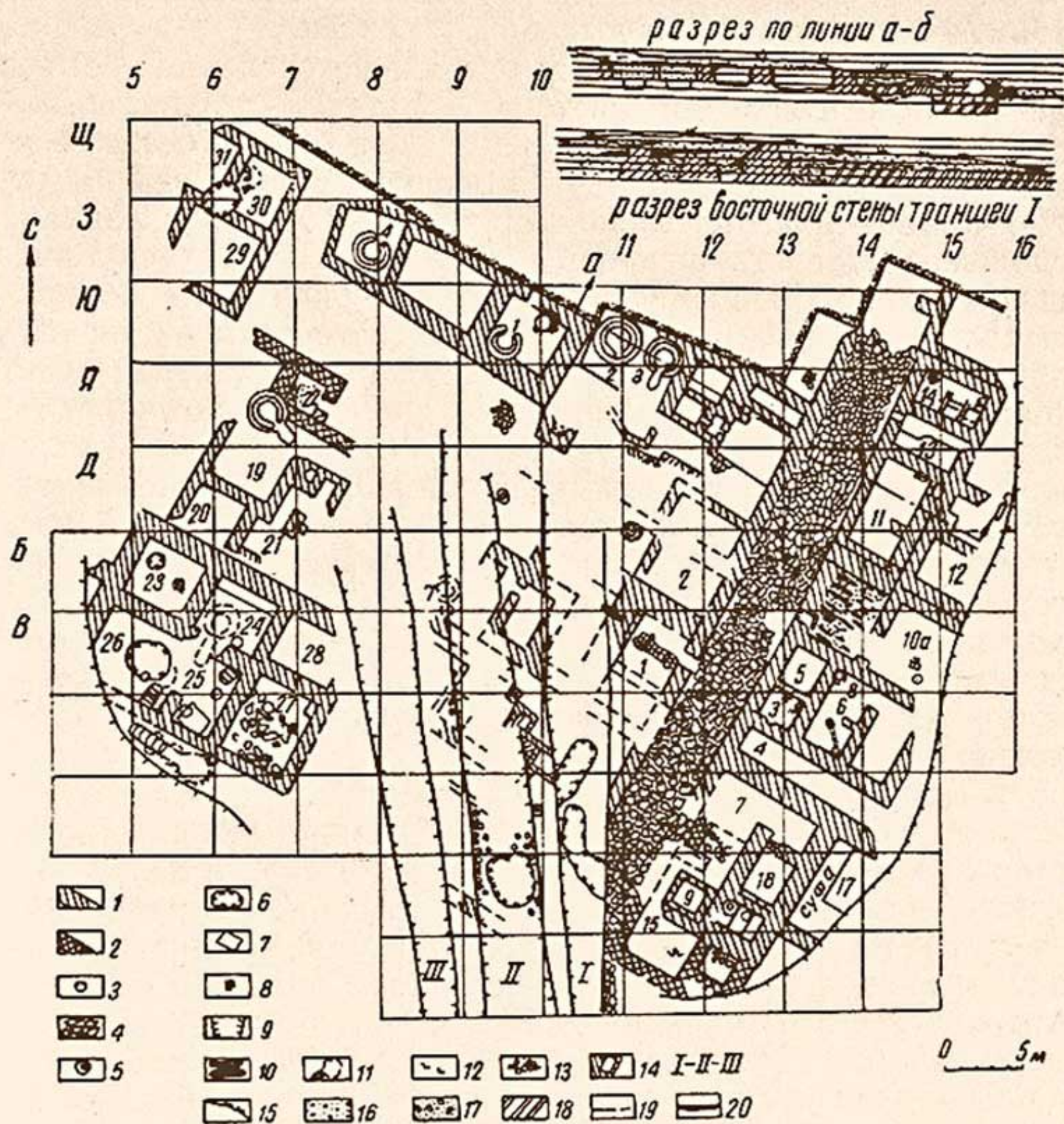

Рис. 1. План раскопа 23.

1—остатки помещений первой половины X в. (I этап); 2—остатки помещений второй половины X в. (II этап); 3—колодцы; 4—выстилка чунантинским сланцем; 5—тандыр; 6—ямы, заполненные отвалами бракованной керамики; 7—резервуары; 8—остатки выстилки пола; 9—траншеи после работ бульдозера; 10—остатки сгоревшего балочного перекрытия; 11—подземные помещения; 12—керамические очажки; 13—чашки с краской для расписывания сосудов; 14—закром; 15—дерновый слой; 16—рыхлый насыпной грунт; 17—земля с завалом сырцового кирпича; 18—плотный грунт; 19—выстилка дороги; 20—натечные слои.

10, 10а. В помещении 5 обнаружено скопление чистого кварцевого песка, необходимого сырья в гончарном производстве. В помещении 10 расчищены горелый слой, образовавшийся после пожара, и обгоревшие балки перекрытия, лежащие парал-

лелно. Под остатками перекрытия найдены фрагменты чаш с росписью; все помещения сообщались проемами и имели один выход на улицу.

Третья — северо-восточная группа с помещениями 11, 12, 13, 14 примыкает к предыдущим с севера.

Здесь, в комнате 12 на полу расчищено скопление комьев краски белого и красного цветов. С западной стороны к этому помещению примыкает небольшой двор (11), в северо-восточном углу которого расчищен резервуар, стенки и дно которого выстланы жженым кирпичом ($22 \times 22 \times 4$ см); под ним расположен водопоглощающий колодец. У южной стены расчищен плохо сохранившийся очаг. В северной стене обнаружен проем, нижняя часть которого представлена двумя ступенями, выстланными сланцевыми плитами. Этот проем ведет в коридорообразное помещение (13) с суфой, к которому с севера примыкает комната 14 явно производственного назначения. В западной части ее выделяется рабочая площадка, отгороженная невысокой стенкой из сырцового кирпича. В южной стене в средней части расчищены остатки ниши с сильно обгоревшими стенками. Рядом с нишей расположен очаг в виде углубления цилиндрической формы, на дне его обнаружено овальное отверстие для нагнетания воздуха. Очаг окружает камера квадратной формы, за ней следует другая — заполненная золой.

Эта группа помещений, как и предыдущая, соединяется с улицей дверным проемом. Улица идет в направлении северо-восток и юго-запад. В своей средней части дорога делает небольшой изгиб. Длина вскрытой части улицы 47 м, ширина 3—4 м. Вымощена она сланцевыми плитами, которые привозились из находящейся неподалеку горы Чупаната. Интересно, что на всем протяжении дорога делится как бы на несколько участков, отличающихся по цвету сланцевых плит, граница между ними очень четкая. Такое членение можно предположительно объяснить тем, что обязанность по вымостке дороги делилась между какими-то группами людей.

Археологические раскопки подтверждают сообщения источников X в. о том, что большинство улиц в Самарканде было вымощено камнем⁶.

Комплекс помещений, примыкающих к улице с западной стороны, сильно разрушен траншеями. Несмотря на это, за-

⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 142; Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Казыма Ибн-Хаукаля, Труды САГУ, IV, Ташкент, 1957, стр. 15, 16.

чистки боковых стенок останцов дали наглядную картину расположения здесь центрального производственного узла гончарного производства. Для первого периода удалось выделить группу подсобных помещений, в которых располагались резервуары или закрома с ганчевой обмазкой. В наилучшей сохранности оказалось помещение 1 по своему облику явно жилого характера. К северу-западу от улицы расчищены керамические печи 1, 2, 3, 4 и примыкающие к ним производственные и жилые комнаты. Печи располагались цепочкой в направлении северо-запад и юго-восток. По своему конструктивному устройству они однокамерные, круглые, с топкой, врытой в землю ниже уровня полов. Обжигательная камера цилиндрической формы сооружалась из сырцового кирпича. Стенки ее при переходе к топке образовывали полку шириной 30 см. На внутренней стене наземной части печи расположены отверстия для штырей через каждые 7—6 см, горизонтальными рядами через каждые 30 см. Диаметры обжигательных камер варьируют: 2,30—2,80 м и 1,80—1,90 м; топочных: 1,60—1,80 м и 0,80—0,70 м.

К печам примыкают рабочие помещения, в которых мастер подготавливал керамические изделия к обжигу. В комнате 31 после расчистки в углу у стенки стояли приготовленные для просушки сырцовые штыри до 30 штук, в помещении 30 на полу находились чаши с краской желтого и синего цвета, подготовленной для росписи сосудов⁷. В одном из помещений обнаружен чистый кварцевый песок, в другом — «сырье, необожженные раздавленные сосуды, рядом валялись фрагменты расписных и обожженных, но еще не глазурированных сосудов»⁸ — все это указывает на производственный характер этого комплекса помещений.

Таким образом, вышеперечисленные факты еще раз подтверждают наличие на этом участке квартала ремесленников-гончаров, объединенных в определенные производственные группы.

В конце первого этапа жизни квартала наблюдается некоторое запустение отдельных помещений.

В расчищенных помещениях, примыкающих с северо-востока к дороге, заполнение состояло из натечных слоев толщиной до 30 см, что указывает на заброшенность этого участка. В помещении 10 обнаружены следы пожара.

⁷ Раскоп М. Н. Федорова.

⁸ Ш. Н. Т а ш х о д ж а е в. Указ. соч., стр. 48. К сожалению, автор не указывает номера помещений, в которых были обнаружены вышеописанные находки.

Над поверхностью улицы под толщей отвалов керамики выделяется утоптанная спрессованная прослойка значительной толщины, говорящая о том, что улицу долгое время не чистили, и она перестала функционировать.

Расчищен отвал бракованной продукции, относящейся к I периоду, расположенный в помещении 4 ниже уровня дороги. Он состоит из печного припаса — керамических штырей, трехножек-сепая, пережженного боя кирпича, отбросов после чистки печей и неудавшегося обжига посуды, почти все находились в фрагментарном состоянии. Г. А. Пугаченкова делает предположение, что «керамика разбивалась преднамеренно, согласно старинному обычаю ремесленников-керамистов ломать неудавшуюся продукцию»⁹.

Среди нумизматических находок из отвала самые поздние две монеты Нуха I ибн Насра (331—341/943—954 гг.). На раскопе¹⁰, примыкающем к дороге с западной стороны, расчищены две огромные ямы с бракованной керамикой, начинающиеся с уровня дороги и прорезающие помещения VIII—IX вв. на глубину до 3 м. Фрагментарный керамический материал из ям датируется двумя фельсами Насра ибн Ахмада (305/914 г.).

На основании нумизматических данных, первый этап жизни квартала можно твердо отнести к концу IX — середине X вв.

К следующему, второму этапу, обживания этого участка относятся остатки плохо сохранившихся помещений, обозначенных на плане клетчатой штриховкой. В этот период продолжают функционировать печи 1, 2, 3, 4.

Наблюдаются значительные перестройки помещений предшествующего периода, некоторые жилые помещения приспособляются под мастерские. В срезе восточной стенки траншеи II расчищена комната, на полу которой стояла стопка сырцовых чаш, в другой обнаружены комья краски белого цвета, употреблявшейся при ангобировании сосудов.

В северо-западной части участка расчищено помещение 22, примыкающее к гончарной печи, в котором растирались краски для расписывания сосудов. Найдены ладьевидный камень и каменная терка, на полу разбросаны куски красной охры.

Расчищены также остатки печей меньших размеров, представляющих углубления цилиндрической формы диаметром

⁹ Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед Али Инойятон из Мерва, СА, 1958, № 2, стр. 80.

¹⁰ М. И. Филанович. Полевой отчет за 1965 г., хранится в архиве Института истории и археологии.

40—45 см, глубиной 70 см. Заполнение печей состояло из обожженных сепая и штырей до 130 шт. Это наводит на мысль о том, что подобные печи служили для обжига предметов, входящих в состав печного припаса.

К этому этапу относится отвал, перекрывающий улицу и жилые помещения в ее южном конце. Основные типы керами-

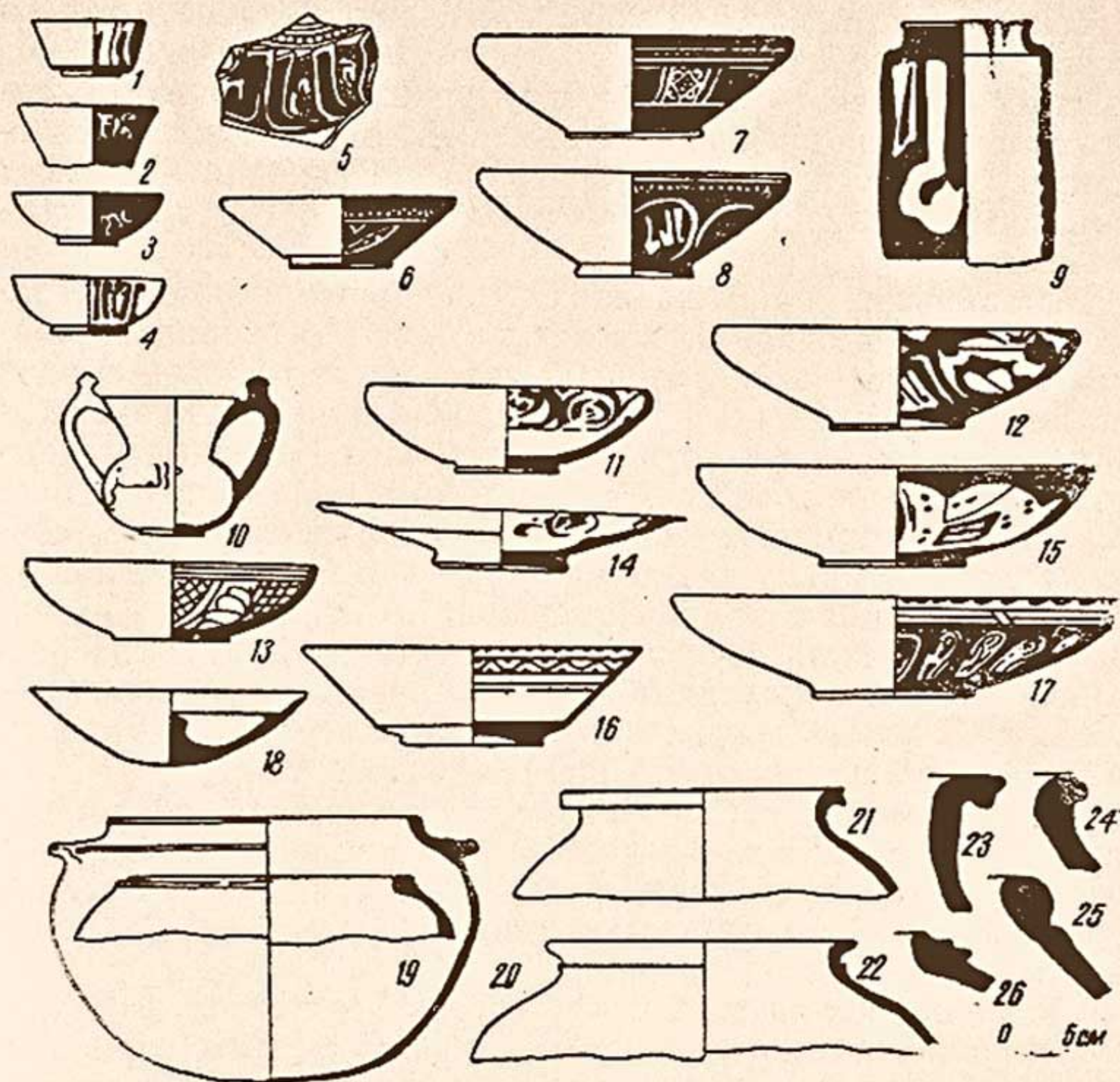

Рис. 2. Керамические изделия:

1—8—нач. XI в.; 10—26—X в.

ки близки комплексу X в., так что промежуток времени между отвалами первого и второго этапа незначительный. Отвалы очень разнообразны по своему составу.

Главную массу находок составляет глазурованная керамика, которая очень разнообразна по типам, формам и назначению. Наиболее характерные формы бытовой посуды — хумы, котлы, горшки, кувшины, блюда, чаши, лаганы, пиалы, светильники-чираги (рис. 2).

Все поливные изделия орнаментированы в красочной цветовой гамме самыми разнообразными композициями от простых однотипных с процарапанным подглазурным орнаментом до сложных геометрических плетенок и изящных арабских надписей (рис. 2, 10—26).

Весь комплекс керамики из отвалов, перекрывающих улицу, датируется по монете Мансура II ибн Нуха (997 г.)¹¹.

Таким образом, второй этап обжигания можно отнести ко второй половине X в.

Археологическое вскрытие культурного слоя предпоследнего этапа жизни древних гончаров на этом участке, дало наглядную картину внезапного прекращения в конце X в. всех производственных процессов, связанных с гончарным ремеслом.

В мастерских, примыкающих к гончарным печам с северной стороны¹², в одной из комнат на полу в беспорядке валялись несколько чаш с разлитой краской; в другой — в углу расчищена куча сырцовых штырей, так и не дождавшихся своего обжига; на западной стене траншеи II зачищена комната¹³, на полу которой лежала огромная свалившаяся стопа просушенной сырцовой керамики, приготовленной для обжига; на близлежащем участке раскопа¹⁴ при вскрытии одной из комнат, входящих в комплекс «дворца Ихшида», была расчищена нижняя часть печи конца X в. Она так и не была разгружена после окончания обжига. На участке, примыкающем с востока к улице, вскрыта нижняя часть печи, заполненной обожженными штырями и сепая до 130 шт.¹⁵

Последний, III этап, обжигания этого участка относится к первой четверти XI в. Он представлен самым верхним горизонтом. В этом месте микрорельеф городища значительно сnivelирован при использовании большей части его под посевы пшеницы.

От жилых помещений и мастерских верхнего слоя сохранились лишь остатки от выстилки полов жженым кирпичом, которые были перекрыты отвалами бракованных изделий. Керамика из отвалов по своему качеству и декору почти не отличается от предшествующей — та же гамма красок, то же качество глазура. Но среди массы выделяется группа с характерными признаками керамики XI в. (рис. 2, 1—9).

¹¹ Монеты определены Г. В. Шишкиной и М. Н. Федоровым.

¹² В 1961 г. здесь производил раскопки Ш. Н. Ташходжаев.

¹³ В 1965 г. исследования на этом участке производили Г. В. Шишкина, Л. Г. Брусенко, М. И. Филанович.

¹⁴ Раскоп Т. Агзамходжаева.

¹⁵ Ш. Н. Ташходжаев. Указ. соч., стр. 48.

Керамические печи, явно выраженный характер производственных помещений, состав многочисленных керамических отвалов — все это на большой площади представляло единый комплекс квартала керамистов. В организации квартала наблюдаются производственные и жилые группы.

Вышеприведенные факты указывают на то, что жизнь квартала древних гончаров была прервана в результате каких-то политических событий. Возможно, временное прекращение жизни на этом участке связано с захватом Самарканда в конце X в. тюрками-караханидами¹⁶. Во всяком случае, хотя квартал и возродился в начале XI в., но такого подъема и расцвета, как в предшествующий саманидский период, он не достиг. Наблюдается постепенное затухание и перемещение центра гончарного производства в юго-западную часть городища, где был обнаружен¹⁷ более поздний квартал гончаров XII—начала XIII в.¹⁸

¹⁶ В. В. Бартольд. История Туркестана, Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 128.

¹⁷ Л. И. Альбаум. К вопросу о гончарном производстве на Афрасиабе, ркп., 1947 г.

¹⁸ Раскопки В. Д. Жукова в 1959—1960 гг. и М. Ташходжаева в 1962 г.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОСТЫ-ВОДОИЗМЕРИТЕЛИ НА ЗАРАФШАНЕ

В 1962 и 1964 гг. Махандарьинский археологический отряд¹ Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемый академиком АН УзССР Я. Г. Гулямовым, специально занялся поисками и изучением остатков средневековых мостов. Мосты Пули Чахорминор², Пули Джандор, Сарипули Мехтар Касым, Пули Кармана и другие упоминаются в письменных источниках XVII—XIX вв. Они были построены на различных участках р. Зарафшан в бухарской части Зарафшанской долины.

В книге Н. Ф. Ситняковского³, проводившего в 1896 г. топографическую рекогносцировку по бухарской части долины Зарафшана, говорится, в частности, о Сарипули Мехтар Касыме, Пули Чорминоре и Пули Джандоре.

В 1915 г. остатки мостов Пули Джандор и Чорминор подвергались частичному обмерному изучению членом Туркестанского кружка любителей археологии Л. А. Зиминим во время археологической разведки в Бухаре⁴. Остальные же сооружения до сих пор еще никем не изучались.

Остатки моста Чорминор находятся в старом, ныне сухом русле Каракульдарьи, вблизи кишл. Шайхон, расположенного в 9 км западнее от Бухары. По данным Н. Ф. Ситняковского, в 1896 г. от этого моста сохранилось три устоя с двумя проле-

¹ В составе ст. н. с. А. Р. Мухамеджанова, мл. н. с. Г. Дадабаева, Н. Ахрарова, аспиранта А. Абдулхамидова и художника И. К. Сазонова.

² Среди местного населения это сооружение известно под названием Чорминор, так мы и будем писать ниже.

³ Н. Ф. Ситняковский. Заметки о бухарской части долины Зеравшана, ИТОИРГО, т. I, вып. 2, Ташкент, 1900, стр. 173—174.

⁴ Л. А. Зимин. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью. Протоколы заседаний и сообщения членов ТКЛА, вып. 2, Ташкент, 1916, стр. 126—129.

тами с настилкой наверху, а также часть апарели⁵. В таком же состоянии видел его в 1915 г. и Л. А. Зимин⁶. В настоящее время от моста Чорминор осталось лишь основание шести устоев и двух апарелей. Осенью 1962 г. нами были произведены раскопки на трех памятниках: Пули Чорминоре, Пули Джандсаре и Пули Лалака. Полностью были раскопаны почти все остатки Чорминора.

Мост Чорминор, что в переводе означает четырехбашенный, был воздвигнут на едином массивном постаменте, шириной 18,3 м, толщиной более 1,5 м⁷. Сложен он из квадратного кирпича размером 26 × 26 × 5 и 27 × 27 × 5 см на трехкомпонентном вяжущем материале, состоящем из извести, растительной золы и мельчайшего кварцевого песка. Постамент сверху покрыт слоем (15 см) вышеуказанного строительного раствора. Общая длина моста 75,75 м (рис. 1). Боковые апарели, т. е. выездная часть моста, длиной 8,75 м, шириной у выезда 20 м, имеют в плане форму трапеции. Верхняя часть их полностью разрушена. Нижняя часть сохранилась высотой до 2,8 м от постамента. Длина напорного крыла, как левой, так и правой апарели, равна 11,5 м. Эти напорные крылья по горизонтали имеют откос на 40° от угла сечения. Задние крылья, т. е. наружные, длиной 9,5 м идут под откосом на 23°. Таким образом, напорная грань боковых апарелей имеет откос, почти в два раза больший, чем их наружная грань. Такой откос для напорных граней не случаен, ибо внутренние крылья боковых апарелей моста, суживая ширину русла реки, своей объемистой площадью все время находились под горизонтальным и вертикальным давлением воды постоянного течения.

Размеры сохранившихся шести вертикальных устоев, за исключением двух правых, почти одинаковы. Наибольшая высота их от постамента достигает 1,6—1,8 м, ширина их по верху 8,5 м, по основанию 13,5 м. Первый устой справа имеет толщину по верху 4 м, по основанию 5,8 м; толщина второго — 3,3 м и 5 м⁸. Остальные четыре устоя имеют одинаковую толщину, которая по верху равняется 2,8 м, а по основанию 5,5 м. Таким образом, два первых устоя являются самыми мощными (рис. 2). Утолщенность правых боковых устоев сви-

⁵ Н. Ф. С и т н я к о в с к и й. Указ. соч., стр. 174.

⁶ Л. А. З и м и н. Указ. статья, стр. 126 и 129.

⁷ Из-за близости грунтовых вод невозможно было опуститься по фундаменту глубже 1,5 м. Поэтому нам не удалось установить точный размер толщины постамента.

⁸ Напорная часть основания второго устоя обложена обтесанными камнями длиной 60—75 см, высотой 60 см и шириной 40—50 см. Это, по всей вероятности, результаты ремонта, сделанного когда-то на этом участке моста.

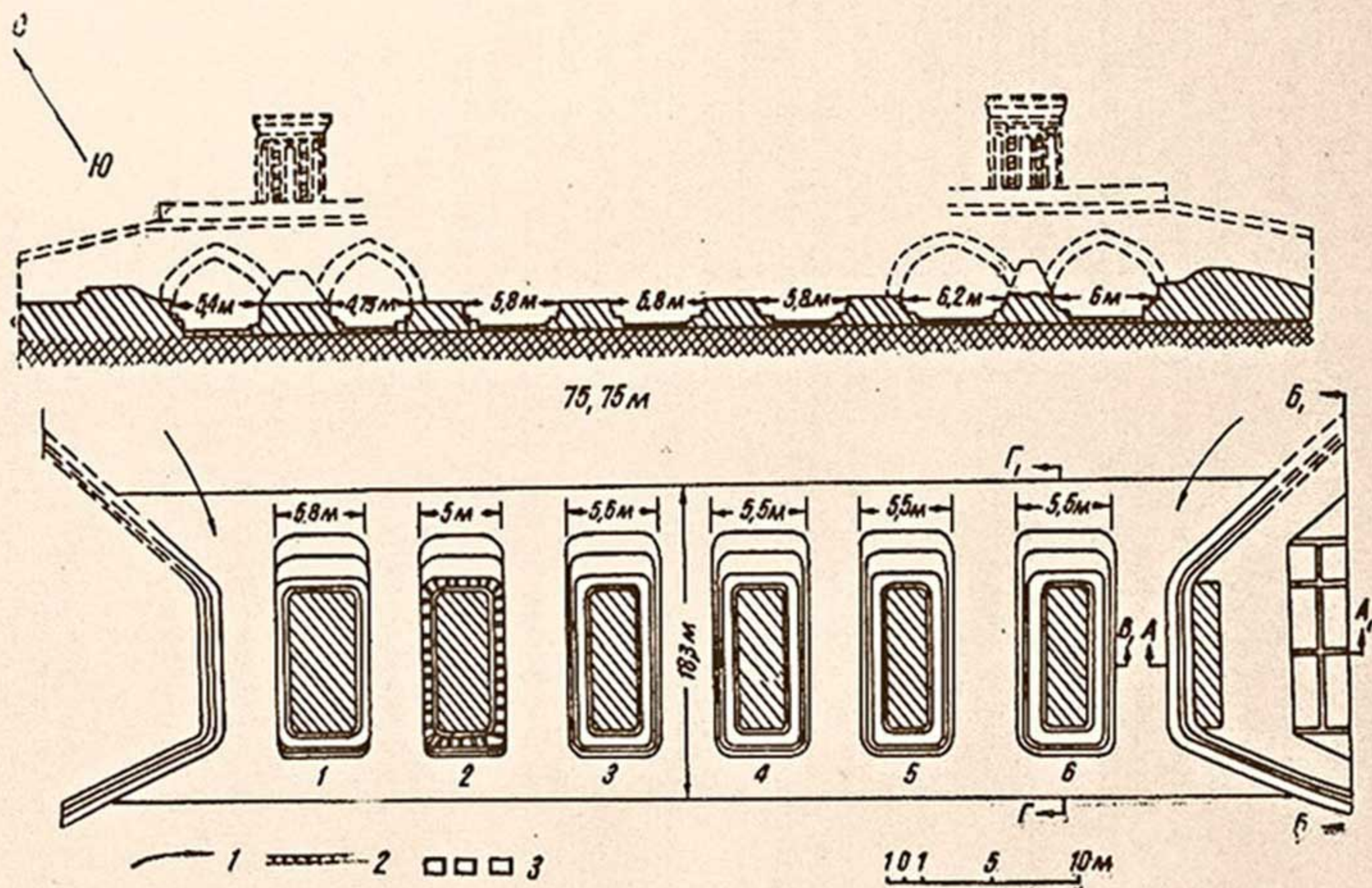

Рис. 1. План и продольный разрез остатков моста Чорминор:
1—направление течения воды; 2—растворная обмазка; 3—каменное обложение,

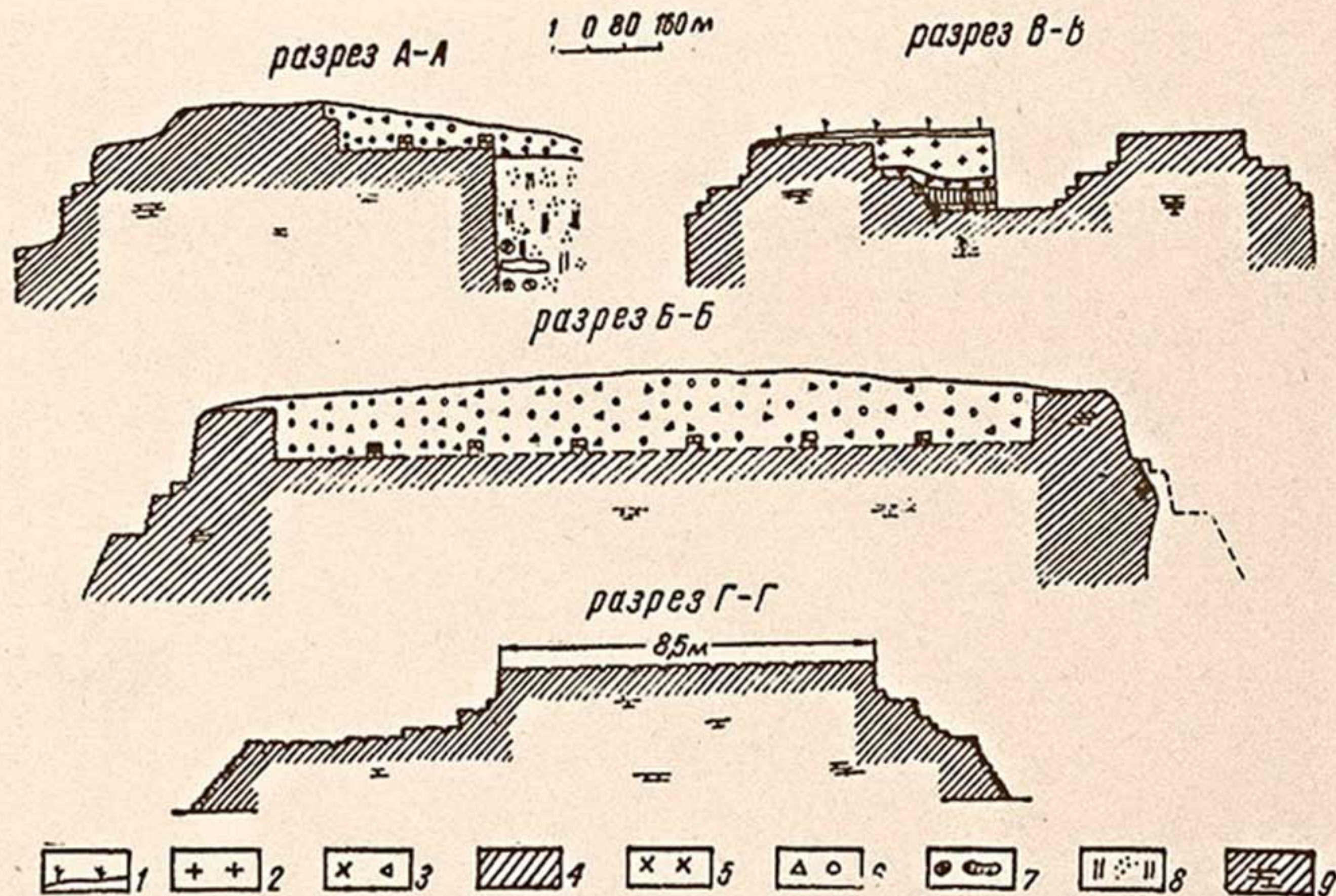

Рис. 2. Продольные и поперечные разрезы апарели и устоя Чорминор:

1- верхний (дерновый) слой; 2-песчаный слой с обломками жженных кирпичей и раствора; 3-слой раствора с обломками жженных кирпичей; 4-песчано-иловое отложение; 5-растворная обмазка; 6-забутовка из обломков жженных кирпичей и раствора; 7-бревна; 8-утрамбованный песчано-иловый слой; 9-кладка.

детельствует о том, что во время строительства моста Чорминор основное течение Каракульдарьи шло по правобережной части русла, сильно омывая правый берег. Это подтверждается и современным расположением русла Каракульдарьи, отошедшего на 300 м вправо, т. е. к западу от своего прежне-

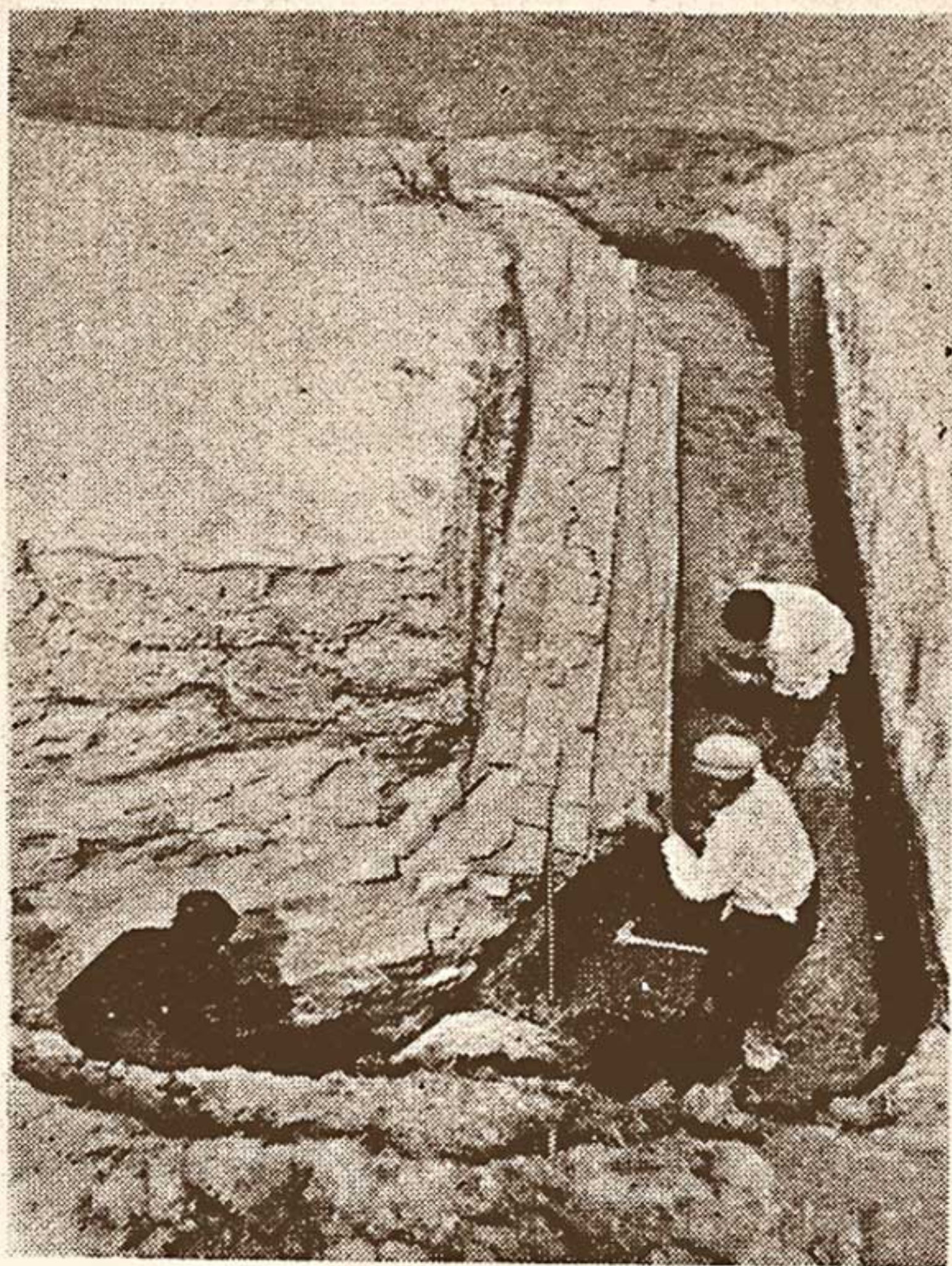

Рис. 3. Остатки левой опоры Чорминора.

го русла. Утолщением правых боковых устоев древние строители добивались увеличения их мощности и устойчивости против напора постоянного быстрого тока, а также уменьшения длины пролетов правобережных арок. Это увеличивало грузоподъемность моста на наиболее опасном участке сооружения (рис. 3).

Основания всех устоев с четырех сторон имеют ступенчатый откос, наиболее плавный у лицевой стороны, т. е. напорной грани (рис. 1 и 2 — разрезы В—В₁ и Г—Г₁). Мост Чорми-

нор когда-то состоял из семи вертикальных арок с пролетами в свету от 4,75 до 6,2 м⁹, высотой приблизительно 4—4,5 м и равномерной толщиной на три кирпича, т. е. 80—90 см. Таковы общие обмерные данные остатков моста Чорминор. Мощ-

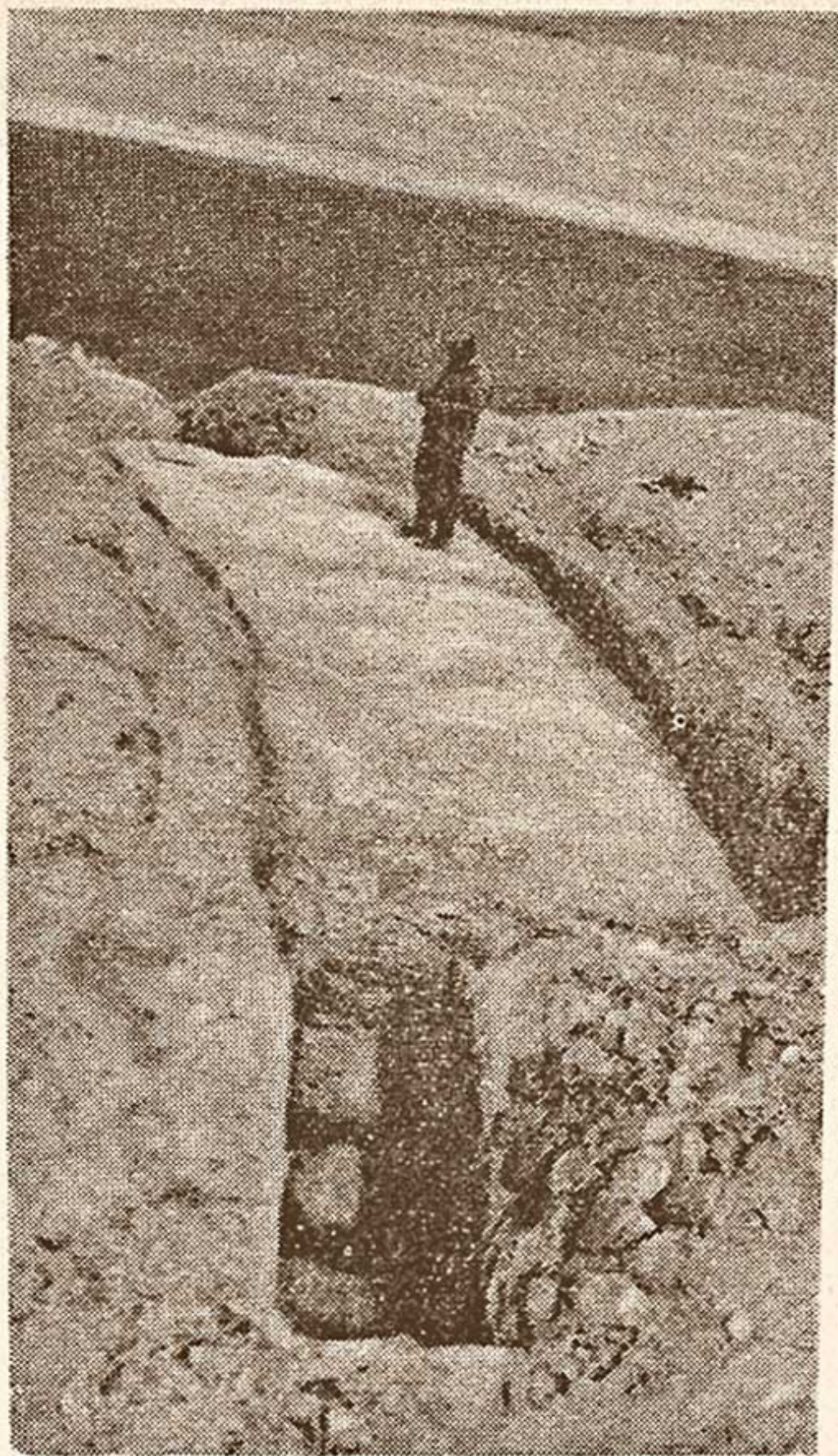

Рис. 4. Остатки шестого устоя Чорминора.

ный постамент, фундаментальные боковые аппарели и многоступенчатые устои моста свидетельствуют о том, что мост был построен на основе заранее подготовленного чертежа (рис. 4).

⁹ Размеры пролетов следующие: 1—5,4 м; 2—4,75 м; 3,4 и 5—5,8 м; 6—6,2 м и 7—6 м.

Вторым объектом изучения были остатки моста Пули Джандор, который среди местного населения был известен под названием Пули Абдуллахан, т. е. «Абдуллаханский мост». Остатки этого сооружения находятся в 20 км к юго-западу от Бухары. В настоящее время от него сохранились нижние части двух устоев, которые расположены в 200 м к востоку от правого берега современного русла Каракульдарьи. Длина первого, т. е. правого устоя, равна 6,25 м, ширина — 3 м; у второго соответственно — 4,2 и 1,2 м. Расстояние между этими устоями 6,5 м. Устои выложены из квадратного жженого кирпича размером $27 \times 27 \times 5-5,5$ см на трехкомпонентном цементе.

По описанию Л. А. Зимина, в 1915 г. это сооружение состояло из пяти арок, пролетами в 7—8 аршин (5—5,7 м), шириной 3—6 аршин (2,1—4,2 м), высотой 2—2,5 сажени (4,25—5,30 м), которые опирались на шесть вертикальных устоев, толщиной от 0,5 аршина (35 см) до 5 аршин (3,55 м). Основания устоев в три ряда были обложены обтесанными камнями. Кроме этого, по бокам пятого устоя сохранилась часть двух башен¹⁰. По всей вероятности, две такие же башни были и на противоположном конце моста. Таким образом, Пули Джандор когда-то представлял собой пятиарочный мост с четырьмя башнями.

Остатки третьего памятника — Пули Лалака находятся в современном русле Каракульдарьи, примерно в 2 км к юго-западу от нынешнего Ромитанского моста¹¹. От Пули Лалака сохранилась незначительная часть единственного устоя длиной 4 м, шириной 2,5 м, выложенного из крупноформатного жженого кирпича размером $42 \times 26 \times 5,5-6$ и $43 \times 27-28 \times 7$ см на известково-зольном растворе. Строительный материал и конструкция его кладки заслуживают особого внимания. В кладке сохранившейся части горизонтальные ряды кирпича чередуются с вертикальными. Причем чередование идет в определенном количественном соотношении. Например, два ряда кирпичей, уложенных в горизонтальном положении, сменяются одним рядом вертикальных, т. е. уложенных на ребро и т. д. Такая конструкция кладки прослеживается у многих памятников среднеазиатского зодчества домонгольского периода. Этот тип кладки наблюдался археологом Н. Б. Немцевой на двух мавзолеях Шахи-Зинда, относящихся к XI—XII вв.¹²

¹⁰ Л. А. З и м и н. Указ. статья, стр. 128—129.

¹¹ Этот памятник был обнаружен осенью 1959 г. во время археологической разведки в Ромитанском районе Бухарской области.

¹² Н. Б. Н е м ц е в а. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный № 2» в комплексе Шахи-Зинда, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 157—158.

По мнению исследователей, в частности А. М. Беленицкого¹³ и В. Л. Ворониной, комбинированная система кладки имела конструктивное значение¹⁴.

Осенью 1964 г. нами были обнаружены остатки еще двух средневековых мостов: Сарапули Мехтар Касым и Пули Кармана. Остатки первого сооружения находятся в 22 км к северо-востоку от Бухары¹⁵. Мост был построен на Каракульдарье между селениями Кавала и Чорбаг. До нас дошло основание двух устоев длиной 8 м, шириной 3 м, выложенное из квадратного кирпича размером $26 \times 26 \times 6$ и $27 \times 27 \times 5$ см на трехкомпонентном растворе.

Остатки второго памятника были обнаружены на левом берегу Зарафшана вблизи развалин средневековой крепости Карманы, именуемой «Хоса-Курган». От него сохранилась незначительная часть левой апарели, выложенной из жженого кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ и $27 \times 27 \times 6$ см, на гипсовозольном растворе. Пули Кармана был воздвигнут над Зарафшаном на 3 км выше по течению нынешнего Навоийского моста, расположенного по дороге в Канимех и Нурату. К сожалению, мы не имеем возможности более подробно описать изучаемые нами сооружения из-за их почти полного разрушения. Наши представления о последнем сооружении могут несколько дополнить сведения из исторических источников.

По данным, приводимым в летописи «Тарихи Раками» (конец XVII—начало XVIII в.), Пули Кармана состоял из восемнадцати арок с порталами и четырьмя большими башнями¹⁶. Для своего времени это было грандиозное сооружение: около 200 м в длину.

В описанных сооружениях интересны не только общая конструкция, но и строительные материалы. Лабораторные исследования¹⁷ дали возможность выяснить структуру строительных растворов, характерных для того или иного исторического периода, место применения различных видов вяжущего материала и прочность кирпичей.

Строительные кирпичи изучаемых памятников делятся на два вида: крупноформатный продолговатый с при-

¹³ А. М. Беленицкий. Работы вахшского отряда в 1946 г., МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 134.

¹⁴ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, Сб. «Архитектурное наследие», М., 1953, № 3, стр. 14.

¹⁵ Остатки моста Сарапули Мехтар Касым находятся в современном русле Каракульдарьи почти рядом с нынешним мостом.

¹⁶ «Тарихи Раками», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7711, л. 201 а—б.

¹⁷ Химико-технологический анализ сделан канд. техн. наук Н. С. Гражданкиной.

месью самана и квадратный без примеси. Крупноформатный кирпич из Пули Лалака изготовлен с примесью к формовочной массе небольшого количества самана. Прочность этого кирпича в среднем 150 кг/см^2 . В кирпичах остальных памятников отсутствует примесь и прочность их колеблется от 130 до 230 кг/см^2 (табл. 1).

В изучаемых сооружениях было использовано в основном, два вида вяжущего материала: двухкомпонентный—известково-зольный и трехкомпонентный — известково-зольно-гипсовый растворы. Двухкомпонентный раствор применен в сооружении Пули Лалака, а трехкомпонентный — в остальных памятниках. В Пули Кармана же применен другой вид двухкомпонентного раствора, состоящего из гипса и растительной золы. А в постаменте Чорминора использован особый вид цемента, состоящий из извести, растительной золы и мелкого кварцевого песка. Добавление в состав строительного раствора кварцевого песка вместо гипса и использование такого вида цемента в постаменте сооружения является не случайным. Так как эта часть сооружения постоянно находилась в условиях влажности, гипсовые добавки повлияли бы здесь отрицательно, снижая прочность цемента (табл. 2).

Приведенные данные по конструкции и строительным материалам показывают, что изучаемые сооружения были мостами инженерного типа, построенными на основе многовекового опыта и больших теоретических знаний. Мосты не только связывали Бухару с ее районами, но через них проходили и основные торговые пути в сопредельные страны: Хиву, Афганистан, Иран, Индию, Россию и т. д.

Как датируются эти гидротехнические сооружения? Мы имеем возможность установить точную дату постройки только одного из изучаемых памятников—Пули Кармана, основываясь на средневековую летопись «Тирихи Раками». Пули Кармана был воздвигнут в 1582 г. по поручению бухарского правителя Абдулла-хана (1557—1598 гг.).

Это облегчает определение относительной даты и других сооружений. Как уже выше отмечалось, по составу строительного раствора, по размерам кирпича и другим признакам изучаемые памятники, за исключением моста Пули Лалака, почти одинаковы. На основе этого мы склонны датировать Пули Чорминор, Пули Джандор и Сарипули Мехтар Касым второй половиной XVI в.

Что касается Пули Лалака, то судя по строительным материалам, он относится к более раннему периоду. По некоторым признакам, в частности по строительному кирпичу и конструкции кладки, мы можем отнести его к караха-

Физико-механические свойства кирпича из средневековых мостов Бухары

Памятник	Размер кирпича, см	Примесь	Температура обжига	Объемный вес, г/см ³	Водопогл. по весу, %	Прочность при сжатии, кг/см ²		Снижение прочности от насы- щения, %
						в сухом состоянии	в насыщен- ном сос- тоянии	
Пули Лалака	42×26×5,5—6; 43×27—28×7	Небольшое кол-во са- мана	900—950°	1,51	24,81	153	77	50
Чорминор	26×26×5; 27× 27×5;	Без примеси	900—950°	1,52	29,2	205	151	26,30
		"	850—900°	1,47	24,05	184	107	46,20
		"	850—900°	1,51	20,13	173	167	3,50
Пули Джандор	27×27×5—5,5	"	950°	1,32	29,80	116	94	18,9
		"	900°	1,33	35,40	175	119	32,0
		"	900°	1,29	30,00	107	71	33,6
		"	900°	1,39	32,3	115	72	37,4
Сарипули Мехтар Касым	26×26×5; 27× ×27×5	"	900—950°	1,39	29,5	189	145	23,2
		"	900—950°	1,4	27,6	254	143	43,7
		"	850°	1,41	27,5	247	161	34,8
Пули Кармана	26×26×5; 27×27×6	"	950°	1,37	27,2	145	109	24,8
		"	800—850°	1,44	24,5	231	138	40,3

**Вероятный состав и физико-технические показатели строительных растворов
из средневековых мостов Бухары**

Памятник и место применения раствора	Исходный материал	Суммарный состав, %	Объемный вес, г/см ³	Водопогло- щение по весу, %	Прочность при сжатии		Коэффициент размягчения	Снижение прочности от насыщения, %
					в сухом состоя- нии	в насыщен- ном водой состоянии		
Пули Лалака из кладки быка	известь+рас- тительная зола	50+50	1,0	50,75	23	13	0,57	43,5
Чорминор правая апарель	известь+рас- тительная зо- ла+гипс	60+28+10	1,03	51,26	58	15	0,26	74,0
нижняя часть правой арки левый устой	"	50+39+11	0,94	46,6	46	41	0,89	11,0
		50+45+5	1,00	55,26	40	27	0,67	32,5
Пули Джандор из кладки быка 4 из кладки быка 5	"	50,5+43+6,5	1,2	33,65	132	90	0,68	31,0
		53+40+7	0,91	51,36	89	37	0,4	58,0
Сарипули Мехтар Касым из кладки быка из кладки верх- него строения	гипс	53+36+6	0,87	6,0	74	25	—	66,2
		100	1,40	9,0	131	14	—	89,3
Пули Кармана из кладки верх- него строения	гипс+зола	63+35	1,32	11,0	95	27	—	71,50

тидскому периоду. Наше мнение в некоторой степени подтверждает и археологический материал¹⁸ средневекового городища Нуфартепе. Оно расположено на левом берегу Каракульдарьи, в 600 м к юго-востоку от изучаемого памятника. Несомненно, что Пули Лалака в какой-то мере связан с городищем. Возникает предположение, не является ли Пули Лалака остатком моста, построенного по приказу караханидского правителя Арслан-хана Мухаммеда ибн Сулаймана (1102—1130) между бухарскими селениями Исканджкат и Шарг (Джарг)¹⁹. Однако местоположение их до сих пор не выяснено. Если принять наше предположение, то мы сможем более точно локализовать эти селения. Тогда Исканджкат и Шарг и караханидский мост, перекинутый между ними, находились не в 30—32 км к северо-востоку от Бухары, как предполагал О. Г. Большаков²⁰, а в 16—18 км к северо-западу от нее.

В связи с локализацией Пули Лалака с караханидским мостом, расположенным между Исканджкатом и Шаргом, выясняется еще один немаловажный вопрос по исторической топографии Бухарского оазиса — вопрос об отождествлении реки Руди-Самджана, упоминаемый во многих письменных источниках. По этому вопросу между учеными уже давно ведется научная дискуссия. В. А. Шишкин отождествлял Руди-Самджан с каналом Ромитан²¹. Основываясь на том, что Руди-Самджан протекала мимо сел Шарг, затем мимо Пайкенда и оканчивалось озером Самджан, которое называлось также Каракуль, О. Г. Большаков отождествляет его с Каракульдарьей. Отождествление В. А. Шишкина О. Г. Большаков считает неосновательным²². В. А. Шишкин же, ссылаясь на сообщение средневекового арабского географа Истахри о Самджан ал-Мадунун (Переднем Самджане) и Самджан ал-Мавараун (Заднем Самджане)²³, в своем монографическом труде «Варахша» высказывает мысль о возможности существования двух каналов, носивших в X в. название Самджан²⁴. По данным Наршахи, Руди-Самджан назывался также Харамка-

¹⁸ Археологический материал городища Нуфартепе, в основном керамический, относится к VII—VIII и X—XI вв.

¹⁹ Абу Бахр Мухаммад ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи, Тошкент, 1966, 22 бет.

²⁰ О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зарафшана в IX—X вв., КСИИМК, М., 61, стр. 23.

²¹ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940, стр. 40; Он же. Варахша, М., 1963, стр. 23.

²² О. Г. Большаков. Указ. статья стр. 23.

²³ Истахри, В. AG, I, p. 310.

²⁴ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 23.

мом²⁵. В письменных документах XVI в. Харамкам комментируется под названием Кухак²⁶. По историческим источникам XVI—XVII вв. известно, что Кухак — средневековое название р. Зарафшан. На основе этих конкретных фактических данных, приведенных из достоверных исторических источников, не остается никаких сомнений в том, что древний Руди-Самджан — это р. Зарафшан, или же Каракульдарья, как обычно она называется ниже Дуабинского водного узла.

Следует подчеркнуть, что большой фактический материал, приводимый В. А. Шишкиным для отождествления Самджана с каналом Ромитан, нам кажется, полностью относится к локализации Самджанского рустака (района). В таком случае мы присоединяемся к мнению В. А. Шишкина об отождествлении одного из Самджанских рустак с Ромитанским районом²⁷. Такого же мнения придерживается и А. А. Семенов²⁸, потому что территория Ромитана простирается по правому берегу Каракульдарьи, называвшейся в древности Руди-Самджаном. Если допускается мнение о тождестве Ромитана с Передним Самджаном, мы склонны считать Джандор (Свердловского района Бухарской области) Задним Самджаном.

Таким образом, изучение остатков моста XII в. в какой-то мере помогло внести некоторую ясность в один из спорных вопросов исторической топографии Бухарского оазиса X—XII вв.

В заключение скажем еще об одной функции изучаемых сооружений. В летний период, когда вода р. Зарафшан строго распределялась между Самаркандской и Бухарской частями Зарафшанской долины, для Бухарского оазиса через Пули Кармана пропускаться 21 равак²⁹ (арка) воды, 11 раваков — через мост Сарипули Мехтар Касым³⁰, 7 раваков — через мост Чорминор, и, наконец, 5 раваков — через Пули Джандор³¹.

Таким образом, средневековые мосты выполняли водораспределительную и водоизмерительную функции.

²⁵ Наршахи. Бухоро тарихи, 22 бет.

²⁶ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954, стр. 261, 313—317, 451 и 454.

²⁷ В. А. Шишкин, Варахша, стр. 23.

²⁸ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, СВ, т. V, М.—Л., 1948, стр. 146—147.

²⁹ Каждый равак воды орошал приблизительно 100 тыс. тапанов, т. е. около 25 тыс. га земли, ркп. Бухарского музея, инв. № 9831/12, л. 2а.

³⁰ «Бухарский трактат», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2374, л. 18а—16б. См. также ркп. Бухарского музея, инв. № 9831/12, л. 2а.

³¹ «Бухарский трактат», л. 18б.

М. АМИНДЖАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЗААМИНСКОМ РАЙОНЕ

(Материалы к археологической карте Узбекистана)

В 1964 г. группе Самаркандского отряда в составе автора настоящей статьи, топографа-лаборанта, рабочего и шофера предстояло произвести археологическую разведку Зааминского района. Этот район составляет северо-западную часть одной из интереснейших областей Средней Азии — Усрушаны¹.

По свидетельству письменных источников, Усрушана была расположена на обширной территории к северу от Туркестанского хребта (от Джизака до Ходжента) и к югу от него (горные районы до Гиссарского хребта). Древняя Усрушана занимала территорию современного Таджикистана, Узбекистана, частично Киргизии.

Таджикские археологи, начиная с 1950 г., производили археологические изыскания в древней Усрушане², которые планомерно велись в последующие годы Н. Негматовым³.

Разведка древней Усрушаны, лежащей на территории Узбекистана, хотя некоторые исследователи и археологи упоминают ее в той или иной связи⁴, предпринята впервые. Это три района: Хавастский, Зааминский и Джизакский.

¹ В последние годы В. А. Лившиц при чтении согдийских документов с горы Муг выявил звучание названия этой области как Усрушана (В. А. Лившиц. Согдийский посол в Чаче, СА, 1960, № 2, стр. 104—105).

² О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., ТТАЭ, т. II, МИА СССР, 37, М.—Л., 1953, стр. 189—230.

³ Н. Негматов. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э., ТТАЭ, т. II, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 231—252.

⁴ М. Е. Массон. К истории добычи ртути в Средней Азии, «Народное хозяйство Средней Азии», 1930, № 5; Он же. По поводу работы П. П. Иванова «К истории развития горного промысла в Средней Азии», М.—Л., 1932; Он же. Проблема изучения Цистеры-сардоба, Материалы:

Наша разведка была начата с Зааминского района. Прежде всего мы приступили к составлению археологической карты. Были зафиксированы, описаны и нанесены на карту памятники, сняты планы некоторых из них, собрана керамика, сделаны несколько разрезов с использованием существующих обнажений.

По письменным источникам, в частности по данным Якута, со слов Саада Самани, Заамин с одноименным центром, вторым по величине городом Усрушаны, являлся двенадцатым рустак (районом) Усрушаны⁵.

Действительно, на большом расстоянии от районного центра Заамина встречается огромное городище, окруженное современным селением. Городище — лишь остаток некогда крупного средневекового города. Большая часть его снесена в 1937 г. при прокладке дороги на Заамин. Отчетливо сохранилась лишь самая высокая часть городища, видимо, цитадель. Примерная ее высота около 14 м от современной дневной поверхности. Местное население называет городище «Урдой». Название это связано с понятием чего-то большого, огромного.

Остатки городища представляют собой высокий холм, в северо-западном углу которого возвышается цитадель. У цитадели хорошо прослеживается западная стена, в которой, видимо, была размещена башня. С восточной и южной стороны цитадели — мягкие склоны. Это, очевидно, объясняется тем, что здесь были пандусы, через которые осуществлялся вход в цитадель.

На поверхности городища и в разрезе очень много керамики, как неглазурованной, так и глазурованной.

Среди неглазурованной керамики встречаются крупные толстостенные сосуды (хумы), тонкостенные, покрытые красным ангобом, и сероглиняные, более мелкие по емкости сосуды.

Глазурованная керамика представлена фрагментами, с широкой палитрой красок — синей, грязно-зеленой, лазурной, коричневой. Орнамент в основном повторяется: это полосы,

Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935; В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. (Предварительное сообщение). КСИИМК, XXIV, 1949; П. П. И в а н о в. К истории развития горного промысла в Средней Азии, Краткий исторический очерк, М.—Л., 1932; Е. Т. С м и р н о в. Древности в окрестностях г. Ташкента, сб. «Средняя Азия», Ташкент, 1898.

⁵ Н. Н. Н е г м а т о в. Историко-географический очерк Усрушаны..., стр. 243.

окаймляющие сосуд по венчику; растительный и геометрический. В основной массе керамика относится к VIII—XII вв., много фрагментов этнографической керамики. Это понятно, так как до сих пор сохранилась расположенная впритык к городищу кустарная керамическая мастерская.

Вначале казалось, что это огромное городище и есть центр рустака Заамин-Заамин. Но по данным Ибн Хаукаля, Истахри ал-Якуби и других авторов, сведения которых приводил Н. Негматов⁶, город Заамин, который был по величине вторым после Бунджиката, стоял на дороге из Согда в Фергану. По Ибн Хаукалю, рядом с Заамином был старый домусульманский город Мадина, покинутый жителями в конце IX—X вв., а новый город расположен по обе стороны Зааминсу около выхода ее из гор⁷. Следовательно, центр рустака Заамин-Заамин или, как его еще называли, Сусанда располагался где-то в верховьях Зааминсу. Тыльная сторона Заamina была обращена к горам Усрушаны, а передняя — к степи гузов.

Данные письменных источников не совпадают с нашими исследованиями. Городище Урда не расположено по Зааминсу. Наличие керамики XI—XII вв. и более позднего времени не позволяет считать Урду Мадиной, покинутой еще в IX—X вв.

Отождествление центра рустака Заamina с Урдой пока что не находит подтверждения. Может быть, центр древнего Заamina располагался в одном из четырех больших городищ по Зааминсу. Все они лежат по реке у выхода ее с гор, обращены одной стороной к горам, другой к степи. Одно из этих городищ раскинулось ниже трех других по обе стороны Зааминсу, по ее течению. Условно мы их называем Зааминсу 1, 2, 3, 4. Население называет их просто тепа—холм.

Т е п а З а а м и н с у 4 расположено так, что к берегу Зааминсая примыкает самая высокая часть — цитадель. Вода обнажила культурные слои, которые очень хорошо прослеживаются и за пределами сохранившейся части городища. Это позволяет говорить о том, что городище Зааминсу 4 было очень большим, хотя оно и уменьшилось в результате смыва. Интересен разрез со стороны Зааминсу (225 м). В нем ясно прослеживаются кладки из сырца размером 44×22(23)×7(8) см. Тут встречен также жженный кир-

⁶ Н. Негматов. Усрушана в древности и в раннем средневековье, «Сталинабад, 1957, стр. 40.

⁷ Там же, стр. 40.

пич размером $18,19 \times 4,5 \times 32$ и $24 \times 6 \times 18$ см. От нынешнего дна почти до верха цитадели идут пахсовые блоки размером $75 \times 75 \times 10-11$ см. Ясно прослеживаются швы пахсовых блоков, небольшие бадрабные ямы, зольные прослойки и забутовки. Собранные из разреза керамика глазурованная и безглазурная представляет собой фрагменты крупных хумов, более мелких хумчи и других сосудов. Глазурованную керамику можно отнести к IX—XI вв.

К северо-востоку от Зааминсу 4 в треугольнике земель, окаймленных руслом Зааминсу и дорогой от моста Зааминсу к поселку, расположено три невысоких холма довольно правильных очертаний. Они находятся в 100—150 м друг от друга. На поверхности не было обнаружено никаких вещественных остатков. Судя по конфигурации холмов, можно предположить, что это раннефеодальные усадьбы. Небольшое количество средневековой керамики XI—XII вв. дает основание думать, что усадьбы эти использовались как наблюдательные пункты. Может быть здесь стояли гарнизоны.

Три других тепа, меньших по размеру, из-за большого смыва водой лежат вверх по течению. Тепа Зааминсу I расположен на территории Джизакского лесного хозяйства. Сохранившаяся самая высокая часть городища в плане округлая. В разрезе видна кладка кирпича-сырца размером $23, 24 \times 8, 9, 10 \times 43, 44$ см. Керамика здесь вся безглазурная, средневековая.

Неподалеку найдены остатки другого городища. Судя по конфигурации, большую часть городища поглотили воды Зааминсу. Сильно изрезано оно и с суши. Вода образовала большой разрез, и видно, что культурные слои (5,5 м) лежат на песчано-каменистой основе. Верх тепа плоский. На берегу сая было обнаружено небольшое количество безглазурной керамики и фрагменты жженого кирпича ($5,4 \times 18 \times 32$).

Аналогичны городища Зааминсу 2 и Зааминсу 3. Те же срезы водой, та же плоская вершина. Все тепа напоминают барабан. Керамика, как глазурованная, так и неглазурованная, относится в основном к X—XII вв. Но встречается и более поздняя этнографическая керамика. Видимо, там жизнь протекала и в XVI—XVII вв.

Восточная часть Зааминского района соприкасается с горной цепью. Но это несколько не сказалось на топографии древних и средневековых поселений.

Здесь нами также зарегистрировано много археологических памятников — средневековых поселений и курганов. Это, видимо, объясняется тем, что край очень богат водными ре-

сурсами. Здесь можно заниматься хозяйством на склонах невысоких отрогов горной цепи.

По дороге из Заамина в сел. Туркмен на территории 4 отделения совхоза находится большое, вытянутое с юго-востока на северо-запад тепа высотой 6,5 м. Население называет его мазаром. Действительно, это место очень давно используется под кладбище. Найденная на поверхности керамика мало выразительна, в основном это фрагменты безглазурных хумов и хумчи.

К юго-востоку от Мазартепа находится еще одно городище. Оно расположено на землях сел. Тексари и носит название Бурджаматепа. Может быть, название взято от слова бурджа — крепость. Но тепа плоское, с совершенно ровной поверхностью. Верхняя площадка его по линии север — юг равна 35 м и по линии восток — запад 24 м. Оплывы мягкие, лишь с северо-восточной стороны отмечены резкие линии окончания холма. Видимо, во время земляных работ образовался разрез. Интерес представляют остатки сводчатого помещения, высотой 3 м. Стены этого помещения сложены из сырца размером $22 \times 8 - 9 \times 44 - 45$ см. Раствор в швах очень крепкий и достигает 7—8 мм толщины.

На территории живописного поселения Туркмен⁸ сохранились остатки некогда огромного городища. Местное население именует его Исмалоктепа, по названию травы, растущей там. До сих пор исмалок используется в виде примеси его золы к сырью для приготовления грубой глиняной посуды.

Примечательно, что тепа, имеющий округлые очертания, возвышается ярусами. Под каждым культурным ярусом залегает плотный дерновый слой. Другая особенность — обилие производственных шлаков, торчащих из обреза и лежащих на поверхности. Это говорит о том, что здесь жили ремесленники.

Среди гор Шоудар у мелкой горной речки Пшагарсай расположено живописное селение Пшагар. Здесь нами зафиксированы два крупных тепа — Боботепа (с могилой Бобо) и Октоштепа. Первый находится по течению Пшагарсая, второй — вытянут с юго-востока на северо-запад. Современные постройки подступают к тому и другому тепа. Октоштепа

⁸ Заинтересовавшись, почему селение называется Туркмен, автор этой статьи спросила об этом старожил. Ей рассказали легенду, согласно которой здесь жили кочевники-туркмены. По договоренности с узбеками, жившими по соседству, туркмены уходят отсюда, и лишь один из них хромой туркмен не может покинуть эти места и остается жить с узбеками. В его честь селение названо Туркмен.

занят под мазар. Подъемный материал невелик: лишь небольшие фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики; по облику, видимо, ее можно датировать не позднее, чем VIII в. Н. Негматов соотносит это место с рустакон Шагар-Бушагар, считая термин «Бушагар» в арабоязычной литературе тождественным местному «Пшагар»⁹.

Очень интересен в археологическом отношении район, который расположен вверх по Пшагарсаю, ближе к горам. На огромном городище (примерная высота варьирует в пределах 15 м) почти в центре хорошо сохранилась цитадель с двумя обводами городских стен. Здесь находится конная база геологической экспедиции. Чуть ли не каждый день находят там многочисленные фрагменты как глазурованной, так и неглазурованной керамики. По рассказу начальника базы, несколько целых хумов с изображениями змей отвезены в Джизак. Этот район интересен и более ранними памятниками. К ним, видимо, следует отнести те небольшие, но высокие холмы, конфигурация которых напоминает нам раннефеодальные замки — укрепленные усадьбы.

Целую цепочку таких замков можно отметить по берегам небольших горных саев — протоков Зааминсу, берущих начало с туркестанских предгорий. Так, по саю Джантут отмечены три тепа — замка, вытянутых с юга на север. Они отстоят друг от друга примерно на 300—350 м. Таких замков в этом районе можно насчитать десятки. Прав А. Ю. Якубовский, говоря о том, что горные районы Усрушаны в древности и раннем средневековье можно назвать «в полном смысле этого слова страной замков»¹⁰.

Исследуя усрушанские памятники, Н. Негматов писал, что усрушанское население, видимо, жило в Согде и Хорезме — в укрепленных поселениях-замках¹¹.

Воссоздание полной картины жизни Усрушаны возможно лишь при изучении той части Усрушаны, которая лежит на территории Узбекистана.

⁹ Н. Негматов. Усрушана..., стр. 40, 41, сн. 1.

¹⁰ История Узбекской ССР, т. I, кн. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1967, стр. 146.

¹¹ Н. Негматов. Усрушана.... стр. 116.

М. ПАЧОС

ДВЕ НАХОДКИ ИЗ АФРАСИАБА

При археологических работах на западной стороне внешней крепостной стены городища Афрасиаб (домонгольский Самарканд), там, где расположены западные ворота города, во внутренних оплывах стены, среди многочисленных находок поливной и неполивной керамики IX—X вв. были обнаружены очажок и цветочный горшок, которые заслуживают особого внимания.

Небольшой очажок диаметром 21,5 см, высотой 10,5 см, шириной устья 8,5 см, толщиной стенок 1—1,5 см имеет форму несомкнутого цилиндра (рис. 1а). Края его оформлены круглыми трехчетвертными колонками. Базы и капители их воспроизведены внизу одним, а вверху тремя рядами налепных валиков с фестонами. Такие же, только вертикальные валики как бы определяют границу между колонками и стенками очажка, украшенными внутри насечным елочным орнаментом и вертикальными рядами их кольцеобразных оттисков. Внутри на стенке, напротив открытой части очажка, также имеется вертикальный валик с фестонами. Снаружи верхний край очажка оформлен бордюром из трех рядов валиков с фестоночками. На верхний край нанесены кольцеобразные оттиски. Снаружи также насечены елочный орнамент и кольцеобразные оттиски. На расстоянии 5 см от колонок и 4,5 см от нижнего края очажка на внешней стенке имеются две горизонтальные ручки длиной 4 см, шириной 2 см, с вмятиной в середине.

Терракотовые очажки были предметами исследования

В. Л. Вяткина¹, Г. Григорьева², Г. А. Пугаченковой³, Л. И. Ремпель⁴, А. Е. Маджи⁵ и других.

Но аналогий по орнаменту и по форме фасадных сторон нашему очажку мы не находим. Этот новый вариант колонки у лицевой стороны очажка по приему оформления и по начертанию напоминает угловые фасадные колонны знаменитого мавзолея Саманидов.

Вторая находка — толстостенный сосуд в форме усеченного конуса типа тогара с отверстием в центре дна (рис. 1б). По-видимому, он служил в качестве цветочного горшка. Венчик после формовки сверху срезан на $\frac{3}{4}$, поддон шероховатый. Тесто сосуда пепельно-серое плотное с незначительной примесью шамота, обжиг не совсем ровный. Снаружи сосуд

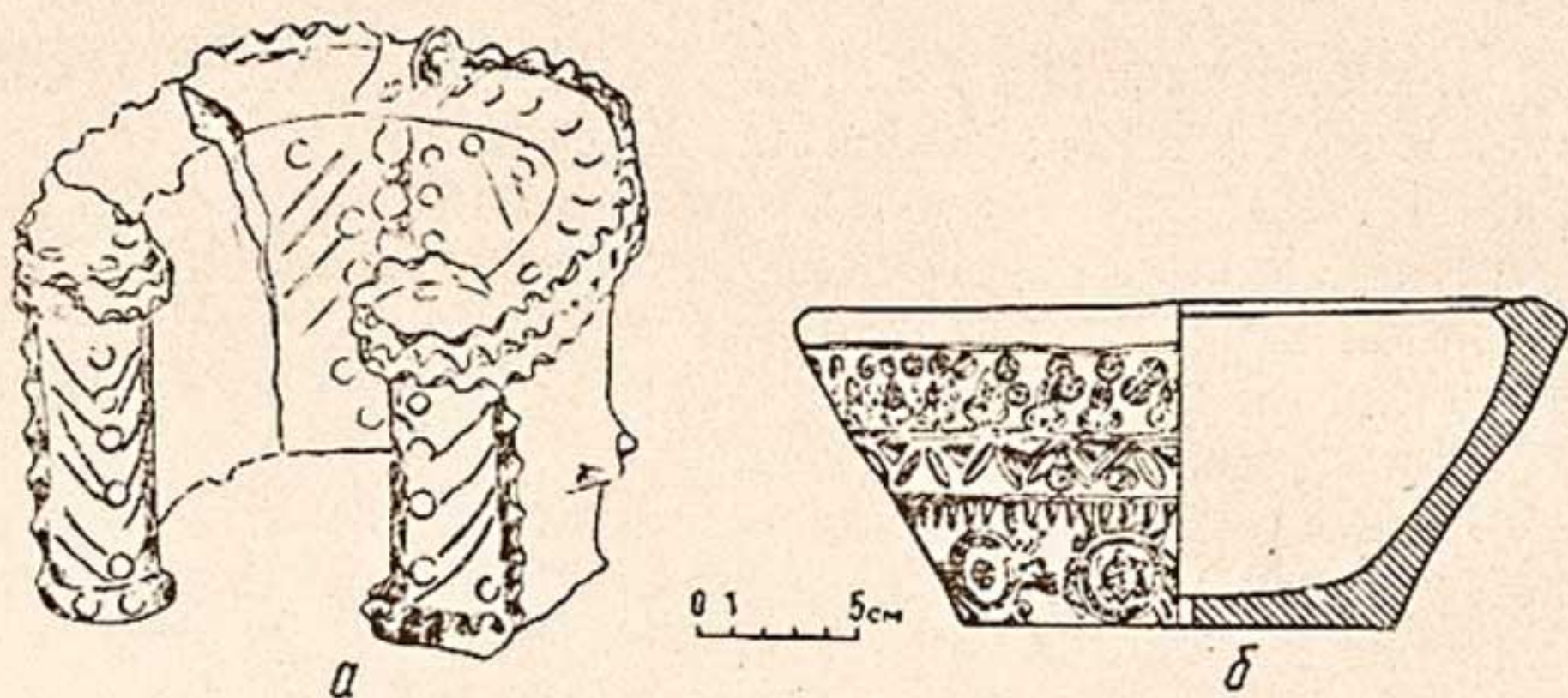

Рис. 1. Неглазурованная керамика:

а — очажок; б — цветочный горшок.

богато украшен резным и штампованным орнаментом, состоящим из трех поясов. Первый — целиком штампованный, в верхней части круглые розетки, ниже — листики, местами разделенные между собой вертикальной цепочкой из треугольных оттисков или розеток. Второй пояс — вырезанные треугольни-

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 53—54.

² Г. Григорьев. Тус тупи, «Искусство», 1937, № 1, стр. 136.

³ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, ТИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 12.

⁴ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 126—128.

⁵ А. Е. Маджи. К вопросу об очажках с территории Таджикистана, Известия АН Таджикской ССР, отделение общественных наук, № 1 (22), Сталинабад, 1960, стр. 84—86.

ки, окаймленные оттисками формы лавровых листьев или маленькими кружочками, местами разделены розетками или оттисками в форме листа с жилками. Третий пояс — горизонтальная линия из высоких треугольников, направленных вершинами вниз. Под ним стилизованные изображения солнца с отходящими от них листьями или треугольниками, иногда разделенные вертикальной цепочкой из треугольников, листьями или же розетками, а также большие розетки, обрамленные маленькими. Размеры сосуда: диаметр донца 13,5 см, диаметр отверстия в донце 1 см, диаметр венчика 20 см, высота 8,5 см.

Вышеописанные находки еще раз доказывают, что керамисты домонгольского Самарканда IX—X вв. обладали высоким мастерством, которое было возможно только при соответствующем уровне развития городского ремесла.

И. АХРАРОВ

КУХОННАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ XI—XII вв.

В предыдущем выпуске «Истории материальной культуры Узбекистана» нами была описана кухонная керамика Ферганы IX—X вв. Данная работа является по существу продолжением публикации кухонных керамических изделий средневековой Ферганы. Одним из важнейших признаков кухонного керамического производства XI—XII вв. Ферганы является стандартизация форм. В профилировке венчиков также намечается унификация. Но есть котлы с профилировкой венчиков старого стандарта и по форме, и по орнаменту.

Кухонная посуда XI—XII вв. более емкая, чем посуда IX—X вв. Орнамент на кухонных изделиях XI—XII вв. строго геометрического и растительного характера применяется гораздо шире, чем в IX—X вв.

Рассмотрим основные типы котлов XI—XII вв.

Первый — сферической формы. Диаметр венчика — от 18 до 25 см, высота котла — от 20 до 27 см, ширина тулова — от 30 до 35 см, толщина стенок от 6 до 8 мм.

Второй — шаровидной формы. Диаметр венчика — от 20 до 24 см, диаметр донца — 6—8 см, высота котла от 25 до 30 см, ширина тулова — от 30 до 34 см, толщина стен от 4 до 6 мм, диаметр венчика—8—9 см, ширина венчика—до 2 см.

Третий — котлы приплюснуты сферически. Диаметр венчика — 20—24 см, высота котла — 20—24 см, ширина тулова — 30—42 см, толщина стен — от 4 до 6 мм.

Четвертый — полусферической формы с широким горизонтальным венчиком, на котором имеются дугообразные, вертикально поставленные ручки. Донца — кольцевые, иногда с различным выпуклым орнаментом. Диаметр венчика—от 18 до 20 см, высота котла—от 22 до 30 см, ширина тулова—от 30 до 40 см, диаметр донца—8—12 см, толщина от 4 до 6 см.

Сделаны котлы на гончарном круге. Каждый тип имеет варианты. По форме котлы можно разделить на две группы — открытого и закрытого типа. Первые в кухонных изделиях XI—XII вв. — явление новое, их не было в Фергане IX—X вв.

Рис. 1. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв.

На котлах XI—XII вв. появляются вертикально поставленные ручки.

Характерная черта котлов XI—XII вв. — выступы на внутренней стороне котла, предназначенные для установки крышки.

В литературе аналогии котлам Ферганы XI—XII вв. встречаются значительно чаще, чем котлам IX—X вв. Таковые найдены во время археологического надзора на БФК¹. Ана-

¹ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК; Труды Ин-та истории и археологии, т. IV; Ташкент, 1951, стр. 102; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 64 и др.

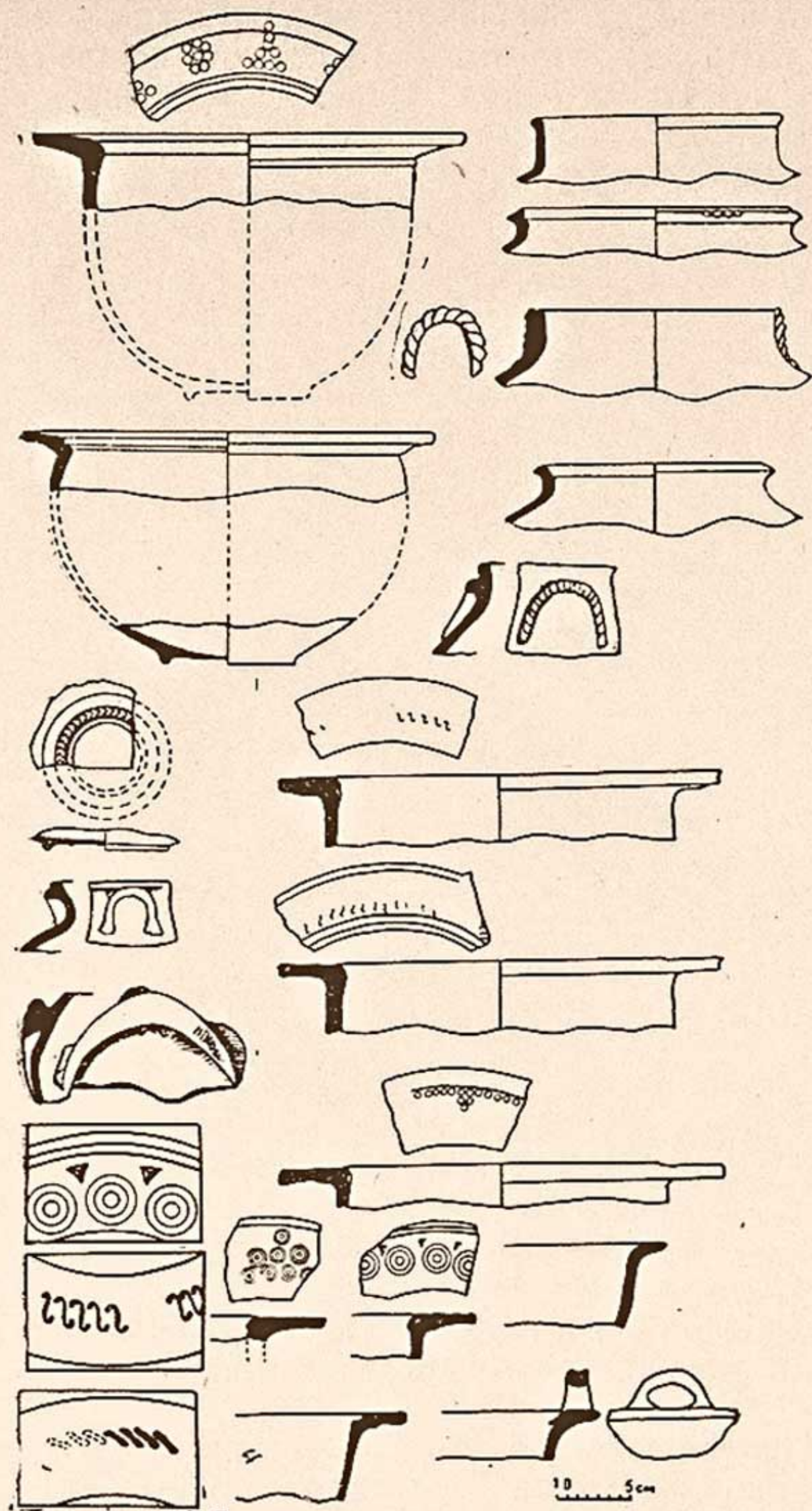

Рис. 2. Варианты орнамента кухонной керамики Ферганы XI—XII вв.

логичные котлы встречаются также в Семиречье², Хорезме³. Нужно отметить глазурованные котлы, найденные в Таласской долине Киргизии, где полива начинает постепенно переходить на грубую кухонную посуду, оставаясь на ней поверхностным украшением⁴. Автор датирует такие котлы XI—XII вв. Предположение А. Н. Бернштама, что глазурь — поверхностное украшение, вызывает у нас сомнение. В процессе варки пищи поверхность этих котлов могла закоптиться, и поэтому вряд ли полива была украшением. Скорее всего, она наносилась для упрочения стенок котлов. Котлы с двусторонней поливой обнаружены и на Афрасиабе⁵. Кроме того, полива способствовала водонепроницаемости и устойчивости котлов к внешним воздействиям. Внутренняя глазурь облегчала очистку котла.

Если в IX—X вв. преобладали котлы с округлыми туловами, то в XI—XII вв. появляются котлы цилиндрические и сферические. В начале XI—II вв. появляются котлы сферической формы, медные с примесью железа. Особо интересны сферические прототипы современных чугуновых котлов.

Орнамент кухонной керамики Ферганы XI—XII вв.

В XI—XII вв. меняется расположение орнамента. В IX—X вв. он наносился на корпус, а в XI—XII — на венчик и дно. На дне котлов появляется орнамент в виде выпуклых concentрических кружков. В центре виден выпуклый след «птичьей лапы». Такая же лапа была встречена на дне котла, относящегося в IX—X вв. Интересно отметить орнамент другого котла. Это два выпуклых круга, вписанных один в другой. Первый является кольцевым поддоном сосуда. Между кругами изображена цепочка из «сердечек». Имеются еще донца с невыраженными орнаментами из точек и треугольников. Орнаментация донцев сосудов XI—XII вв. была более разнообразна, чем IX—X вв.

Орнамент на венчиках котлов можно разделить на два вида. Первый из них напоминает латинскую букву «S». Он

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 160.

³ А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме, «Известия УзФАН СССР», 1949, № 6, стр. 62.

⁴ П. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Керамика Хорезма, М., 1959, рис. 36, фиг. 117; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 50.

⁵ В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба, ОНУ, 1951, № 4, стр. 57.

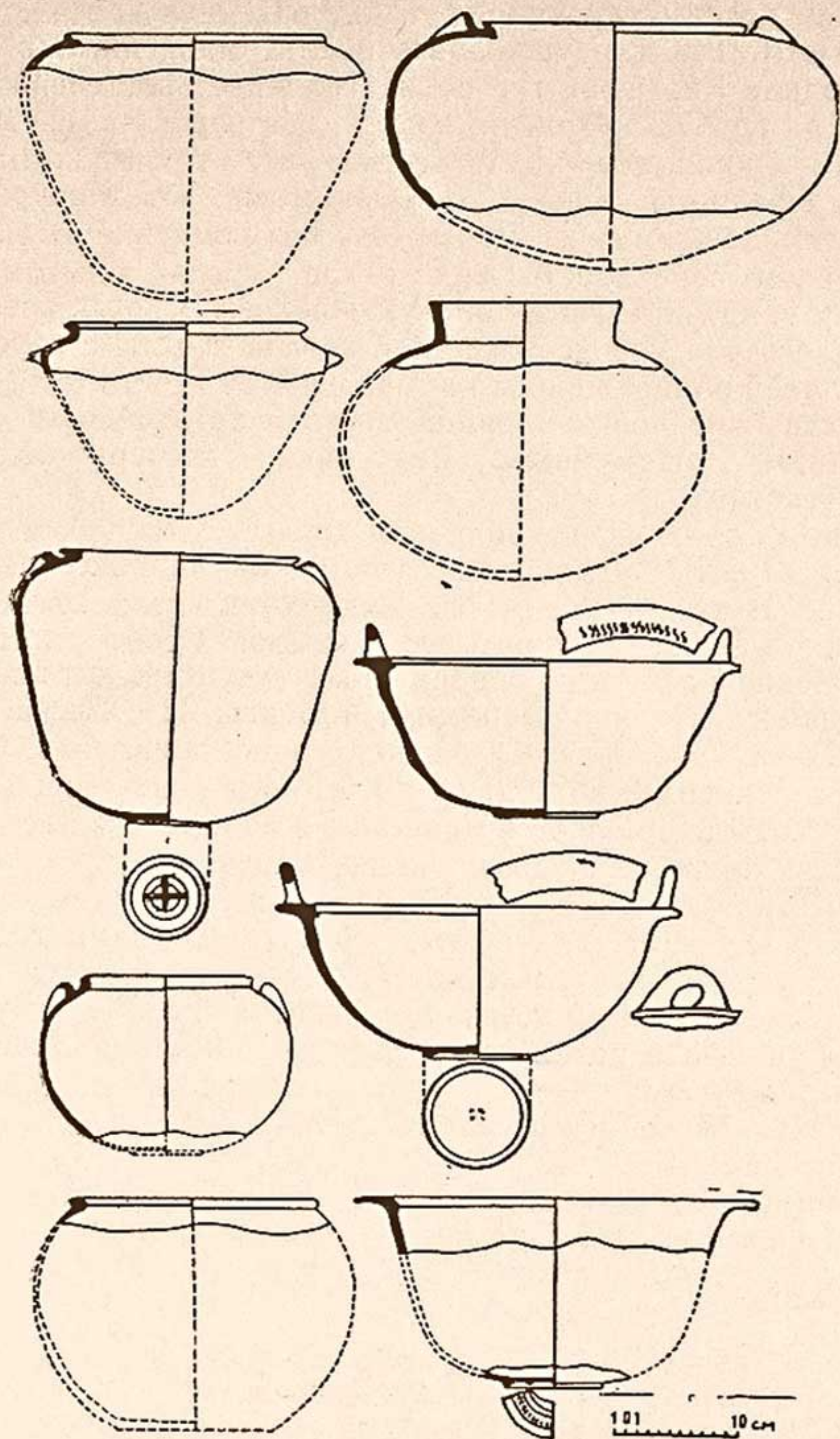

Рис. 3. Образцы форм кухонной керамики Ферганы XI—XII вв.

нанесен острым инструментом до обжига сосуда. Фигуры располагаются одна за другой с небольшим наклоном вправо или влево. Возможно, это стилизованное изображение птиц.

Изучение кухонных изделий показало, что в XI—XII вв. широко употреблялись керамические котлы. Причиной их широкого распространения, по всей вероятности, является дешевизна добычи сырья и легкость изготовления. Использовались и металлические изделия, но в повседневной жизни рядовые жители городов употребляли в основном керамические кухонные изделия.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

ИЗ ИСТОРИИ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА В УЗБЕКИСТАНЕ

(Результаты химико-технологического исследования бытовой
черноангобированной керамики)

Черноангобированная керамика появилась на территории Узбекистана в первых веках до н. э. Она включает в себя кубки большого и малого размера цилиндрическо-конической формы, чаши с бортиком, отогнутым или заложеным внутрь складкой, кувшины различной емкости, тарелки простые и с нарезным орнаментом. Черный ангоб бывает матовым и лощеным. Лощение полосчатое и сплошное, обычно отличается хорошим качеством работы.

Во II—III вв. н. э. черная керамика уже не встречается и возрождается вновь лишь в XIII—XIV вв. в Хорезме, где черный ангоб зачастую наносился на поверхность сосуда, украшенную глубоким рельефным орнаментом, резным или оттиснутым.

Целью настоящей работы было восстановление технологического процесса изготовления черной керамики и выявление характерных особенностей его в различных местностях Узбекистана. Для сравнений были взяты пробы из Парфии¹. Исследовались также фрагменты керамики, найденные на Афрасиабе², Халчияне (Ханака-тепе)³, при раскопках замка Зангтепа в Сурхандарьинской области⁴, Китабе⁵ и Старом Термезе, относящиеся к III—I вв. до н. э. Дополнительно были исследованы фрагменты сосудов XIII—XIV вв. из Хивы

¹ Пробы № 206^a и 206^b из старой Нисы переданы Н. И. Крашенинниковой.

² Пробы № 22^a и 22^b получены от А. И. Тереножкина, № 239^c передана С. К. Кабановым.

³ Пробы № 90^c и 124^c переданы Г. А. Пугаченковой.

⁴ Пробы 99^a и 99^b даны Л. И. Альбаумом.

⁵ Проба № 240^c получена от Н. И. Крашенинниковой.

и Куня-Ургенча⁶. К этому же времени, по всей вероятности, относится и проба № 92₆ Миздахкана⁷.

Вопросы возможно использованного для изготовления керамики сырья, его первичной обработки, формовки и сушки сосудов довольно подробно рассмотрены при изложении результатов исследования красноангобированной и сероглиняной керамики Средней Азии⁸, поэтому, не останавливаясь на них, непосредственно переходим к характеристике черепка и ангобного покрытия исследуемой керамики.

Химическое и микроскопическое исследование черепка (табл. 1) установило использование в подавляющем большинстве красножгущихся глин, смешанных с лессом, дающих при оптимальных температурах (900—950°) обжига довольно светлый черепок. В двух пробах афрасиабской керамики (табл. 3) №22₆ и 239₆ обнаружена чупанатинская керамзитовая глина (гилмоя) в смеси с местным лессом. Более ранняя керамика №22_а изготовлена из лесса, содержащего, по-видимому, естественную примесь пестрого, чрезвычайно тонкого песочка. Для предохранения сосудов от растрескивания во время сушки в состав формовочной массы вводили пух камыша или тоненькие его кисточки, а в пробах I—II вв. до н. э., кроме того, найдено немного дробленого известняка.

Тесто халчаянских сосудов (табл. 3) состоит из смеси лесса, железистой глины и тонкорастертого кварцита и также содержит немного камышового пуха. Одна из проб Зартепа (99₅^а) по своему составу идентична халчаянским образцам, вторая (99₆^б) — содержит зерна известняка без пуха, как и образец из Китаба (№240₆). Проба из Термеза изготовлена из смешанной глины с добавкой тонкозернистого песка.

Приблизительно одновременные пробы из Старой Нисы содержат местную пластичную глину с добавками только кварцевого порошка, пуха и кисточек камыша. Образцы поздней керамики из Миздахкана и Хорезма очень близки по своему составу: здесь участвуют два типа глины, немного кварцита и камышового пуха. Хивинская керамика изготовлялась из смеси двух глин без каких-либо примесей.

Для ангобов большинства проб были использованы сильно железистые глины, нанесенные обычным способом на не-

⁶ Пробы № 119₆ и 207₆ найдены В. А. Булатовой.

⁷ В. Филимонов ориентировочно датировал пробу VII в. н. э.

⁸ Статьи Н. С. Гражданкиной, ИМКУ, вып. 3, 1962; вып. 5, 1964.

обожженный высушенный сосуд. Совместный обжиг обеспечивал высокое сцепление между ангобом и стенкой сосуда. Исключением является ангоб пробы 99^a₆ из замка Зангтепа,

Таблица 1

Химический состав черепка черноангобированной керамики

Номер пробы	Компоненты химического состава на высушенное вещество, %								потеря при прокаливании
	SiO ₂	FeO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	CaO	MgO	SO ₂	щелочи	
22 ^a ₆	56,65	4,20		12,24	7,84	2,90	0,56	6,21	9,40
22 ^b ₆	59,66	6,53		18,59	7,64	3,33	0,14	1,65	2,66
90 ₆	58,66	6,81		18,83	8,20	3,62	0,79	1,57	1,52
124 ₆	60,74	5,18		15,24	8,95	3,12	0,24	2,09	4,44
99 ^a ₆	58,15	6,59		17,30	9,35	3,59	0,27	2,61	1,64
209 ₆	60,60	3,86	3,00	21,76	4,31	1,90	0,03	2,44	1,68
206 ^a ₆	65,68	4,13	1,30	17,10	1,55	3,40	0,23	5,01	1,60
92 ₆	59,25	5,89		17,38	8,85	2,95	0,62	2,34	2,72
207 ₆	59,10	4,90	0,66	21,00	7,05	2,75	0,00	3,21	1,54
119 ₆	61,24	5,67		18,77	6,82	2,87	0,38	2,15	2,10

Номер пробы	Компоненты химического состава на прокаленное вещество, %								потеря при прокаливании
	SiO ₂	FeO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	CaO	MgO	SO ₂	щелочи	
22 ^a ₆	62,53	4,64		13,51	8,65	3,20	0,62	6,85	0,00
22 ^b ₆	61,17	6,69		19,06	7,83	3,41	0,14	1,79	0,00
90 ₆	59,57	6,91		19,12	8,33	3,68	0,80	1,59	0,00
124 ₆	63,56	5,42		15,95	9,37	3,26	0,25	2,19	0,00
99 ^a ₆	59,12	6,70		17,58	10,01	3,64	0,27	2,73	0,00
209 ₆	61,85	3,96	3,06	22,22	4,40	1,95	0,03	2,51	0,00
206 ^a ₆	66,75	4,20	1,32	17,38	1,58	3,45	0,23	5,09	0,00
92 ₆	60,91	6,05		17,87	9,10	3,03	0,64	2,40	0,00
207 ₆	59,90	4,97	0,67	21,27	7,15	2,78	0,00	3,25	0,00
119 ₆	62,55	5,89		19,17	6,97	2,93	0,39	2,20	0,00

где для него была взята беложгущаяся глина (табл. 3), содержащая лишь около 1% железа, а остальное — кальций и магний (табл. 2). Для получения особо блестящей поверх-

Результаты спектрального анализа черных ангобов

Номер пробы	Элементы состава ангоба, содержащиеся в количествах:				
	больше 1 %	1 %	десятые доли %	сотые доли %	тысячные доли %
22 ^a ₆	Si, Al, Mg, Ca	Na, K	Ti	Zr, Zn, Sr, Ba	Ni, V, Mo, Cu, Ag, Ga, Ba
90 ₆	Si, Al, Mg, Ca	K	Ti, Na, Sr	V	Ni, Mo, Zr, Cu, Pb, Ag, Ga, Be
124 ₆	Si, Al, Mg, Ca	K	Ti, Na	—	Ni, V, Mo, Zr, Cu, Pb, Ag, Ga, Be
99 ^a ₆	Si, Al, Mg, Ca	K	Ti, Na	Zr, Sr	Ni, V, Mo, Cu, Pb, Ag, Be
209 ₆	Si, Al, Ca	—	Mg, Ti, Na	Ba	Ni, V, Mo, Zr, Cu, Pb, Ag, Sn, Ga
206 ^a ₆	Si, Al, Mg, Ca, Na	K	Ti, Pb, Sr	V, Mo, Zr, Cu, Zn, Ba	Ni, Ag, Ga, Be
92 ₆	Si, Al	Ca, Mg	Na, Ti	Ba, Pb	Ga, Be, Ni
207 ₆	Si, Al, Ca	Mg, Na	Ti	V, Mo, Zr, Pb, Zn, Sr, Ba	Ni, Cu, Ag, Sn, Ga, Be, Sc

Номер пробы	Элементы, оказывающие влияние на цвет ангоба, %				Определение материала ангоба по данным спектрального анализа
	Fe	Mn	Cr	Co	
22 ^a ₆	>1	0,03	0,01	0,001	Железистая, красножгущаяся глина
90 ₆	>1	0,03	0,06	0,001	" " "
124 ₆	>1	0,03	0,01	—	" " "
99 ^a ₆	≈1	0,03	0,03	—	Маложелезистая, беложгущаяся глина
209 ₆	>1	0,03	0,06	0,001	Железистая, красножгущаяся глина
206 ^a ₆	>1	0,06	0,1	0,001	" " "
92 ₆	≈1	0,1	0,001	—	Маложелезистая и малокарбонатная глина
207 ₆	>1	0,1	0,1	0,001	Железистая, маломagneзальная красножгущаяся глина

Данные о составах черепка

Номер пробы	Место находки керамики и ее тип	Дата (век)	Вероятный состав формовочной массы
22 ^a ₆	Афрасиаб. Фрагмент сосуда с отогнутым венчиком. Черепок темно-серый и черный, сплошного лощения ангоб	I—II—III до н. э.	Лесс с естественной примесью тончайшего пестрого песка
22 ^b ₆	Афрасиаб. Фрагмент чаши с рубчиком на венчике. Темно-серый черепок с черным нелощеным ангобом	I—II до н. э.	Смесь лесса с керамзитовой глиной (гилмоя) в соотношениях 60—70: 40—30
239 ₆	Афрасиаб. Фрагмент чаши с венчиком в виде загнутого внутрь, уплощенного валика. Черепок серый, ангоб черный без лощения	I—II до н. э.	Смесь лесса с керамзитовой глиной (гилмоя)
90 ₆	Ханакатепа. Фрагмент чаши с серым толстым черепком и черным сплошного лощения ангобом	I до н. э. — II н. э.	Около 45% лесса, 55% железистой глины и 10% кварцевого порошка
124 ₆	Ханакатепа. Фрагмент сосуда со светло-серым черепком и черным лощеным ангобом	.	Около 70% лесса, 20% железистой глины и 10% кварцевого порошка
99 ^a ₆	Замок Зангтепа в Сурхандарьинской области. Фрагмент чаши с бортиком в виде загнутого внутрь уплощенного валика. Серый черепок с черным до блеска залощеным ангобом	I н. э.	Около 65% лесса, 25% железистой глины и 10% кварцевого порошка
99 ^b ₆	Замок Зартепа в Сурхандарьинской области. Донце небольшого сосуда с серым черепком и черным лощеным ангобом	I до н. э.	Смесь лесса с железистой глиной. Обжиг при температуре выше 1000°
240 ₆	Китаб. Шурф 9, яма. Фрагмент большого кубка, с тонким (4 мм) черепком темно-серого цвета и черным сплошного лощения ангобом	II—III до н. э.	Черепок слегка слоистый, состоит из глины и кварцевого порошка. Обожжен при температуре 1000°
209 ₆	Кала Старого Термеза. Фрагмент донца сосуда с темно-серым черепком и черным ангобом		Смесь лесса с пластичной глиной

и ангоба черной керамики

Добавки к формовочной массе	Твердость по Моосу	Характеристика ангоба	Цвет ангоба и черепка после обжига в окислительной среде
Немного пуха камышовых метелок	4	Плотный, хорошей сохранности, из железистой, красножгущейся глины	Ангоб ярко-красный, черепок темно-бурый
Редкие зерна известняка и тонкие кисточки камышовых метелок	4	Плотный, хорошей сохранности, из железистой красножгущейся глины	Ангоб ярко-красный, черепок оранжевый
Много пуха камышовых метелок и зерна известняка	4	Тонкий (0,10 — 0,05 мм), блестящий в изломе, из железистой глины	Ангоб темно-красный, черепок яркий оранжево-красный
Пух камышовых метелок в незначительном количестве	4	Сплошного, хорошего лощения (толщиной 0,15—0,18 мм), из железистой глины	Ангоб ярко-красный, как у одновременных красноангобированных сосудов Халчаяна
—, —	3—4	Тонкий, хорошего лощения, из железистой глины	Ангоб ярко-красный, черепок розовый
Отдельные зерна известняка и немного камышового пуха	4	Очень тонкий плохой сохранности, из беложгущейся глины, наложенной на обожженный черепок	Ангоб белый, черепок оранжево-розовый
Зерна известняка, 5—8%	5—6	Плохой сохранности, из железистой глины	Ангоб ярко-красный, черепок оранжево-розовый
Зерна известняка	4—5	Плотный, хорошего лощения, матовый, очень тонкий (0,01—0,015 мм) на внешней стороне, внутри без лощения	Ангоб оранжево-красный, черепок светлый, красновато-розовый
Немного тонкого песка	4	Плохой сохранности из сильножелезистой пластичной глины	Ангоб темно-красный, черепок оранжево-красный

Номер пробы	Место находки керамики и ее тип	Дата (век)	Вероятный состав формовочной массы
206 ^a ₆	Парфия, Старая Ниса. Фрагмент большого (емкостью до 10 литров) кувшина с темно-серым черепком и черным односторонним ангобом	I до н. э.	Около 88% пластичной железистой глины и 12% кварцевого порошка
206 ^b ₆	Парфия, Старая Ниса. Фрагмент чашечки с двусторонним лощеным ангобом и темно-серым черепком	.	Пластичная глина с кварцевым порошком
92 ₆	Миздахкан, холм Музлум-сулу. Фрагмент сосуда с серым черепком и черным ангобом	?	Около 50% лесса, 45% пластичной глины и 5% кварцевого порошка
207 ₆	Куня-Ургенч, городище Таш-Кала. Фрагмент сосуда с глубоким резным орнаментом. Серый черепок, черный нелощеный ангоб	XII—XIV н. э.	Лесс с пластичной глиной
119 ₆	Хива, раскопки у мавзолея Уч-Авлия. Фрагмент сосуда с серым черепком и черным ангобом	XIV н. э.	Около 65% лесса и 35% пластичной глины

ности⁹ ангоб наносился на предварительно обожженное основание, вследствие чего он плохо сохранился. Близко к нему стоит ангоб пробы №92₆ из Миздахкана из маложелезистой глины, содержащей небольшое количество известняка и магнезии (табл. 2).

Температура обжига большинства образцов черной керамики имела незначительные отклонения от 900°, при которой получается наиболее выразительная окраска изделия. Только две пробы №240₆ и №99^a₆ были обожжены при повышенной температуре, что способствовало значительному затвердению поверхности изделия (табл. 3).

В обычных условиях проведения окислительного обжига керамические изделия имели красную и красно-оранжевую окраску различной интенсивности в зависимости от содержания в них железа. Черный цвет был обусловлен специальным обжигом в среде, насыщенной углеродом.

Среда создавалась забрасыванием коптящего топлива в уже раскаленную печь, а также загрузкой в нижнюю часть печи известняка, выделяющего при обжиге большое количество

Добавки к формовочной массе	Твердость по Моосу	Характеристика ангоба	Цвет ангоба и черепка после обжига в окислительной среде
Кисточки камыша	3—4	Прекрасной сохранности, тонкий (0,10—0,15 мм), из той же глины, что и черепок	Черепок и ангоб ярко-красные
Немного камышового пуха	3	Очень тонкий (0,05—0,10 мм), хорошей сохранности, из той же глины, что и черепок	Черепок и ангоб оранжево-красные
Очень много камышового пуха	3	Маложелезистая пластичная глина	Ангоб светло-розовый, черепок оранжевый
Редкие кварцевые песчинки и камышовый пух	3	Плохой сохранности, из железистой, малокарбонатной глины	Черепок и ангоб темные, буро-красные
Нет	3—4	Невысокой сохранности, из железистой маломagneзимальной глины	Черепок и ангоб розовые

углекислого газа (CO_2), переходящего при температуре выше 450° в CO . Присутствие железа в составе черепка способствует расщеплению окиси углерода (CO) на углерод (C) и углекислый газ (CO_2). Последний удаляется вместе с топочными газами или вновь превращается в CO , а распыленный углерод насыщает мельчайшие поры черепка и ангоба, придавая им темную окраску. Кроме того, окись железа (Fe_2O_3), содержащаяся в ангобе, при одновременном действии окиси углерода и высокой температуры переходит в закись (FeO), имеющую черный цвет, благодаря чему ангобы имеют более темную окраску. Анализы черепка (табл.1) показывают, что FeO в нем содержится больше, чем Fe_2O_3 . Для придания беложгущейся или светложгущейся глине глубоко черного цвета требовалось большее насыщение атмосферы печи углеродом и удлинение процесса выдерживания в ней изделия.

На интенсивность черной окраски ангобов могли оказать влияние примеси марганца, хрома и особенно кобальта. Однако, как установлено спектральным полуколичественным анали-

⁹ Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования красноангобированной керамики, ИМКУ, вып. 3, 1962, стр. 154—156.

зом (табл. 2), эти примеси содержатся в ангобах в столь малых количествах, что не могли отразиться на окраске. Все они, очевидно, являются случайными примесями в глине, красителем остается лишь железо.

Определение материала ангоба по спектральному анализу подтверждается обжигом образцов черной керамики в окислительной среде при температуре 900° (табл. 2). При этом происходит обратная обжигу картина: под влиянием высокой температуры и кислорода происходит окисление черепка, углерод выгорает, черная закись железа переходит в красную, и керамика приобретает окраску, присущую ей при нормальном окислительном обжиге.

Процесс изготовления черной керамики был более трудоемким и продолжительным, чем получение обычной красной керамики. Печь могла быть открыта только после полного остывания, ибо приток воздуха мог вызвать частичное окисление еще теплого сосуда, что привело бы к порче его окраски.

Следовательно, в специфику технологического процесса изготовления черной керамики входили, помимо особого восстановительного обжига, еще специальный подбор высокожелезистых глин для ангоба, а также использование для черепка красножгущихся глин. В Узбекистане и Хорезме для формовочных масс чаще всего применялась обычная смесь глин, на территории Парфии употреблялась одна лишь глина, что обуславливалось наличием нужного сырья — глины достаточно (но не избыточно) пластичной, содержащей довольно много железа. Характерно, что почти во всех исследованных пробах, помимо обычного камышового пуха, наблюдаются специальные добавки-отошители в виде кварцевого порошка или известковых зерен, которые вводились для уменьшения огневой усадки изделия во время длительного обжига.

Таким образом, умение создавать черную керамику свидетельствует о высоком уровне гончарного ремесла в далеком прошлом и указывает на наличие у древних мастеров химических знаний и навыков в их практическом применении.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

НЕКОТОРЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КУРГАНОВ КАЛКАНСАЯ

В 1966 г археолог О. В. Обельченко при раскопе курганов, находящихся в Калкансае (Бухарская область), обнаружил несколько скелетов очень плохой сохранности. Под воздействием воды и солей кости пришли в порошкообразное состояние, поэтому поднять остеологический материал было невозможно. На место раскопа был вызван антрополог — автор данного сообщения, который производил описание и возможные измерения черепов прямо в раскопанных могилах.

Курганы, датируемые О. В. Обельченко V—III вв. до н. э., весьма интересны, так как дают представление об антропологическом типе жителей сакского времени. Краниологический материал в антропологическом отношении неоднороден: он представляет собой сложную и пеструю картину. Ниже приводим описание черепов и их измерительные данные. В тех случаях, когда измерительная точка видна неясно или измерения проводились без непосредственного соприкосновения с измерительной точкой (на весу из-за очень плохой сохранности костей черепа), измерительные данные стоят с вопросительным знаком.

К у р г а н № 5. В могиле находился череп женщины среднего возраста, очень крупный с весьма сглаженным рельефом, по головному указателю гипердолихокраний. Черепная коробка пентагоноидной формы. Измерительные данные черепа брались на месте раскопа. Часть земли была удалена настолько, чтоб не рассыпать череп, но с расчетом на полное очищение измерительных точек. Продольный диаметр черепа очень большой — 198 мм, поперечный — средний — 136 мм (?), соответственно головной указатель — 68, 69. Череп с прямым лбом, со слабо выраженными буграми. Лобная часть довольно широкая с наименьшим лобным диаметром — 105 мм. Для лицевого отдела характерна мезоэурия. По лицевому указателю разме-

ры средние, но высота лица очень большая, скуловой диаметр также велик (табл. 1). Средняя и верхняя ширина лица очень большая. Горизонтальный профиль лица, по визуальному наблюдению, кажется средним, но величина зигомаксиллярного угла — 140° показывает на уплощенность в средней части лица, а назомаллярный угол, по своей величине — $143,1^\circ$, занимает промежуточное положение между монголоидными и европеоидными типами. Носовой отдел характерен средневысоким и среднеглубоким переносьем, а измерительные данные говорят о большой дакриальной высоте и большом дакриальном указателе, симотическая высота с указателем средней величины. Выступание носа слабое. Антропологический тип определить весьма затруднительно при перечисленных мозаичных данных. Констатируется смешанный тип. Высокое широкое лицо при уплощенном горизонтальном профиле напоминает южносибирский тип, а южносибирскому типу сопутствует обычно брахикrania. На данном черепе отмечена гипердолихокрания. Череп несет на себе признаки европеоидного и монголоидного типов. Вероятно, первоначальный тип его был долихокранный монголоидный, к которому включился европеоидный широколицый тип. Это сказалось в повышении высоты переносья и, возможно, на скуловой ширине, а также на строении клыковых ямок, хотя среднеглубокие ямки встречаются и на монголоидных и на европеоидных черепках.

К у р г а н № 6. Обнаруженный здесь череп очень плохой сохранности принадлежал мужчине. Череп очень крупный, массивный с сильно выраженной глабеллой (4), среднеразвитым надбровьем (2) и очень сильно развитыми сосцевидными отростками. По головному указателю — 79,49 череп мезокранный, при очень большом продольном диаметре — 195 мм (?) и большом поперечном — 155 мм (?). Лоб средненаклонный с малым наименьшим лобным диаметром — 90 мм. Высота над супроглабеллярной точкой — 16 мм и соответственно указатель равен — 17,78, а угол поперечного изгиба лба — $140,8^\circ$. Надбровье имеет среднее развитие (2). Лицевые измерительные точки сильно разрушены, поэтому характеристика лица основана в большей своей части на визуальном наблюдении. Лицо широкое с сильно выступающим носом, глубоким переносьем средней высоты. Средняя высота переносья подтверждается и измерительными данными: дакриальная ширина — 22 мм, высота средняя — 9,5 мм и отсюда малый дакриальный указатель — 43,18. Симотическая ширина средняя — 9 мм, высота также средняя — 3,5 мм. В соотношении они дают средний симотический указатель — 38,89. Носовой шип имеет среднее развитие (3). Глазницы яйцевидной формы с большой

Измерительные данные черепа из погребения в Калкансае
(курган № 5)

Череп женский возмужалого возраста

1.	Продольный диаметр	198
8.	Поперечный диаметр	136 ?
8:1.	Головной указатель	68,69
9.	Наименьшая ширина лба	105
45.	Скуловой диаметр	144 ?
9:45.	Лобно-скуловой указатель	72,92
48.	Верхняя высота лица	76
48:45.	Верхне-лицевой указатель	52,78
47.	Полная высота лица	124
47:45.	Лицевой указатель полный	86,11
43.	Верхняя ширина лица	115
46.	Средняя ширина лица	104,5
48:46.	Лицевой вертикальный указатель	72,73
	Глубина клыковых ямок левой	3,5
	правой	3,0
	Зигомаксиллярная хорда	104,4
	Высота субспинале над з/м хордой	19,0
	Зигомаксиллярный указатель	18,19
	Зигомаксиллярный угол	140
55.	Высота носа	52
54.	Ширина носа	28
54:55.	Носовой указатель	53,85
	Дакриальная хорда	21,45
	Дакриальная высота	11,2
	Дакриальный указатель	52,21
	Симотическая хорда	8,5
	Симотическая высота	3,0
	Симотический указатель	35,29
51.	Ширина орбиты от мак.—фронт.	44
51 ^a	Ширина орбиты от декриона	42
52.	Высота орбиты	38
52:51.	Орбитный указатель I	86,36
52:51 ^a	Орбитный указатель II	90,48
	Биорбитальная хорда	108,6
	Высота назисна над б/о хордой	18,2
	Назوماлярный указатель	16,75
	Назوماлярный угол	143,1

Описательные признаки

Форма черепной коробки	пентагоноидная
Глубина переносья	2
Высота переносья	2
Наклон лба (1—2—3)	1
Лобные бугры (1—2—3)	1
Надпереносье (1—6)	2—3
Надбровье (1—2—3)	1
Горизонтальный профиль лица (1—3)	2
Клыковые ямки (0—4)	1—2
Выступание скул	2
Нижний край грушевидного отверстия	антропинный
Передненосовая ость (1—5)	2
Выступание носа	слабое
Антропологический тип	смешанный

шириной глаз — 42 мм и очень малой высотой — 30 мм. Орбитный указатель I хемоконхный — 71,43, орбиты очень низкие. Скулы выдаются сильно. Клыковые ямки имеют слабое углубление. Измерение правой клыковой ямки — 2 мм. Общий тип черепа европеоидный с некоторыми чертами протоевропеоидного типа.

К у р г а н № 8. Череп этого кургана сохранился очень плохо, очень грацильный и определен как женский. Лицевая часть черепа сохранилась неполностью: носовые кости и правая часть лица рассыпались. Это затруднило определение типа. В общем антропологический тип европеоидный и, в какой-то степени, напоминает череп кургана № 6. Головной указатель брахикранный — 83,13, при малом продольном диаметре, равном 166 мм (?) и среднем поперечном диаметре — 138 мм. Лоб выпуклый. Лицо очень широкое, судя визуально по скуловым костям и левой части верхней челюсти. По носовым отросткам верхней челюсти нос определен как выступающий. Клыковые ямки неглубокие, визуально определены глубиной в 1—2 балла, а измерение одной дало 3 мм.

К у р г а н № 11. В этом кургане находился массивный, плохо сохранившийся череп мужчины зрелого возраста. Черепной указатель ультрабрахикранный — 92,73, при очень малом продольном диаметре — 165 мм и очень большом поперечном — 153 мм. Лоб прямой с сильно развитыми надбровьями (3) и сравнительно мощным надпереносьем (4). Отмечаются сильно развитые сосцевидные отростки. Глазницы прямоугольной формы, очень низкие — 30 мм имеют большую ширину от дакриона — 42 мм. Орбитный указатель 71,43 также указывает на очень низкие глазницы. Большая часть лицевых измерительных точек разрушена. Лицо плоское, высокое и широкое в области скуловых дуг. Верхняя высота лица большая — 77 мм. Скуловой диаметр тоже очень большой — 142—144 мм (измерительные точки обсыпались, что нарушило точность измерения). Полная высота лица — 141 мм (?). Нос слабо выступающий с очень узкими носовыми костями. Грушевидное отверстие антропинной формы. Высота носа — 55 мм, ширина — 25 мм, соответственно им носовой указатель лепторинный — 45,45. Очень большой назомалярный угол — 149,6 указывает на уплощенность в верхней части лица, при биорбитальной хорде — 103 мм и высоте назиона над биорбитальной хордой — 14 мм. Назомалярный указатель равен 13,59. Череп относится к высоколицему монголоиду и по визуальному наблюдению череп с нижней челюстью казался даже узким, но с очень большой скуловой шириной.

К у р г а н № 12. Череп совершенно разрушен. Остались скуловая кость, часть правой верхней челюсти, по которой можно определить плоское лицо, затылочная кость округлой формы с очень сильно развитым затылочным бугром. По остаткам можно предположить наличие некоторой монголоидности.

Найденные позвонки отличались от обычных позвонков наличием больших остеофитов. Кроме этого, второй и третий позвонки срослись. Все это говорит о том, что обладатель данного скелета имел ограниченную боковую подвижность головы. Позвоночный столб в целом тоже имел ограниченные движения. Видимо, весь организм подвергался болезненным нарушениям.

К у р г а н № 13. Череп сильно раздавлен, сыпучие кости расплющены, и поэтому никакого определения дать невозможно.

К у р г а н № 14. В кургане найден череп плохой сохранности, очень грацильный, определенный как женский, возмужалого возраста. По общему впечатлению и черепная коробка и лицевая часть очень узкие. Антропологический тип черепа напоминает тип черепов из Заман-баба и Чуста. Верхняя высота лица очень большая — 73 мм. Полная высота лица — 117 мм, для женских черепов большая. Величина скулового диаметра средняя — 126 мм (?). Высота носа большая — 51 мм, а ширина очень маленькая — 20 мм (?), носовой указатель — 39,22. Все это говорит о сильной узконосости черепа. Горизонтальная профилировка характеризуется только визуальными наблюдениями. В горизонтальной плоскости лицо сильно профилировано. Скуловые кости мало выступающие (1). Клыковые ямки среднеглубокие — 2-я степень по визуальному наблюдению, измерение правой — дало 4 мм. Лоб прямой со слабо выраженными лобными буграми (1) и надбровными дугами (1). Сосцевидные отростки имеют среднее развитие (2). По черепному указателю череп долихокраний, с указателем 69,07 при продольном диаметре очень большой величины — 194, мм (?) и среднем поперечном диаметре — 134 мм (?). Визуальное наблюдение подтверждает крайнюю долихокранию. Даже неполная характеристика говорит о европеоидном типе черепа, близком к древнему средиземноморскому, который, видимо, был широко распространен на территории Узбекистана и послужил основой в формировании антропологического типа местного населения.

Даже фрагментарный краниологический материал сакского времени, описанный выше, показывает весьма пеструю кар-

тину в антропологическом отношении. Констатируются следующие типы:

1. Гипердолихокраний смешанный тип, включающий европеоидные и монголоидные элементы. Лицевой отдел напоминает южносибирский тип. Создается впечатление, что данный тип сложился из долихокраний монголоидной основы и европеоидного широколицего типа.

2. Мезокраний европеоид с чертами протоевропеоидного типа.

3. Брахиокраний европеоид с некоторыми чертами протоевропеоидного типа.

4. Ультрабрахиокраний высоколицый монголоид.

5. Долихокраний европеоид, близкий к древнему средиземноморскому типу, напоминающему тип черепов из Заманбаба и Чуста.

Учитывая антропологический тип III—I тысячелетий до н. э. Бухарской области, отнесенный к древнему средиземноморскому типу, можно считать, что долихокраний европеоидный тип, найденный в кургане сакского времени, отражает долихокранийную основу древнего антропологического типа.

Большая индивидуальная вариабильность черепов из погребений Калкансая в какой-то степени отражает недавнее смешение отдельных групп населения, характеризующихся разными антропологическими типами.

Плохая сохранность краниологического материала и малочисленность описанных черепов не дает возможности произвести подробный сравнительный анализ, но даже частичное изучение раскрывает физический тип сакского населения.

Беглый обзор опубликованных краниологических материалов сакского времени показывает неоднородность их антропологического состава.

Для закаспийских саков характерна, как считает В. В. Гинзбург¹, южноевропейская средиземноморская раса (ее восточная ветвь).

Т. А. Трофимова описала сакские материалы из погребений на городище Чирикрат². Все черепа из апасиакских поселений она объединила в чирикратскую серию (10 черепов, датированных с IV по II вв. до н. э.). Черепа из более ранних курганов объединены в тагискенскую группу пригальских саков (4 черепа, датированных первой половиной

¹ В. В. Гинзбург. Антропологические данные к истории народов Средней Азии, XXV Международный конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР, М., Изд-во Восточной литературы, 1960.

² Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии, М., Изд-во АН СССР, 1962.

1 тыс. до н. э.). В антропологическом отношении обе эти группы неодинаковы. Тагискенские черепа относятся к андроновскому типу. Чирикратская группа имеет смягченный андроновский тип и, он более брахикранный, кроме этого, отмечается монголоидная примесь, а на одном черепе констатируются отчетливо выраженные монголоидные черты.

Т. А. Трофимова сделала вывод, что саки Приаралья формировались, видимо, на основе древнего местного населения с преобладанием андроновского типа или близкого к нему при участии некоторых других европеоидных компонентов. Монголоидную примесь она предполагает как результат притока монголоидов с Алтая.

Саки южного Памира (черепа из погребений сакских курганов V—I вв. до н. э. по рекам Аксу и Памир) отнесены В. В. Гинзбургом³ к индо-афганскому антропологическому типу или к восточной ветви средиземноморского типа (узкая форма черепа и лица).

Саки Алая и Тянь-Шаня (из курганов, располагающихся ст р. Нарына до правого берега Кызылсу и датированных VII—I вв. до н. э.)⁴ характеризуются признаками, свойственными европеоидному типу Среднеазиатского междуречья. Среди них отмечены типы, близкие к андроновскому, средиземноморскому и монголоидному. Вариации головного указателя наблюдаются от долихокранного до гипербрахикранного, высоты лица—от малого до очень большого, скуловой диаметр—от малого до большого включительно.

Г. Ф. Дебец, В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова отмечают значительную роль андроновского типа в составе населения сакоусуньского времени на территории Казахстана и Киргизии, причем нарастание монголоидной примеси увеличивается к востоку⁵.

Пестрота антропологических типов, отмеченная территориально и внутри группы на черепках сакского времени, аналогична и черепам из кургана Калкансая, где обнаружено пять разных типов.

Большая вариация антропологических типов в населении сакского времени указывает на процесс недавнего смешения народов. Начиная с VI и по I вв. до н. э. среднеазиатские области входят в состав Ахеменидской державы, в состав Бак-

³ В. В. Г и н з б у р г. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии, КСИЭ АН СССР, вып. XI, 1950.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Т. А. Т р о ф и м о в а. Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии, стр. 17.

трийской сатрапии Персидского царства. Завоевания Александра Македонского, борьба с селевкидами, образование и распад Греко-бактрийского царства, столкновения с Парфянским государством, различные восстания оседлого населения и столкновения с кочевыми народами, переселение пленных, климатические колебания и природная стихия — все это создало условия для передвижения народов и наложило определенный отпечаток на антропологический состав населения. Особенно тесная взаимосвязь, создающая в какой-то степени единство в образовании антропологического состава, наблюдается в Согде, Бактрии и Маргиане.

Сакские племена также оставили определенный отпечаток на этногенетическом формировании населения. Кроме перечисленных причин передвижения народов, существовали и другие. Как известно, кочевники и земледельцы Средней Азии в середине I тыс. до н. э. не были обособлены. В это время, видимо, и создавались наиболее благоприятные условия для тесной связи различных народностей и их смешения⁶. Краниологические материалы свидетельствуют, что в сакский период смешение происходило в огромном масштабе. Кочевые племена включали в свой состав антропологический тип населения, на территориях которого они кочевали, а местное население ассимилировало кочевые и полукочевые племена и народы; с которыми сталкивалось в ходе исторических событий. Отсюда понятна пестрота антропологических типов и в населении сакского времени.

Саки, задерживаясь на какой-либо территории продолжительное время, приобретали тип местного населения или характеризовались доминирующими признаками антропологического типа, свойственного этому народу. Саки включили в свой состав конгломерат различных народностей, а местные аборигены приобрели большую вариабильность признаков и наличие разных типов в своем составе.

Решающее слово об антропологическом составе той или иной народности и об этногенезе местного населения остается за палеоантропологическим материалом, и важнейшая весьма актуальная задача настоящего времени — сбор и накопление большого количества ископаемого краниологического материала.

⁶ История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955.

Б. В. ЛУНИН

К ТОПОГРАФИИ И ОПИСАНИЮ ДРЕВНИХ
МОНЕТНЫХ КЛАДОВ И ОТДЕЛЬНЫХ МОНЕТНЫХ НАХОДОК
НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

(По архивным данным)

Не приходится говорить о научном значении паспортизированных по местам их обнаружения и точно определенных и датированных древних монетных кладов и отдельных монетных находок. Будучи обобщенными и сопоставленными такого рода материалы являют собой один из важнейших исторических источников к характеристике товарно-денежных отношений, экономики и торговли соответствующего времени, позволяют уточнить ареал распространения и хронологию различного типа монет тех или иных династов, помогают датировке других памятников древности и т. п.

К сожалению, далеко не все данные по монетнымкладам и отдельным монетным находкам на территории Узбекистана взяты на учет и введены в научный обиход. Это касается, в частности и в особенности находок, делавшихся здесь при случайных обстоятельствах в дореволюционное время. Сведения о таких находках затеряны в архивах, распылены по страницам различных изданий, во многих случаях остаются совершенно забытыми.

Между тем при ближайшем рассмотрении сведения эти оказываются научно весьма ценными.

В процессе своих историографических изысканий нам довелось встретить в архивных фондах канцелярии туркестанского генерал-губернатора копии писем, адресовавшихся с периферии Туркестанского края (военными губернаторами областей, уездными начальниками и др.) в Ташкент, в канцелярию туркестанского генерал-губернатора (в дальнейшем всюду — КТГГ), и содержавших данные о находках местными жителями древних монет (когда, кем, где и при каких обстоятельствах обнаружены). Этим письмам сопутствуют копии писем КТГГ на имя Императорской Археологической Комиссии (ИАК) в Петербурге, содержание которых, как правило, повторяло с большей или меньшей степенью полноты упомяну-

тые выше данные в связи с направлением в адрес Комиссии самих монет для их определения и установления их научной и материальной ценности¹.

Это побудило нас не ограничиться использованием материалов, отмеченных выше писем, а обратиться затем по их следам к архиву б.Императорской Археологической Комиссии, от которой КТГГ получала обычно письменные извещения с короткими суммарными данными о том, что представляли собой посылавшиеся монеты (время чекана, при каких правителях) и как ими следовало распорядиться (приобретение для Эрмитажа, сдача в местные музеи или на сплав в Монетный двор и пр.).

Такого рода данные находили в последующем, как правило, столь же лаконичное и суммарное освещение на страницах ежегодных печатных отчетов ИАК (напр.: «Ферганская область, близ сел. Каракол-Чумбагим. 411 серебряных саманидских, бухарских и илекских монет 954—1007 гг.» или: «Сырдарьинская область, Ташкентский уезд. 1 серебряная и 22 медных шейбанидских монет» и т. д.).

Между тем, как показало наше знакомство с архивом ИАК, в нем содержатся более подробные данные к описанию и датировке находок монетных кладов и отдельных монет на территории Туркестанского края (включая Семиречье), в том числе Узбекистана.

Как оказывается, полученные из Туркестана монеты попадали в компетентнейшие руки таких замечательных знатоков восточной нумизматики, как В. Г. Тизенгаузен² или А. К. Марков³ (иногда в руки Н. И. Веселовского и других ученых). Последние непосредственно знакомились с монетами и во многих случаях, не ограничиваясь их суммарным, общим определением, составляли их описи (перечни) с указанием не толь-

¹ Указанный выше порядок не всегда был общим. Иногда монетные находки высылались в ИАК непосредственно с мест (военными губернаторами областей, уездными начальниками и другими представителями властей или музеями и отдельными лицами — любителями древностей и др.), минуя КТГГ.

² О Владимире Густавовиче Тизенгаузене (1825—1902) см.: В. Р. Розен. Памяти В. Г. Тизенгаузена. ЗВО, т. XVI, СПб., 1906, стр. 231—236. Также некрологи: Известия ИАК, вып. 4, СПб., 1902, стр. 142; Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXIV, отд. 4, Одесса, 1902, стр. 10—11; «Исторический вестник», 1902, № 3, стр. 1207—1209; Известия Академии наук, т. XVIII, № 1, СПб., 1903, стр. 20—26, БСЭ, изд. 2, т. 42, стр. 422.

³ Об Алексее Константиновиче Маркове (1858—1920) см.: Новый энциклопедический словарь «Брокгауз-Ефрон», т. XXXV, стр. 753; Н. П. Бауэр. А. К. Марков. Некролог. «Вестник нумизматики», Берлин, 1926, вып. 1—2, стр. 155—158.

ко общего количества монет (медных, серебряных, золотых), но и времени и места их чекана и принадлежности к определенным династам. Такие описи и содержатся в архиве ИАК⁴.

В своей совокупности эти описи образуют единственный в своем роде и незаменимый источник к уяснению топографии и описанию находок монетных кладов и отдельных монет на территории Средней Азии и Казахстана. Однако, как сказано, источник этот оказался преданным забвению и в целом неиспользованным. Мы говорим «в целом», ибо вообще говоря в последнее время он уже стал привлекать к себе внимание заинтересованных исследователей-нумизматов (напр. Е. А. Давидович и др.), но в печать пока проникают лишь отдельные ссылки на указанные выше материалы архива ИАК, притом только в попутной связи с основными материалами специальных публикаций нумизматов по тому или другому вопросу.

Мы сочли поэтому целесообразным опубликовать извлеченные нами из архива ИАК сведения о находках монетных кладов и отдельных монет, сделанных на территории Узбекистана за время с 1882 по 1915 годы⁵. Такого рода публикация, как мы убеждены в том, пополнит наши сведения по соприкосновению монетных находок на земле Узбекистана⁶. Приводимые ниже данные заслуживают, конечно, и более подробного изучения и систематизации (нанесение мест находок монетных кладов и отдельных монет на карту, сводные поддинастические таблицы с указанием количества монет по датам их чекана, именем отдельных династов, местам нахождения и пр., с учетом материалов других архивных и печатных источников и пр.). Но это уже следующий этап работы, по отношению к которому данная наша публикация должна быть рассматриваема как дающая исходную базу для более детального исследования⁷.

⁴ Входящем ныне в состав архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее всюду: архив ЛОИА). В архиве имеется в частности: Книга на клады монет, поступивших в Комиссию. Начато 8 августа 1882 года, окончено 23 декабря 1885 года. На 141 листе, Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 51, 1882, и др.

⁵ Аналогичная сводка материалов по территории Семиреченской и Закаспийской областей готовится нами к печати.

⁶ В соответствии с существовавшим до революции административно-территориальным делением, материал дан по б. Сырдарьинской (с Амурдарьинским отделом), Ферганской и Самаркандской областям Туркестанского края, Хивинского ханства и Бухарского эмирата, т. е. в границах, не совсем совпадающих с границами современной Узбекской ССР и частично охватывающих территорию других братских республик Средней Азии и Казахстана.

⁷ Выписки из архивов, в частности копии монетных описей В. Г. Тизенгаузена, А. К. Маркова и др., повсюду воспроизводятся в точном со-

Всюду, где это оказывалось возможным сделать, мы осуществляли, так сказать, «перекрестное» сопоставление материалов по отдельным находкам: архивных (ИАК) и печатных (ОАК), что и нашло свое отражение в содержании подстрочных примечаний к данной работе⁸.

СЫРДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ташкент и его окрестности. 28 июня 1888 г. Н. П. Остроумов направил в ИАК медную монету, найденную Моисеевым на пашне в 16 верстах от Ташкента (медная илекская монета с именем Юсуфа)⁹.

В отчете ИАК за 1882—1888 гг. значатся также: «медный кувшин и илекские монеты из Ташкента»¹⁰.

ответствии с оригиналами. Однако в особо устаревшую, архаичную или малоупотребляемую сейчас транскрипцию географических названий и собственных имен нами внесены некоторые изменения (напр. вместо Эндиджан — Андижан, вм. Ховарезм — Хорезм, вм. Эштерханиды — Аштарханиды и т. п.).

⁸ Учитывая ограниченный объем статьи, ссылки на архивные материалы ЦГА УзССР (письма на имя КТГГ и КТГГ на имя ИАК), как правило, не даются; в сравнении с данными Архива ЛОИА и Отчетами ИАК они не дают ничего нового и за редким исключением не содержат каких-либо дополнительных данных к уяснению обстоятельств находок древних монет. В тех отдельных случаях, когда такие дополнительные данные все же отражены в упомянутых письмах — они учтены нами в тексте данной статьи. В тех случаях, когда архивные данные «не перекликались» с данными печатных Отчетов ИАК и сведения о монетных находках ограничивались только последними, мы для полноты картины воспроизводили и их.

⁹ 3 августа 1889 г. КТГГ выслала в ИАК по ее просьбе илекские монеты, находившиеся на хранении в Ташкентском музее при особой описи, на которой рукой В. Г. Тизенгаузена сделаны уточнения и дополнения. Это были: «1) 1 золотая монета, чеканенная в Газне в 439 г. хиджры (газневидская, Абдурашида); 2) 8 экз. и 3 половинки серебряных монет 400, 415, 431 гг., без года (3 экз.) и 4 экз. сильно потертых и нечетких; 3) 4 серебряных монеты: 3 экз. газневиды Махмуда и 1 экз. Масуда; 4) 1 серебряная монета: диргем Насыр ельхак-хана, илека Насра 393 г.; 5) 1 серебряная монета 395 (1004) г.; 6) 1 медная монета Богра-хана 440 (1050) г.; 7) 1 медная монета Богра-хана; 8) 2 медных монеты Арслана; 9) 1 медная монета Арслана II, 430 г. хиджры; 10) 2 медные монеты Музаффар-Богра Кара-хакана (440 и 441 гг. хиджры); 11) Половина медной монеты; Илек, 4... года; 12) 13 медных монет разных илекских ханов; 13) 37 медных монет разных ханов илекских; 14) 76 медных монет Богра Кара-хакана около 430—443 гг. хиджры» (Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86, л. 4—7).

¹⁰ ОАК за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. XXXIII. Под 1893 г. зафиксирована покупка Остроумовым на ташкентском базаре бактрийской монеты Евтидема (Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 92, 1893 г., л. 48).

25 июля 1896 г. КТГГ послала в Комиссию 290 экз. медных монет, найденных в глиняном горшке во дворе Арифджана-Раджаббая-Акаева, жителя Кукчинской части города Ташкента. На каждой из монет была чеканена надпись «Мухамед-Юнус-Ходжа и Умари»¹¹. Пометка А. К. Маркова: «Хан Мухаммед Юнус бек Омар Ходжа, царствовавший в Ташкенте в XVIII в. по Р. Х.»¹².

В начале 1915 г. в газетах появились сообщения о находке в старой части Ташкента «глиняного кувшина с медными монетами весом около 20 фунтов. На некоторых... выбиты... изображения разных животных — кабана, собаки, рыбы и т. п., что противоречит духу мусульманской религии... Полагают, что изображения... означали годы чеканки из... 12-летнего цикла сельджукидского летоисчисления. ТКЛА решил приобрести монеты для музея»¹³.

Ташкентский уезд. 11 ноября 1887 г. военный губернатор СДО направил в ИАК 325 цельных и 123 обломанных монет, найденных Юсупходжей Рахманходжаевым в местности Шуран близ кишлака Намданек Джетыкентской волости Ташкентского уезда. По данным В. Г. Тизенгаузена, это были монеты из низкопробного серебра, чеканенные илеками во II половине XI столетия¹⁴.

В 1888 г. в том же кишлаке Намданек было найдено 116 илекских монет из низкопробного серебра¹⁵.

17 мая 1889 г. военный губернатор СДО направил в ИАК 12 медных монет, найденных «на пашнях» кишлака Яхши (Якши) Ташкентского уезда СДО. На отношении об этом пометка Тизенгаузена — «хорезмшахи и илеки»¹⁶.

20 октября 1889 г. военный губернатор СДО направил в ИАК 23 монеты (22 медных и 1 серебряную), обнаруженные в Китайтюбинской волости Ташкентского уезда. «Весьма дурно сохранившиеся шейбанидские монеты, чеканенные (большей

¹¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 148, 1896 г., л. 1.

¹² Там же, л. 6; ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 136, 244—245; ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 86.

¹³ Сведения о раскопках, памятниках древности, кладах и находках. Сибирь и Туркестанский край, ИАК, Прибавление к вып. 58, СПб., 1915, стр. 75 («Петроградские ведомости», 27 февраля 1915, № 46; «Туркестанский курьер», 12 марта 1915, № 56).

¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 18—25.

¹⁵ Там же, л. 17.

¹⁶ Там же, д. 57, 1889 г. В ОАК дана также такая справка: «Сырдарьинская область Ташкентский уезд. Кишлак Якши. Обломок серебряного браслета и 12 медных восточных монет», ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 124—125.

частью) в Ташкенте при Искендер-хане, имя которого отчетливо читается на серебряной монете. В. Тизенгаузен»¹⁷.

15 декабря 1889 г. военный губернатор СДО направил в ИАК 483 серебряные монеты, найденные Ахмедом Давлетовым «во дворе своей сакли» в глиняном сосуде (Джалаля-Тюбинская волость Ташкентского уезда).

Монеты оказались (определение В. Г. Тизенгаузена) джагатайскими (чагатайскими) монетами второй половины XIII в., чеканенными в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Шаше, Таразе, Термезе, Ходженте, Абере, Алмалыке, Кашгаре, Пенджикенте и др.¹⁸

В деле имеется опись В. Г. Тизенгаузена, «№№ 1—9 Бухара, без года (9 экз.); № 10 Бухара, 681 года (1 экз.); №№ 11—14. Самарканд, без года (4 экз.); № 15 Самарканд (?), без года (1 экз.); №№ 16—22 Шаш, без года (7 экз.); №№ 23—28 Ташкент, без года (6 экз.); №№ 29—37 Тараз, 677 г. (9 экз.); №№ 38—46 Тараз, 686 г. (9 экз.); №№ 47—53 Тараз, без года (7 экз.); №№ 54—57 Тараз (?), без года (4 экз.); № 58 Тараз (?), 686 г. (1 экз.); №№ 59—65 Термез, без года (7 экз.); №№ 66—73 Ходжент, без года (8 экз.); №№ 74—77 Абхер (?), 684 г. (4 экз.); №№ 78—92 Абхер (?), 685 г. (15 экз.); №№ 93—94 Алмалык, без года (2 экз.); № 95—97 Кашгар, 681 г. (3 экз.); №№ 98—99 Пенджикент (?), без года (3 экз.); № 100 неизв. города, без года (1 экз.); №№ 101—102, Бинкет (?), без года (2 экз.); № 103 с именем Насир..., (6) 74 г. (1 экз.); №№ 104—106 неизв. города, 677 года (3 экз.); № 107 неизв. города, 68 года (1 экз.); №№ 108—111 неизв. города и года и с именем царя правосудного (4 экз.); №№ 112—114 без года и им. мон. двора (3 экз.); № 115 неизв. года и мон. двора (1 экз.); №№ 116—125 с контромарками (10 экз.); Итого 125 экз., нечетких, подлежащих отправке в Монетный двор 358; Всего 483 экз.»¹⁹

7 июля 1893 г. Н. П. Остроумов переслал в ИАК четыре серебряных монеты, найденных в селении Пскент Ташкентского уезда²⁰. Результаты определения неизвестны.

В августе 1893 г. Н. П. Остроумов послал в ИАК 5 медных монет, найденных в долине р. Ангрена и 1 серебряную с неизвестным местом нахождения. Тизенгаузен определил их, как: «1 серебряная монета джагатайская, 1 медная джагатайская, 1 медная илекская, 2 медных—кажется, шейбанидские, 1 нечеткая»²¹.

¹⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 49, 1889 г., л. 29; ОАК за 1889 г., СПб., 1892 стр. 124—125.

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 11, 1890 г., л. 1—4.

¹⁹ Там же, л. 2; ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 124—125; то же за 1890 г., СПб., 1893, стр. 146—147. В отчете ОАК за 1890 г. значатся также: «Серебряные джагатайские монеты XIII в., найденные в Ташкентском уезде Сырдарьинской области», ОАК за 1890 г., СПб., 1893, стр. 124.

²⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 92, 1893 г., л. 12—13.

²¹ Там же, л. 26.

22 декабря 1893 г. Н. П. Остроумов выслал в ИАК 6 илехских монет, найденных в долине р. Ангрена в Канджигалинской волости Ташкентского уезда²².

6 февраля 1901 г. Ташкентский музей выслал в ИАК 200 медных монет, найденных в Ташкентском уезде.

По данным А. К. Маркова, 116 экз. не поддавались определению, остальные 84 оказались тимуридскими монетами: 1 — Бухара, 832 г. х.; 2 — Ташкент, 890; 12 — Самарканд, 898; 3 — Ташкент, 899; 1 — Бухара, 890; 3 — Самарканд, 899; 2 — Бухара, 900; 2 — Ташкент, 900; 8 — Самарканд, 900; 3 — Бухара, 901; 3 — Белад Ширмерд Самарканд, 901 (?); 1 — Самарканд, 906; 11 — Самарканд, 907; 3 — Самарканд, 908; 2 — Самарканд, 909; 1 — Андижан, 89; 1 — Кеш, год стерт; 1 — Ташкент, б. о. г.; 2 — Хисар-и-Шадуман, б. о. г.; 3 — Карши, б. о. г.; 13 — Самарканд, б. о. г.; 6 — Бухара, б. о. г.²³.

Чимкент и Чимкентский уезд. 26 августа 1902 г. военный губернатор СДО выслал в ОАК 8 серебряных монет, найденных в городе Чимкенте, в земле, во дворе Ходжинова.

Это были шейбанидские монеты Абдаллаха II: место чекана стерто, 991 г.; Бухара, год стерт; Бухара 99* (2 экз.); место чекана и год стерты (4 экз.)²⁴.

3 августа 1885 г. военным губернатором СДО отосланы были в ИАК 3 медных монеты, найденные Авузом Мирзою Умидовым «на местности Кош-Кунур». Монеты были хорезмшахскими XIII столетия²⁵.

В мае 1893 г. на вершине «насыпного холма» Караул-Тюбе в 5 верстах от сел. Мамаевки Чимкентского уезда был найден монетный клад. Серебряные (1850 экз.) и медные (4000 экз.) монеты содержались в глиняных кувшинах. Среди монет оказалось «несколько предметов женских украшений» («несколько зерен жемчуга, куски сердолика, два серебряных браслета и др.»)²⁶.

В связи с этой находкой в июне 1893 г. Караул-Тюбе («Караул-Типя», тепе) было осмотрено Н. П. Остроумовым²⁷.

²² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 9, 1894 г., л. 1 об.

²³ Там же, д. 33, 1901 г., л. 1—7; ОАК за 1901 г., СПб., 1903, стр. 144, 170—171.

²⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 209, 1902 г., л. 1—4; ОАК за 1902 г., СПб., 1904, стр. 144, 170—171.

²⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 19—22.

²⁶ ПТКЛА, 1, 1896, стр. 48—50 (Н. С. Лыкошин). Ср.: Находка клада в Сырдарьинской области. Археологические известия, т. I, № 7—8, М., 1893, стр. 264—265 («Московские ведомости», 1893, № 162).

²⁷ Н. П. Остроумов. Археологическая поездка в сел. Мамаевку Чимкентского уезда, ПТКЛА, IV, 1899 г., стр. 127—128.

По уточненным данным межевщика Баронина оказалось, что монет, найденных на «холме Караул-Тюбе», было 3700—3800 медных в одном кувшине и 1860 серебряных в другом. «И те и другие, — писал Баронин, — с мусульманскими надписями, куфического шрифта»²⁸. Из общего количества 449 монет были определены по следующей описи, составленной А. К. Марковым²⁹:

<i>Джагатаиды</i> (анонимные монеты)	<i>Металл монет</i>	<i>Число экземпляров</i>
Алмалык, (6)70 г.	серебро	1
, 671 (?) г.	"	1
Балад Тараз, 677	"	4
Кенджде, 677	"	12
Ид. ³⁰ , другой тип	"	2
Балад Отрар, 677	"	11
Самарканд, 680	"	1
Отрар, 681	медь	3
Балад Тараз, 683	серебро	1
Балад Отрар, 684	"	14
Ид., другой тип	медь	8
Балад Отрар, 685	серебро	10
Ид., другой тип	"	13
Балад Тараз, 686 г.	"	2
Ид., другой тип	"	4
Ид., третий тип	"	1
Ид., четвертый тип	"	4
Ид., пятый тип	"	6
Ид., шестой тип	"	3
Ид., седьмой тип	"	9
Балад Бинкет, 686 г.	"	1
Маргинан, 688 г.	"	1
Алмалык, 688 г.	"	2
Балад Тараз, (68) 9 г.	"	1
Ид., другой тип	"	3
Алмалык, 689 г.	"	1
Место чек. стерто, 689 г.	медь	1
Отрар, 68	серебро	1
Бухара, 68	"	1
Маргинан, 690	"	1
Отрар, 690	"	3
Место чек. неясно, 690	медь	13
Ходжент, 690	"	8
Кенджде, (6)9,	серебро	1
Кенджде, 691	"	1
Алмалык, 692 ?	"	1
Шаш, 694 г.	"	21
Балад Отрар, 698 г.	медь	26
Отрар, 699 г.	"	2
Фараб, 699 г.	"	17
Отрар, 6*7 г.	медь	4
Андижан, без обозн. года	серебро	5

²⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 92. 1893 г., л. 15.

²⁹ Там же, л. 33—34, 34 об.

³⁰ Идентична.

Андижан, год стерт	медь	4
Бухара, год стерт	"	1
Бухара, год обрезан	серебро	5
Маргинан, б. о. г.	"	2
(неразб.), б. о. г.	"	1
Отрар, б. г.	медь	6
Ид., другой тип	"	5
Алмалык, б. г.	"	1
Алмалык, год обрезан	серебро	4
Тараз, б. г.	медь	9
Балад Тараз, г. стерт	серебро	2
Тараз, б. о. г.	"	3
Ид., другой тип	"	2
Ходжент, б. г.	"	2
Ходжент, г. стерт	"	8
Шаш, б. г.	медь	12
Кендже, г. стерт	серебро	1
Ид., другой тип	"	2
Ид., третий тип	"	4
Каш, б. г.	"	2
Ташкент, г. не виден	"	6
Ид., б. о. г.	медь	3
Бинкет, г. стерт	серебро	2
Ид., другой тип	"	1
Кашгар, г. стерт	"	5
Самарканд, г. стерт	медь	1
Балад..., б. о. г.	серебро	2
Место чек. и г. стерты	"	1
Джагатайские немые монеты	"	2
Отрар, 677—685 гг. (потерты)	"	91
Потерты джагатайские монеты	"	20
Тоже	медь	
<i>Джучиды</i>		
(анонимные)		
Крым, б. о. г.	"	1
<i>Гулагунды</i>		
<i>Аргун Хан</i>		
Базар Орду, Джумади эль Ахир, 69	серебро	1
Место чек. и год стерты	"	1
Всего		449 монет

Часть монет (215 экз.), найденных в сел. Мамаевке, была передана в Азиатский музей по следующей описи³¹ Джагатаиды (анонимные монеты), серебряные: № 1 Кендже, 677 г. (4 экз.); № 2 Балад Отрар, 677 (5 экз.); № 3 Балад Отрар, 684 (8 экз.); № 4 Балад Отрар, 685 (7 экз.); № 5 Балад Отрар, 685, другой тип (8 экз.); № 6 Балад Тараз, 686 (2 экз.); № 7 Шаш, 694 (14 экз.); № 8 Ходженде, без года (2 экз.); № 9 Ходженде, год стерт (3 экз.); № 10 Отрар, 677—685 гг. (потерты), (91 экз.); № 11 Потерты джагатайские

³¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 92, 1893 г., л. 37.

монеты (20 экз.). Медные: № 12 Балад Отрар, 684 г. (2 экз.); № 13 Место чеканки неясно 690 (3 экз.); № 14 Ходженде, 690 (3 экз.); № 15 Балад Отрар, 698 (17 экз.); № 16 Фараб, 699 (11 экз.); № 17 Тараз, без года (3 экз.); № 18 Шаш, без года (5 экз.); № 19 Потертые джагатайские монеты (7 экз.).

Судя по поддававшимся определению монетам, в кладе в подавляющем большинстве преобладали анонимные чагатайские монеты, чеканенные в Алмалыке, Бенкете, Бухаре, Кендже, Маргилане, Отраре, Самарканде, Таразе, Шаше и других пунктах. Из общего количества определенных монет (449) до 200 монет составляют монеты, чеканенные в Отраре. Характерны даты монет: от 670 до 699 г. х. или от 1271—1272 до 1299—1300 г. н. э. Представляется вероятной поэтому датировка клада временем на грани XIII—XIV вв. или началом XIV века.

14 марта 1898 г. военный губернатор СДО препроводил в ИАК 83 предмета древности, найденных Гульдмухамедовым «на местности Янгиер, Казпакской волости Туркестанского участка Чимкентского уезда СДО (шесть золотых серег, золотой витой браслет, золотой браслет с камнем, 25 золотых обломков, 3 серебряных браслета, 2 витых серебряных браслета, 2 серебряных кольца, 1 серебряная серьга, 2 серебряных перстня)»³².

В числе находок оказалось 40 целых золотых монет. В деле рукой Н. И. Веселовского написано: «Монеты, переданные в Эрмитаж: две золотые с именем: 1) Менгу, 2) Мунка хан, бита в Герате, 3) золотая с именем города Отрара. Все 50-х годов XIII ст.»³³.

23 февраля 1899 г. военный губернатор СДО послал в ИАК 2 серебряные тимуридские монеты, найденные в Карамуртовской волости Чимкентского уезда в местности Сарк-рам, по берегу р. Аксу, в конце Тирсак-сая, и 28 джагатайских медных монет, найденных в том же районе на берегу р. Аксу тем же находчиком (Байназаровым)³⁴.

30 июля 1901 г. военный губернатор СДО направил в Комиссию серебряную аршакидскую монету (драхма царя Фрата IV), найденную при земляных работах в местности Джал-

³² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 72, 1898 г., л. 1—2 (фотографии в натуральную величину; л. 3, 4); ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 78—79, 187.

³³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 72, 1898 г., л. 1. Остальные монеты были стертыми и, видимо, не поддавались определению.

³⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 54, 1899 г., л. 1—9; ОАК за 1899 г., СПб., 1902, стр. 139, 162—163.

лаули «близ древнего урочища Чаяновской волости Чимкентского уезда, в 25 верстах к востоку от станции Бугунь»³⁵.

Выделяется группа находок, сделанных разновременно в Сайрамской волости и непосредственно близ Сайрама (в сайрамской округе)—в местности, давно уже привлекавшей к себе пристальное внимание археологов³⁶.

9 августа 1882 г. КТГГ послала в ИАК 379 «серебряных восточных монет», найденных в тонком глиняном горшке на клеверном поле близ кишлака Сайрам Чимкентского уезда³⁷.

В. Г. Тизенгаузен указал, что клад содержит в себе (за исключением одной неизвестной) монеты шейбанидского хана Искандера, „царствовавшего от 968—991 гг. гиджры, т. е. 1561—1583 г. по Р. Х. На двух экземплярах сохранились годы выпуска 985 и 987. Чеканены означенные монеты в Бухаре, Самарканде и Ташкенте“³⁸.

9 июня 1884 г. военный губернатор СДО направил ИАК 42 медных монеты и найденный вместе с ними серебряный браслет, обнаруженные в сел. Сайрам Чимкентского уезда. Браслет — проба 73. По определению В. Г. Тизенгаузена, «монеты чрезвычайно потертые и не поддаются разборке, по-видимому, они иллекского чекана (XI или XII века)»³⁹.

19 мая 1898 г. военный губернатор СДО выслал в Комиссию 3 монеты, найденные «в Сайрамской волости Чимкентского уезда на местности Карамут Капка», где на глубине 2 аршин была обнаружена «сложенная из сырцового кирпича,

Рис. 1. Серебряный браслет из находки в Чимкентском уезде.

³⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 187, 1901 г., л. 1—3; ОАК за 1901 г., СПб., 1903, стр. 144, 171—172.

³⁶ Ср.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. I, М., 1965, стр. 222—223 и др.; Ср. также: П. П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк (Ташкент, 1923); Он же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама (Ташкент, 1927); М. Е. Массон. Старый Сайрам (Ташкент, 1928); А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана (Алма-Ата, 1950) и др.

³⁷ ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 240, л. 5.

³⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 23, 1882 г., л. 12—18. ИАК приобрела клад с уплатой находчику 133 р. 70 коп. (ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 240, л. 5).

³⁹ Там же, д. 18, 1884 г., л. 16—21. На л. 17 рисунок браслета, переданного ИАК в Ташкентский музей (рисовал Овсянников). См. рис. 1.

оштукатуренная и окрашенная розовой краской стена». Монеты были совершенно стертymi; одна из них — шейбанидская⁴⁰.

28 июля 1900 г. военный губернатор СДО препроводил в ИАК серебряные предметы, найденные местными жителями в местности Сайрамсу Чимкентского уезда СДО (серебряный «лом» весом 4,5 фунта). В составе клада⁴¹ находились прекрасные экземпляры витых и пластинчатых серебряных браслетов, серьги, подвески, а также (определение А. К. Маркова) «обломки дирхемов и случайных (? — Б. Л.) брактеатов буйейгидов, саманидов и илеков второй половины четвертого века гижры (961—110 г. по Р. Х.), илекский дирхем, Шаш, 394 г. гижры (1004 г. по Р. Х.), саманидская медаль, Мааден, 340 г. (951 г. по Р. Х.), две такие же медали со стертыми легендами, газневидский дирхем султана Махмуда, 388—421 гг. (998—1030 гг. по Р. Х.), газневидский дирхем султана Масуда I, 421—433 гг. (1030—1040 г. по Р. Х.)»⁴². Все монеты, таким образом, X—XI столетий⁴³ (рис. 2).

Кураминский уезд. 16 апреля 1884 г. военный губернатор препроводил в ИАК 102 серебряные монеты, найденные близ кишлака Турбата Кураминского уезда Джетисуйской волости («Две серебряные шейбанидские монеты Абдуллатифа и Кучкунджия, I половины XVI столетия. В. Тизенгаузен») ⁴⁴.

В июне 1886 г. военный губернатор Сырдарьинской области направил в ИАК 42 серебряные монеты, найденные жителем кишлака Ун Рузи Мухамедом Шариповым близ названного кишлака Аблыкской волости Кураминского уезда. По данным В. Г. Тизенгаузена, оказалось: 11 экз. бухарских монет Имам-Кули Хана 1017—1054 (1608—1644) гг., 3 экз. монет Надир-Мухаммед-хана, 1054—1057 (1644—1647) гг. и 28 экз. нечетких⁴⁵.

⁴⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 142, 1898 г., л. 1.

⁴¹ Его описание готовится нами к печати. — Б. Л.

⁴² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 192, 1900 г., л. 1, 1 об. и сл. в деле отличные фотографии клада; л. 12—17. Любопытно, что наряду с целыми браслетами клад содержал обломки серебряных предметов древности, мятые серьги, кусочки серебряной плетеной проволоки, бракованные экземпляры украшений и т. п. В двух случаях монеты с отверстиями для подвешивания; ср.: ОАК за 1900 г., СПб., 1902, стр. 124—125, 148—149.

⁴³ Что подтверждает предложенную археологами датировку витых, крученых серебряных браслетов подобного типа X—XI вв. (ср.: Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа, ИМКУ, вып. 4, 1963, стр. 117, 119).

⁴⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 18, 1884 г., л. 1—6.

⁴⁵ Там же, оп. 2, д. 31, л. 3—6. В мае 1886 г. в местности Джуран Кураминского уезда был найден клад медных монет весом в 18 фунтов. «За полной истертостью» монеты не были определены (там же, оп. 1, д. 31, л. 1—2).

9 июля 1886 г. он же направил в ИАК 5 серебряных монет, найденных Омар Назаром Диваниным в местности Крык-кири близ кишлака Якши Тиляуской волости Кураминского уезда. Монеты оказались шейбанидскими: 4 экз. чекана Абу-Саида

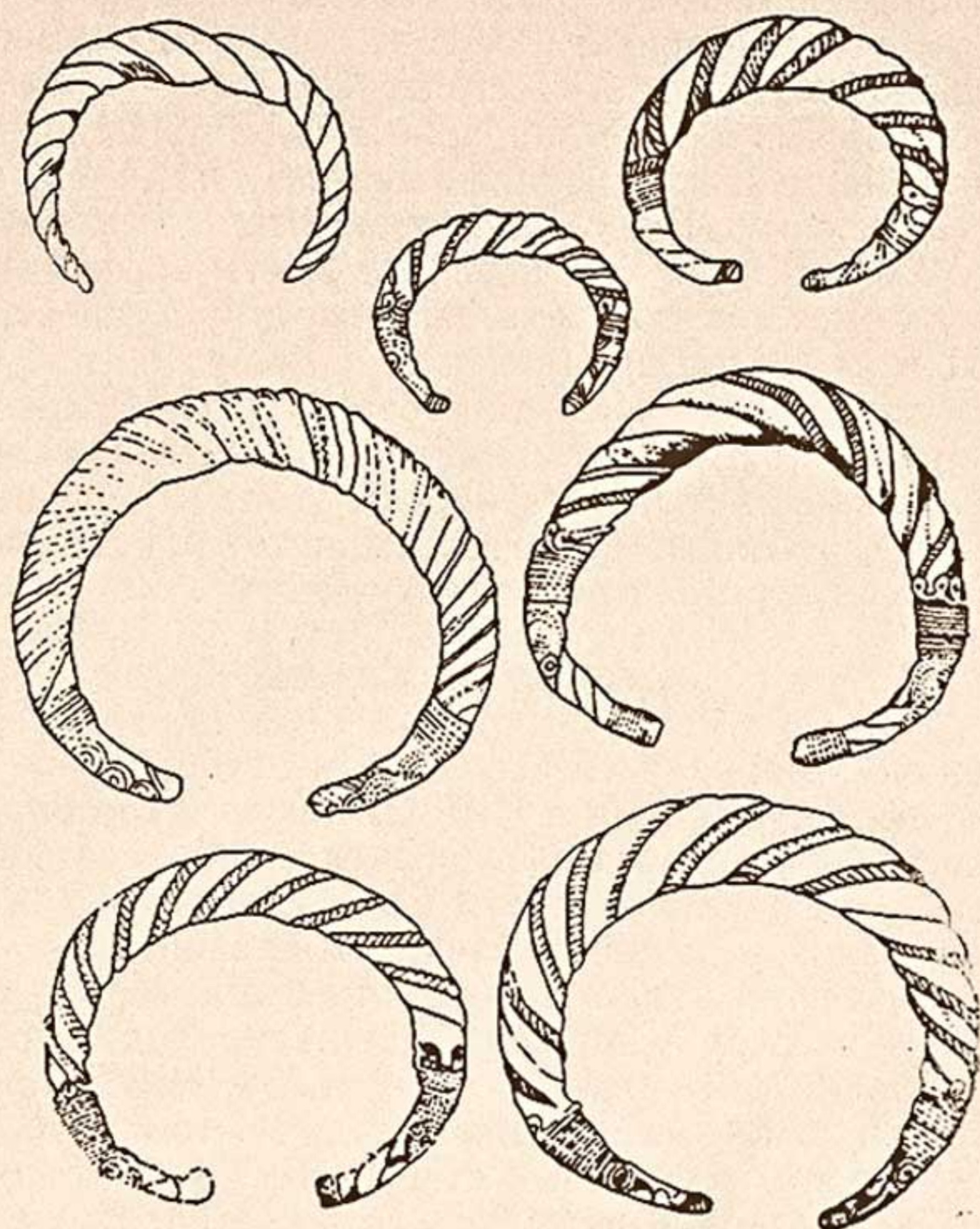

Рис. 2. Серебряные браслеты из находки в урочище Сайрамсу Чимкентского уезда Сырдарьинской области.

в Бухаре (без года) и 1 экз. Абдуллах-хана в Бухаре (940 г.)⁴⁶.

Аулиеатинский уезд. 17 марта 1883 г. КТГГ направила в ИАК слиток серебра и 11 медных монет, найденных в Аулиеатинском уезде СДО Байтемирской волости, в местности Куль-Тюбе, в 1 версте от почтовой станции Кум-арык. По данным В. Г. Тизенгаузена, «монеты (из дурного серебра) относятся к V веку мусульманского летоисчисления (= XI веку

⁴⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 7—14.

по Р. Х.) и чеканены так называемыми туркестанскими илеками или караханидами»⁴⁷.

9 февраля 1885 г. военный губернатор СДО препроводил в ИАК 10 образцов медных монет из клада весом в 1 пуд 28 фунтов, найденного Кошмурадом Тангирбеком и Медетом Тугайбаевым в сел. Манкент Чимкентского уезда. Монеты оказались шейбанидскими, XVI столетия⁴⁸.

27 июля 1885 г. он же направил в ИАК 29 медных восточных монет, найденных в Аулиеатинском уезде. По заключению В. Г. Тизенгаузена, «все эти монеты так называемые илекские XI в. Из них 3, найденные в Кум-арыке, чеканены Тогрултегином, а остальные, найденные в г. Аулиеата Бограханом. И те и другие принадлежат к числу очень редких»⁴⁹.

31 августа 1889 г. военный губернатор СДО препроводил в ИАК предметы древности, найденные жителями при самовольных раскопках в Аулиеатинском уезде. Среди вещей находились 2 серебряные восточные монеты, найденные на малом Буруле в 7 верстах от города Аулиеата⁵⁰.

ФЕРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Андижан. 13 апреля 1906 г. военный губернатор Ферганской области препроводил в ИАК 21 целую и 25 обломков золотых монет, найденных Балтыбаевым в городе Андижане на кладбище («в старое время там была крепость»), под развалившейся стеной, в разбитом глиняном кувшине.

По заключению А. К. Маркова, это были: № 1 — сельджуки Персии, Санджар (Синджар), Нишапур, год стерт; № 2—6—хорезмшахи: № 2 — Атсыз, Хорезм, 539; № 3 его же, место и год стерты; № 4 — Ала ад-дин Текеш, место стерто, год 56*; № 5—6 — его же, место и год стерты; № 7 — Ала ад-дин Мухаммед Текеш, место стерто, 59*; № 8 — эмир Нишапура Туганшах, Нишапур (?), 373 (983); илеки: № 9 — Абрахим Улуг султан, место стерто, 584 (1188); № 10—его же, место стерто, 586 (1190); № 11 — его же, Бухара, 590 (?); № 12 — его же, место стерто, 591 (1194); № 13—15 — его же, место и год стерты; № 16 — его же, Бухара, год стерт; гуриды: № 17 Мухаммед б. Сам. Герат, год стерт; № 18 — то же, место и год стерты; № 19 — Махмуд б. Сам⁵¹.

⁴⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 2, д. 20. 1883 г., л. 1—5 (имеется рисунок слитка серебра; л. 2); ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 262, л. 6, 6 об., 11.

⁴⁸ Там же, д. 19, л. 1—5.

⁴⁹ Там же, оп. 1, д. 19, л. 16.

⁵⁰ Там же, д. 57, 1889 г., л. 10, 11 об., 24.

⁵¹ Там же, д. 54, 1908 г., л. 1—5; ОАК за 1906 г., СПб., 1909 г., стр. 134, 150.

17 марта 1914 г. военный губернатор Ферганской области препроводил в ИАК 230 серебряных монет, найденных Артыкбаевым в городе Андижане во время «чистки улицы на большом базаре» (на площади базара против его мясной лавки)⁵².

По заключению специалистов Эрмитажа, это были: двести тридцать старинных восточных серебряных монет.

Тимуриды Шахрух***—1 экз.; Хусейн Байкара—Астрабад 896 (1 экз.); Герат***—1 экз., варварское подражание—1 экз.

Шейбаниды. Мухаммед Шейбани: Бухара 914 г. (1 экз.) и Самарканд 907 г. (1 экз.).

Кучкунчи. Сирмерд, Астрабад***, (1 экз.); Балх*** (5 экз.); Бухара 927 г. (1 экз.); Бухара 92* (1 экз.); Бухара 934 г. (4 экз.); Бухара*** (7 экз.); Самарканд 920 г. (1 экз.); Самарканд 934 г. (3 экз.); Самарканд*** (10 экз.).

Шейбаниды Кучкунчи. Ширмерд, Мешхед — 923 г. (1 экз.) 924 г. (2 экз.);*** (1 экз.);* 924 (1 экз.);* 934 г. (1 экз.);*, *** (1 экз.); Абу Саид, Ширмерд Бухара 937 (4 экз.); 938 (2 экз.);*** (21 экз.); Балх 938 (1 экз.); Тун*** (1 экз.); Самарканд 937 (4 экз.);*** (4 экз.); Мешхед*** (1 экз.); нет ни имени, ни года (5 экз.); Убейдулла, Ширмерд Бухара 940 г. (9 экз.); 941 г. (3 экз.); 942 г. (1 экз.); 943 г. (3 экз.); 944 г. (1 экз.); 945 г. (3 экз.); 946 г. (2 экз.); Балх 941 г. (1 экз.), *** г. (2 экз.).

Шейбаниды. Убайдулла, Ширмерд Самарканд 940 г. (8 экз.); 942 г. (6 экз.); 943 г. (2 экз.); 944 г. (2 экз.); 945 г. (1 экз.); 946 г. (1 экз.); *** г. (8 экз.); *, *, *** г. (1 экз.); Ширмерд Герат 940 г. (1 экз.); *, *, 942 (1 экз.); *, *, 943 г. (1 экз.); *, *, 945 г. (3 экз.); *, *, *** г. (7 экз.); Абдаллах I, Ширмерд Бухара *** г. (1 экз.); Балх 946 г. (1 экз.); 947 г. (1 экз.); Ташкент 946 г. (2 экз.); 948 г. (1 экз.); *** г. (5 экз.); Самарканд 947 г. (1 экз.); *** г. (8 экз.); *, 946 г. (2 экз.); *, *** г. (9 экз.); Абд ал-Латиф, Ширмерд Балх *** г. (1 экз.) и плохой сохранности (9 экз.).

Великие моголы. Бадур, Джаунпур 935 г. (3 экз.);* 933 г. (1 экз.); 935 г. (4 экз.); 936 г. (2 экз.); 937 г. (2 экз.); 93* г. (5 экз.); *, *** (4 экз.), варварское подражание (1 экз.); Мухаммед Хумаюн, Герат *** (1 экз.); *, 937 г. (1 экз.); 944 г. (1 экз.); 946 г. (1 экз.); *** г. (6 экз.). Бухархудат (ская монета) с именем халифа Махди—1 экз. Всего 230 монет»⁵³.

Коканд. 9 сентября 1891 г. Н. П. Остроумов выслал в ИАК пять серебряных монет «полученных из Коканда». Они оказа-

⁵² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 64, 1914 г., л. 1—15; ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918 г., стр. 221, 268.

⁵³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 64, 1914 г., л. 5, 6.

лись: бактрийского Эвондема (Эвидема. — Б. Л.); бухар-ху-датского; джагатайского хана Дженкши; джагатайского Су-юргатмыша и Тимура и шейбанидского Искендера⁵⁴.

Наманган. 14 октября 1894 г. КТГГ препроводила в ИАК 1 пуд 5 фунтов медных монет, найденных жителем Сардобинской части города Намангана Агалыковым во дворе, при рытье ямы. По заключению А. К. Маркова это были монеты «шейбанидской династии, битые в городах Ташкенте, Самарканде и Андижане в 955—1001 гг. гиджры (1586—1592 по Р. Х.) при хане Абдаллахе II (без его имени)»⁵⁵.

Андижанский уезд. 17 января и 4 июня 1904 г. военный губернатор Ферганской области выслал в ИАК две золотые монеты, найденные Назаркуловым во время рытья ямы на земле Фазильманского сельского общества Джалал-Абадской волости Андижанского уезда.

По заключению А. К. Маркова это были: динар хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша, битый в Мерве в 596—617 гг. хиджры (1199—1220 гг.), и илекская монета 600 г. хиджры (1203—1204 гг.)⁵⁶.

Маргиланский уезд. 4 сентября 1892 г. КТГГ направила в ИАК 79 серебряных монет, найденных при обработке земли, принадлежащей Ишану Мулла-Нур-Алиеву (селение Паласан, Алты-Аркской волости, Маргиланского уезда). По определению В. Г. Тизенгаузена клад состоял из бухарских монет Вели-Мухаммед-хана и Имам-Кули-бахадур-хана (начало XVII в.)⁵⁷.

Наманганский уезд. 31 октября 1887 г. КТГГ направила в ИАК 1 серебряную монету и 1 фунт медных монет из числа найденных рабочими Исламом, Каландаром и Темирбаем близ кишлака Яны-Курган Наманганского уезда Ферганской области на земле Нур-Мухаммед бая в кувшине. Общий вес находки составлял 1 пуд 8 фунтов. В архивах не обнаружено сведений об определении этих монет⁵⁸.

13 сентября 1889 г. КТГГ выслала в ИАК 6 золотых монет, найденных во дворе жителя селения Санг Наманганского уезда, и 6 серебряных монет, найденных на земле Абдураза-

⁵⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 145, 1891 г., л. 1—2; ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 129—130; 186—187.

⁵⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 205, 1894 г., л. 1—11; ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 58, 81.

⁵⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 22, 1904 г., л. 1—6; ОАК за 1904 г., СПб., 1907, стр. 139, 163.

⁵⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 162, 1892 г., л. 1—13; ОАК за 1892 г., СПб., 1894, стр. 170—171; ЦГА УзССР КТГГ, ф. 1, оп. 1, д. 817, л. 15.

⁵⁸ Там же, д. 49, л. 26—31.

кова — жителя Киргиз-Куранской волости Наманганского уезда. Золотые монеты (крайне потертые) предположительно принадлежали хорезмшахам VII в., а серебряные оказались чагатайскими VIII в. хиджры (в т. ч. одна термашидская 733 г.)⁵⁹.

4 сентября 1892 г. КТГГ направила в ИАК 200 медных монет, найденных в селении Пап Наманганского уезда во дворе Ишабая Атабаева. Все они оказались шейбанидскими⁶⁰.

12 декабря 1892 г. КТГГ направила в ИАК 55 серебряных монет, найденных «пастухами Ишкулом Прискуловым и Ходжа-Яр Мухаммедияровым» в местности Мурали, в Аштской волости Наманганского уезда. Они оказались (по заключению В. Г. Тизенгаузена) илекскими первой половины XI ст., чеканенными в Шаше, Узкенде⁶¹, Ахсикете и Яркенде («большею частью не изданы»)⁶². 22 монеты поступили в Эрмитаж по следующей описи, составленной А. К. Марковым 12 января 1893 года: «Узкенд, 399 — 1 экз.; Ахсикет, 400 г. — 1 экз.; Шаш, 401 — 1 экз.; Яркенд, 404 — 1 экз. (неизданная); Илак, 406 — 1 экз. (неизданная); Узкенд, 408 — 1 экз. (неизданная); Ходженд, 413 — 1 экз. (неизданная); Ахсикет, 415 — 1 экз. (неизданная); Узкенд, 416 — 3 экз. (неизданная); Узкенд, 416, другого типа — 1 экз. (неизданная), Ахсикет, 417 — 1 экз. (неизданная); Ахсикет, 418 — 6 экз.; Ахсикет, 427 г. — 2 экз. (неизданная); место и год чекана стерты (Кадер-хан) — 1 экз.»⁶³.

9 июня 1893 г. КТГГ послала в ИАК 30 серебряных монет, найденных в местности Каль (Калы)-Куза в Кепинской волости Наманганского уезда. По данным В. Г. Тизенгаузена, это были крайне стертые монеты и лишь «на некоторых можно еще с трудом прочесть имена Имам Кули-хана (1608—1644), Надир Мухаммед-хана (1644—1647). Это доказывает, что монеты эти биты бухарскими ханами аштарханидами первой половины XVII столетия»⁶⁴.

⁵⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 34, 1889 г., л. 9; ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 126—127.

⁶⁰ Там же, д. 161, 1892 г., л. 1—8; ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 4, 6, 10, «медные монеты времен Абдуллахана (1555—1594)». В письме ИАК № 1335 от 2 октября 1892 г. монеты признаны «относящимися к началу XVIII века».

⁶¹ Узгенд, Узгент на Сырдарье. — Б. Л.

⁶² Архив ЛОИА, ф. 1, сп. 1, д. 4, 1893 г., л. 1—2; ОАК за 1893 г., СПб., 1895 г. стр. 45, 120—121; ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 24—25, 29.

⁶³ Там же, л. 5.

⁶⁴ Там же, д. 111, 1893 г., л. 1—2; ОАК за 1893 г., СПб., 1895., стр. 120—121; ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 34—35, 47.

Ошский уезд. 1 июля 1911 г. военный губернатор Ферганской области выслал в ИАК 8 монет, найденных Эгиянцем в 3—4 верстах от русской части города Оша, в местности Каральтепа Имаматинского общества Ошской области («в древнем кургане»).

По данным А. К. Маркова, это были монеты тимурида Тахира II б. Абдаллаха, чеканенные в Шаше, год стерт (844—862 г. по Р. Х.) — 1441/42 — 1457/58 гг.⁶⁵.

Чустский уезд. Начальник Чустского уезда препроводил Н. И. Веселовскому 5 июля 1886 г. 3 медных монеты и 1 каменный амулет с надписью⁶⁶.

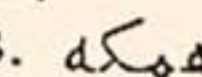
27 мая 1894 г. КТГГ выслала в Комиссию 411 серебряных монет, найденных в Ферганской области жителем селения Каракол-Чумбагим Майлиизбаскентской волости Ибрагимбаевым при рытье ямы для добывания глины⁶⁷.

По заключению В. Г. Тизенгаузена, в состав монет входили⁶⁸: «1 медная самаркандская, 13 серебряных низкопробных бухар-худатских и 397 серебряных илекских монет (954—1007 гг.).

Самаркандские: Нуха, сына Насра, Насрабад, 343 г. (1 экз.).

Бухар-худатские: трех разных видов, 13 экз.

Илекские: Узкенд, 393 г. — 17 экз.; 394 г. — 60 экз.; 395 г. — 57 экз.; 396 г. — 118 экз.; 39* г. — 44 экз.; Ахсикет: 395 г. — 11 экз.; 396 г. — 8 экз.; 397 г. — 8 экз.; неизв. — 5 экз.; Бухара: 393 г. — 13 экз.; 394 г. — 5 экз.; 395 г. — 10 экз.; 396 г. — 3 экз.

Самарканд: 394 г. — 7 экз.; 395 г. — 2 экз.; 396 г. — 2 экз., Шаш: 394 г. — 2 экз.; 395 — 1 экз. Саганиан: 395 г. — 1 экз., Тараз 396 г. — 1 экз.; 395 г. — 5 экз.; 394 г. — 5 экз.; — “ — 395 г. — 3 экз.; — “ — 396 г. — 2 экз.; — “ — 398 — 1 экз. — “ — 39* — 1 экз. 395 г. — 3 экз.; 396 г. — 1 экз. Кеш: 396 г. — 1 экз. Всего 411 экз.”⁶⁹.

⁶⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 162, 1911 г., л. 1—4; ОАК за 1911 г., СПб., 1914, стр. 90, 108.

⁶⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, 1883 г., л. 130—131 (в деле—подлинник амулета). Монеты переданы в Эрмитаж.

⁶⁷ Там же, д. 98, 1894 г., л. 1—14; ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 53.

⁶⁸ В деле имеется также составленный А. К. Марковым «Список серебряных илекских монет, отобранных для Эрмитажа» из упомянутой находки (л. 3—4, 167 экз.).

⁶⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 98, 1894 г. л. 2; ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 46, 170—171.

Самарканд и его окрестности. 26 апреля 1882 г. КТГГ направила в Комиссию 425 медных монет, найденных в 1880 г. в Самарканде: близ Шах-и-Зинда и в квартале Ургутлик⁷⁰. На отдельном листке заключение В. Г. Тизенгаузена: «Рассмотренный мною самаркандский клад 1882 года содержит 48 серебряных монет бухарского хана Абдулазиза, правившего Бухарою с 1057—1097 года гиджры и 377 медных... шейбанидских монет. Из них заслуживают сохранения 2 серебряные монеты, из которых одна бита в 1090 году и 10 медных монет, а именно — 2 экз. 899 г., 2 экз. 900 года, 2 экз. 985 г. и 4 экз. 998 года»⁷¹.

19 ноября 1884 г. КТГГ направила 193 медных и 1 серебряную монету, найденные при чистке арыка Муллою Ходжа и другими лицами в селении Челек, в 30 верстах на запад от г. Самарканда Зарафшанского округа. Данных об определении монет нами не обнаружено⁷².

17 мая 1886 г. КТГГ направила в ИАК 8 экз. древних серебряных украшений, найденных Намаз-Бухари в местности Наузарин в окрестностях Самарканда. «Украшения» оказались «индоскифскими» монетами⁷³.

28 августа 1886 г. КТГГ направила в Комиссию 228 медных монет, найденных в том же месяце в арыке при работах в доме самаркандского жителя Муши Ниязова. По заявлению В. Г. Тизенгаузена, «монеты эти шейбанидские, чеканенные преимущественно в Самарканде (только 1 ташкентская и 2 бухарские) в 1-ой четверти X века мусульманского летоисчисления, т. е. конца 15-го и начала 16-го столетия по Р. Х.»⁷⁴

31 мая 1888 г. КТГГ направила в ИАК 2 серебряные и 26 медных монет, найденных Ирназаровым при земляных работах в старой части города Самарканда. Серебряные монеты оказались, по определению В. Г. Тизенгаузена, тимуридскими (Шахрух и Абу Саид), медные (плохой сохранности) шейбанидскими, чеканенными в Самарканде⁷⁵.

1 сентября 1888 г. КТГГ направила в ИАК 10 древних золотых монет, найденных во дворе Бабаджана в квартале Махтуми-Харазм в Самарканде, на глубине 1/2 аршина, в глиняном кувшине. Находку «сохранил и представил Мирза Буха-

⁷⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 23, 1882 г., л. 1—10.

⁷¹ Там же, л. 3.

⁷² Там же, д. 20, 1883 г., л. 6—7.

⁷³ Там же, д. 34, л. 1—4.

⁷⁴ Там же, л. 15—21.

⁷⁵ Там же, д. 36, л. 1.

рин Абдуллаев»⁷⁶. По заключению В. Г. Тизенгаузена, монеты оказались бабуридскими. 1 экз. Мухаммеда Хумсати, чеканенный в Кабуле, 952 г., 9 экз., его же, без года и места чеканки⁷⁷.

27 сентября 1889 г. КТГГ выслала в Комиссию 56 серебряных монет, найденных в Самарканде «в земле». Это были монеты бухарского Субхан-Кули-хана⁷⁸.

В ОАК за 1897 г. имеется указание: «Город Самарканд. 1 серебряная сасанидская монета V века и медная джагатайская монета XVIII века»⁷⁹.

10 марта 1898 г. военный губернатор Самаркандской области выслал в ИАК найденную в Самарканде «медаль» и просил сообщить о ее назначении.

Комиссия ответила, что это «стеклянный медальон с арабской надписью, прочесть которую оказывается затруднительным. Если допустить обратное изображение букв, то надпись допускает чтение Хасан. В развалинах Афрасиаба попадались совершенно подобные этим амулеты с арабскими надписями, иногда представляющими имена первых халифов»⁸⁰.

В ОАК за 1899 г. даны такие сведения: «Самаркандская область. Город Самарканд. 3 глиняные гроба и золотая пластинка с варварским подражанием монетам императора Феодосия (?) из еврейского квартала города»⁸¹.

16 сентября 1905 г. Н. Н. Пантусов послал в ИАК медную монету, найденную в Самарканде, — «илека Джелал ад-дин Кадерхана»⁸².

2 марта 1914 г. Самаркандское областное правление препроводило в ИАК 30 целых и 3 обломка золотых монет, найденных «при разработке дороги на подъеме ее против мечети Хазрети-Хызр на склоне Афрасиабова городища в городе Самарканде». Монеты «лежали кучкой под каменной плитой».

По данным специалистов Эрмитажа, это были: **хорезмшахи**: № 1—Иль Арслан б. Атсыз, Хорезм, 563 г.; № 2—его же (неразборчиво); № 3—Текеш б. Иль-Арслан 5*2 г.; **илеки**

⁷⁶ О нем см.: Б. В. Л у н и н. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари, ОНУ, 1963, № 6, стр. 32—40.

⁷⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 6.

⁷⁸ Там же, д. 34, 1889 г., л. 16. В ОАК за 1889 г. (СПб., 1891, стр. 122—123) такие данные: «Город Самарканд, 53 серебряных и 30 медных бухарских монет XVII ст.».

⁷⁹ ОАК за 1897 г., СПб., 1900 г., стр. 72, 182—183.

⁸⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 77, 1898 г., л. 1—2.

⁸¹ ОАК за 1899 г., СПб., 1902 г., стр. 139, 162—163. Подробности находки см.: Б. В. Л у н и н. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 179—180.

⁸² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 126, 1905 г., л. 4.

Туркестана: № 4—Клыч Тамгач-хан, Самарканд*; №№ 5—6 — его же, 55*г.; № 7—17 — его же (место чекана и годы неясны); № 18—19 — Гияс ад-дин Мухаммед б. Масуд, *, *; № 20—21 — Нусрет ад-дин Ибрахим Арслан, *, *, 57*; №№ 22—23 — его же (место чекана и год неизвестны), остальные — «илеки плохой сохранности»⁸³.

Самаркандская область. 16 мая 1884 г. военный губернатор СДО направил в Комиссию золотую монету и обломки монет, найденные в Джизакском районе Ходжентского уезда Садыком Кучумбаевым. Это были монеты хорезмшахов XIII в.⁸⁴

Летом 1886 г. близ кишлака Нау-Зин Джумабазарской волости Зарафшанского округа было найдено 60 серебряных монет. Находка последовала при расчистке Тегерман-арыка вблизи «Мазар-кургана» и была обнаружена Бесматом Хуштбевым, Сафаром-ходжа Алиевым и Турды Алибек Алиевым. По определению В. Г. Тизенгаузена, оказалось, что из 60 тимуридских монет имеется: «10 экз. султана Махмуда и эмира Тимура 790—800 (1388—1397) гг. без имени монетного двора, их же, с именем монетного двора: Касан — 1 экз., Багдад — 1 экз., Йезд (791 г.) — 1 экз., Герат — 1 экз. Одного Тимура», 800—807 (1397—1404) гг., 45 экз. Мухаммед Джехангира и Халиль-Султана 807—812 (1404—1409) гг.»⁸⁵.

6 июля 1887 г. КТГГ направила в ИАК две золотые монеты хорезмшахов, найденные в сел. Нуш Даульской волости Самаркандского уезда Нурматов Батабаевым⁸⁶.

20 августа того же года КТГГ послала в комиссию 3 золотых монеты, найденных в сел. Башира Искандеровской волости Самаркандского уезда Рахмат Саигиновым и Мухаммед-Карим Мухаммед-Шарифовым. Это были монеты хорезмшаха Текеша (1) и хорезмшаха Мухаммеда (2)⁸⁷.

24 июня 1889 г. КТГГ послала в Комиссию 32 серебряных монеты, найденные в аксакальстве Димишин-Паян Ангарской волости Самаркандского уезда. Монеты были крайне плохой сохранности: джучидские и тимуридские⁸⁸.

29 сентября 1889 г. КТГГ направила в ИАК 388 медных монет, найденных в кишлаке Челек Самаркандской области во

⁸³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 78, 1914 г., л. 1—6; ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918, стр. 221, 263.

⁸⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 18, 1884 г., л. 7—15.

⁸⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 8—14.

⁸⁶ Там же, д. 49, л. 8—12.

⁸⁷ Там же, д. 49, л. 13—17.

⁸⁸ Там же, д. 3, 1889 г., л. 4; см. ОАК за 1889 г. (СПб., 1891, стр. 122—123), где находка в местности Димишин-Паян характеризуется другими данными: «354 серебряные золотоордынские монеты XIV ст.».

дворе дома народного судьи. То были медные шейбанидские монеты X в. хиджры⁸⁹.

11 сентября 1891 г. КТГГ направила Комиссии 47 золотых монет, найденных Хал Мирзой Мухаммед Салиховым при полевых работах в селении Тутин Ишим-Аксакской волости Самаркандского уезда. Они оказались бухарскими монетами: 1) Абу-л-Фейза Мухаммеда 1158 г.—1 экз.; 2) Абд ал-Мумина Мухаммеда 1160 г.—3 экз.; 3) его же, без обоз. года—5 экз.; 4) Мухаммед-Рахима без года—2 экз.; 5) Абулгази Мухаммеда 1194 г.—8 экз.; 6) его же, 1181—7 экз.; 7) его же, без года—21 экз.⁹⁰

4 октября 1896 г. КТГГ препроводила в ИАК 4 золотых монеты и 3 слитка золота, найденные народным судьей 1-го участка Ата-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области Мурадбеком Рысбековым на поверхности холма в местности Давлет-Кудук, вблизи аула № 1⁹¹. Они оказались монетами сасанидского царя Варахрана V.

18 ноября 1897 г. военный губернатор Самаркандской области выслал в ИАК 1 золотую и 11 мелких обломков золотых монет, найденных в урочище Танге-Танды Катта-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области при распашке поля. «Монета, — писал Тизенгаузен, — так потерта, что на ней не видно ни места, ни года чеканки; сохранилось только имя Алаэддина (Али ад-дина.—Б. Л.) Абу-л (Фатха), т. е. хорезмшахского султана, царствовавшего в XII ст. по Р. Х.»⁹².

10 ноября 1900 г. КТГГ выслала в ИАК 256 серебряных монет, найденных Батыровым на своем гумне близ кишлака Джаланды Богдакской волости, Джизакского уезда, Самаркандской области.

По заключению А. К. Маркова, это были анонимные чагатайские дирхемы, битые в Бухаре, Шаше и Самарканде в 685—703 гг. хиджры (1286—1304 гг.)⁹³.

⁸⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 34, 1889 г., л. 22; ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 122—123.

⁹⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 153, 1891 г., л. 1—9. Определение В. Г. Тизенгаузена, ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 132, 184—185.

⁹¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 194, 1896 г., л. 1—20, на л. 18 рукой В. Г. Тизенгаузена: «монеты... приписываются царю Варахрану V-му, царствовавшему в 420—440 гг по Р. Х. и принадлежавшему к династии Сасанидов. Особой даты (на них) не имеется»; ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 135, 244—245. Ср.: ЦГА УзССР, КТГГ, ф. 1, оп. 11, д. 817, л. 90.

⁹² Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 265, 1897, л. 1 сл.; ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 71, 180—181.

⁹³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 242, 1900 г., л. 1—28; ОАК за 1900 г., СПб., 1902, стр. 124, 148—149.

12 марта 1908 г. Катта-Курганский уездный начальник выслал в ИАК 6 золотых (?) монет, найденных в кувшине в селении Пейшамбе Катта-Курганского уезда, на еврейском кладбище (Самаркандская область). По заключению А. К. Маркова, это были монеты сельджукидов Персии: Мелик-Шаха, место и чекан стерты (4 экз.), Санджар-шаха, место и чекан стерты (1 экз.) и джанидов (аштарханидов), Джани Мухаммеда, места (чекана) и года не видно⁹⁴.

В ОАК за 1913—1915 гг. значится: «Самаркандская область, Катта-Курган (приобретение). 3 серебряные монеты, илека Али б. Эль-Хасана 1031—1034, Кокандского хана Мухамед-али 1823 г. и медная саманида Нуха 786 г.»⁹⁵.

7 апреля 1915 г. Самаркандское отделение жандармского полицейского управления Среднеазиатской железной дороги препроводило в ИАК 4 серебряные монеты (в кувшине), найденные в полосе Бухарской железной дороги (на пикете № 326, верста 32, близ станции Гузар). Большинство монет разошлось по рукам. Это были (данные А. К. Маркова): омейядский анонимный дирхем (Васит, 86 г.), 3 аббасидских дирхема 793—799 гг.⁹⁶.

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ

В 1888 году при производстве инженерных работ на возвышенности около Бухарского города Карки (Керки) на берегу р. Амударьи, около Каркинской переправы, были найдены предметы древности и монеты, переданные начальником самаркандской инженерной дистанции Павловым в дар ИАК, а именно: 2 золотых монеты; 31 серебряная монета (поврежденных); ступка металлическая (медная); пестик металлический (медный); глиняный сосуд (сломанный)⁹⁷; металлический котел круглый (медный); металлический таз многогранный (медный)⁹⁸.

По определению специалистов, 2 золотых монеты оказались «индоскифскими», а 31 серебряная монета — сасанид-

⁹⁴ Архив ЛОИА ф. 1, оп. 1, д. 37, 1908 г., л. 1—4; ОАК за 1908 г., СПб., 1912, стр. 186, 206.

⁹⁵ ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918, стр. 221, 263.

⁹⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 53, 1915 г., л. 1—8 (в деле — фото кувшина; л. 12); ОАК за 1913—1915 гг., Пгр., 1918, стр. 221, 263 (в Отчете: «анонимная омайядская монета 705 г. хиджры»).

⁹⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 23—25. В архиве имеются рисунки (сосуд и ступка с пестиком, котел и таз).

⁹⁸ Там же, л. 18—39; ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 88.

скими Варахрана V (27 более или менее сохранившихся, остальные в обломках)⁹⁹.

25 ноября 1892 г. житель Бухары К. Пейрос предложил ИАК приобрести у него серебряные монеты, «которые он достал в Бухаре». Это были (заключение А. К. Маркова) 2 монеты бухар-худатов и 1—бактрийская¹⁰⁰.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Амударьинский отдел. В отчетах ИАК значатся такие данные: «Монетный клад, найденный в Хивинском ханстве, из 160 серебряных монет, чеканенных в первой половине XV ст. при Шахрухе, внуке Тимура, в разных городах Персии и Средней Азии»¹⁰¹.

«Золотые и серебряные разные печати хивинских ханов и коллекция железных штампов для чеканки хивинских монет»¹⁰².

В 1890 г. в РГО начальником почтово-телеграфного отделения К. И. Ченчеровым была доставлена серебряная монета, «найденная в развалинах крепости Даяхатына, в хивинских владениях, на левом берегу Амударьи, в 235 верстах от Петро-Александровска и в 163 верстах от Чарджуя». По заключению Н. И. Веселовского, это была монета бухар-худатов.

Таковы учтенные нами данные архива б. Императорской Археологической Комиссии о паспортизированных по месту обнаружения находках древних монетных кладов и отдельных монет на территории Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, а также на территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата¹⁰³.

⁹⁹ В архиве имеются фотографии 8 экземпляров монет (л. 36а, 37). ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 88 (В Отчете значится «36 серебряных сасанидских монет» и отдельно еще одна находка серебряной сасанидской монеты в той же местности).

¹⁰⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 204, 1892 г., л. 1—4, 4 аб.

¹⁰¹ ОАК за 1874 г., СПб., 1877, стр. XXIII.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Данные по ханству и эмирату крайне скупы, что должно быть объяснено не редкостью монетных находок на их территории, а скудностью информации на сей счет, поступавших до революции из этих вассальных владений России.

М. Н. ФЕДОРОВ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ САГАНИАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.

Средневековый Саганиан был расположен в долине Сурхандарьи в Южном Узбекистане. Столица Саганиана носила то же название, что и область, и находилась неподалеку от современного Денау.

Во времена Саманидов эта область управлялась полунезависимыми правителями из династии Мухтаджидов, которые наряду с владельцами Хорезма и Исфиджаба входили в число наиболее могущественных вассалов саманидских эмиров.

В конце X в. ослабленное внутренними противоречиями саманидское государство стало легкой добычей для тюркских кочевых племен. В октябре 999 г. Бухара была взята войсками Насра ибн Али, основоположника караханидской династии в Мавераннахре.

Сочинения средневековых историков дают очень скудные сведения об истории Саганиана первой половины XI в., поэтому данные нумизматического характера являются для нас источником первостепенной важности.

Судя по монетным данным, Саганиан после караханидского завоевания продолжал сохранять свое полунезависимое положение. Причем Саганиан пользовался еще большей свободой, чем это было при Саманидах. Во всяком случае, правитель Саганиана имел право на выпуск монеты.

В 395¹, 396², 397³ и 398⁴ гг. х. в Саганиане чеканил монету правитель Музафар Кийа. Он признавал себя вассалом Насра ибн Али, помещая его титул и почетное прозвище на

¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 207, № 130.

² Из поступлений за июнь 1965 г. в Ташкентский музей истории.

³ S. Lane Poole. Catalogue of Oriental coins in the British museum, vol. II, London, 1876, p. 12¹, No 433.

⁴ Из поступлений за июнь 1965 г. в Ташкентский музей истории.

своих дирхемах. Интересна и дата первого выпуска монет — 395 г. х. Именно в 395 (в начале 1005 г.) был убит последний саманидский претендент на престол Мунтасир. Осторожный Музафар Кийа, видимо, пристально наблюдал за борьбой Насра и Мунтасира и лишь тогда, когда не осталось никаких сомнений в исходе борьбы, поспешил с выпуском монет, на которых он признал себя вассалом Насра. Чекан таких монет продолжался до 398/1008 г., когда в решающей битве под Балхом войска Махмуда Газневидского разгромили армию Караханидов. После этого Саганиан на некоторое время, очевидно, вышел из сферы влияния караханидских правителей.

Следующим звеном в цепи сведений по истории Саганиана начала XI в. являются две очень редкие медные монеты, битые в Саганиане в тот период. Монеты эти весьма плохой сохранности, хранятся в Государственном Эрмитаже (одна — в бывшей коллекции Азиатского музея, вторая — в коллекции Е. А. Пахомова).

Монета Азиатского музея впервые была опубликована Х. М. Фрэном в 1826 г., а затем Б. Дорном в 1880 г.⁵ Х. М. Фрэн воздержался от датировки, а Б. Дорн датировал монету 431 г. х. Автор этих строк при всем желании такой даты на монете не обнаружил. Да это и не может быть 431 г. х., ибо, начиная с 430 по 434 г. х., в Саганиане чеканит монету Ибрахим Бури Тегин, о чем речь пойдет несколько ниже.

При внимательном рассмотрении даты можно установить, что она состоит из двух, а не из трех слов: из числа единиц и числа сотен. Слово четыреста читается довольно разборчиво. От слова, обозначающего число единиц, осталось три равных по высоте, близко расположенных зубца. Это может быть или ست — шесть, или سبع — семь, или تسع — девять. Автор предлагает дату 406 или 407 г. х. На этой монете саганианского правителя есть титул и лакаб Шемс ад-Доуле Хан Илек, принадлежавший караханидскому правителю Мухаммаду ибн Али. Об этом свидетельствуют многие монеты, в частности дирхемы, битые в Усрушане в 407 г. х. В поле аверса этих монет дана следующая надпись: Шемс ад-Доуле Хан Мухаммад ибн Али Илек. В 409 г. х., когда Мухаммад Ибн Али был уже верховным правителем, он носил другой титул — Арслан Хан⁶.

⁵ Chr. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum..., S.-Pb., 1826, s. 128, No 64; B. Dorn. Über die münzen der Ilike oder ehemaligen chane von Turkestan, Melanges Asiatique, t. VIII. S.-Pb., 1880, s. 730, No 100.

⁶ Самаркандский музей истории, культуры и искусства народов Узбекистана, инв. № 4235, 4236, 4353—4361.

На аверсе описываемой монеты⁷, в поле, в ободке из переплетенных колечек: *جان/شمس . الدولة/ايلگ* В круговой легенде: *بسم الله ضرب هذا الفلاس بالصقانيان سنة ... اربعماية:* Реверс, в поле, в таком же ободке: *منصور*. В круговой легенде: *معا امر به الامير... فخر الدولة احمد بن محمد*

Итак, в 406 или 407 г. х. саганианский правитель помещал на своих монетах титул и лакаб караханида Мухаммада ибн Али, признавая его своим сюзереном. Каково же имя самого саганианского правителя? Помимо титула и лакаба сюзерена, на монете два имени—Мансур и Фахр ад-Доуле Ахмад ибн Мухаммад. Какое же из них принадлежит саганианскому правителю решить в настоящий момент трудно. Во всяком случае мы можем утверждать, что в 406 или 407 г. х. в Саганиане был свой полунезависимый правитель, чеканивший монету на правах вассала караханида Мухаммада ибн Али.

Дальнейшие сведения по истории Саганиана нам предоставляют два клада, хранящиеся в Термезском краеведческом музее, и один клад монет из Ташкентского исторического музея.

Ш и р а б а д с к и й к л а д. Найден 2/III—1946 г. в колхозе «Иттифак» Ширабадского района, примерно в 45—50 км от Термеза. Клад состоит из 805 целых и 164 ломаных низкопробных дирхемов. Монеты клада выпущены между 417 и 434 г. х.

С а л а в а т с к и й к л а д. Найден в марте 1964 г. в поселке Салават Термезского района, примерно в 14 км к востоку от городища древнего Термеза. Клад состоит из 442 целых дирхемов, 32 крупных и 145 мелких обломков. Выпущены дирхемы между 416 и 422 г. х.

К о к т а ш с к и й к л а д. Найден в мае 1931 г. в местности Кокташ в Таджикистане. Состоит из 60 монет, из них 56 биты в Саганиане примерно в то же время. Одна монета дает дату 425 г. х.

Между 406 или 407 и 416 г. х. получается лакуна в 9 лет. Об этом времени мы можем сказать лишь то, что Саганиан, очевидно, по-прежнему сохранял свое полунезависимое положение.

В 416 и 417/1026 г. в Саганиане чеканят монеты, у которых на аверсе помещен титул и лакаб Насыр ал-Хак Хан. Многие говорят за то, что оба они принадлежали Насру ибн

⁷ Государственный Эрмитаж, коллекция бывшего Азиатского музея, планшет № 40, ряд седьмой, № 46.

Али, который умер в 403 г. х.⁸ Появление титула и лакаба Насра ибн Али на монетах правителя Саганиана может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, лакаб и титул покойного Насра помещены на дирхемах Саганиана в качестве титулатуры сюзерена. Прием не новый и не оригинальный: признавая себя вассалом покойного государя, удельный правитель избегал необходимости признавать сюзереном кого-либо из его живых наследников. Оставаясь фактически свободным, правитель Саганиана юридически считался вассалом.

Во-вторых, титул и лакаб Насра ибн Али приняты на себя самим правителем Саганиана. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что на некоторых монетах титул Насыр ал-Хак Хан выбит петитом под легендой аверса, а не как последняя (четвертая) строка легенды в поле. Во всяком случае само принятие титула и лакаба говорит о политических симпатиях правителя Саганиана.

В 418/1027—1028 г. старый тип монет исчезает, ему на смену приходит новый — анонимный. На этих монетах нет ни имени, ни куньи, ни титула, ни лакаба правителя, а только лакаб двух халифов Ал-Кадыр би-ллаха (до 422) и Ал-Каюм би-Амр-иллаха (до 424). Этот тип монет выпускался в течение 7 лет с 418 по 424 г. х. Появление его связано с каким-то изменением в расстановке сил на международной арене, или с каким-то событием внутри самой области. Интересно, что правители Саганиана в связи с изменившейся обстановкой не отказались от выпуска монеты вообще, а лишь ограничились чеканом анонимной монеты, не помещая ни своего имени или титула, ни кого-либо иного из современных им правителей. Заслуживает внимания тот факт, что сама прерогатива чекана осталась за правителями Саганиана. Значит, Саганиан продолжал пользоваться относительной самостоятельностью.

Выпуск такого рода монет можно рассматривать как отражение своеобразной политики нейтралитета. Не исключено и такое предположение: в период с 418 по 424 г. х. будущий правитель Саганиана был еще очень мал, и правящий в это время регент по каким-то соображениям предпочел выпуск анонимной монеты.

В 424/1032—1033 г. на смену второму типу монет приходит третий. На новых монетах помещена кунья и титул правителя: Ал-мелик ал-Аадл Абу-л-Касым — «князь справед-

⁸ М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента, ИМКУ, вып. 5, 1964, стр. 105, 108.

ливейший Абу-л-Касым». Эти монеты, по известным нам данным, чеканились до 428/1036—1037 г.

В «Истории Мас'уда», написанной в XI в. одним из придворных Мас'уда Абу-л-Фазлом Бейхаки, правитель Саганиана Абу-л-Касым упоминается дважды. Первый раз он упомянут в летописи 426 г. х., когда Саганиан подвергся нападению и разграблению со стороны врагов Мас'уда Газневидского, правителей Бухары и Самарканда — сыновей Али Тегина. Правитель Саганиана Абу-л-Касым (между прочим здесь сообщается, что он был зятем Мас'уда Газневидского) бежал в Кумед (бассейн Каратагдарьи и верховья Кафирнигана) и укрылся там⁹. Другой раз — в летописи 426/1034—1035 г. говорится, что сыновья Али Тегина снова вышли в поход против Термеза и Саганиана и даже сделали три дневных перехода от Самарканда, когда до них дошли вести, что саганианский эмир Абу-л-Касым набрал много войска из народов кемеңджа и кумиджиев и что на помощь к нему пришел газневидский полководец Али. Узнав об этом, сыновья Али Тегина устрешились и повернули вспять¹⁰.

Дальнейшая судьба Абу-л-Касыма известна нам благодаря его монетам. Мы знаем, что он еще правил Саганианом в 428/1036 г.

Средневековые историки не дают нам никаких сведений о происхождении Абу-л-Касыма. Абу-л-Касым умер где-то между 428 и 430 г. х. В «Истории Мас'уда» сообщается, что, сбежав из плена от сыновей Али Тегина, сын Насра ибн Али Ибрахим ибн Наср Бури Тегин захватил в 430 г. х. Саганиан. Оправдывая свои действия, Бури Тегин писал Мас'уду Газневидскому, что «поскольку владелец Саганиана помер молодым и сына от него не осталось, он (Бури Тегин) пошел и с поддержкой кумиджиев занял Саганиан» и что «между ним (Бури Тегин) и сыновьями Али Тегина поднялась очень сильная и открытая вражда»¹¹. Скорее всего здесь идет речь именно об Абу-л-Касыме, который, судя по нумизматическим данным, вступил на престол в 424 г. х. и, очевидно, был довольно молод.

Дальнейшая судьба Саганиана также в значительной мере освещена данными нумизматики. Захватив Саганиан и превратив его в плацдарм и источник ресурсов, Бури Тегин начал войну против сыновей Али Тегина, отец которых в 415 г. х.

⁹ Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда, пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 411.

¹⁰ Там же, стр. 435.

¹¹ Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда, стр. 504.

узурпировал владения родственников Насра ибн Али. С помощью туркмен Бури Тегин нанес сыновьям Али Тегина несколько поражений и к 433 г. х. уже отвоевал у них Бухару, где стал чеканить монету от своего имени¹². Все эти годы вплоть до 434/1042 — 1043 г. Саганиан находился в руках Бури Тегина, причем монетный двор Саганиана работал с небывалой нагрузкой.

Так, за период с 430 по 434 г. х. саганианский монетный двор выпустил 17 различных типов дирхемов. Такая интенсивность работы монетного двора вполне понятна: вступив в ожесточенную борьбу с сыновьями Али Тегина, Ибрахим ибн Наср нуждался в огромных денежных средствах для покрытия военных расходов и в первую очередь для выплаты жалования своим войнам. Единственным источником чеканной монеты для Ибрахима ибн Насра был монетный двор Саганиана, который и работал с небывалой до сих пор интенсивностью.

Однако для времени после 434 г. х. нет ни одной монеты, битой Бури Тегин в Саганиане. Да это и нетрудно объяснить. К этому времени Бури Тегин успел сколотить в Мавераннахре довольно значительный удел, в состав которого входили Кеш¹³, Бухара¹⁴ и определенная часть самаркандского Согда¹⁵. Во всех перечисленных пунктах уже работали монетные дворы, выпускавшие продукцию от имени Бури Тегина. К 434 г. х. после разгрома Мас'уда сельджуками и его смерти власть находилась в руках его сына Маудуда. Положение на время стабилизировалось и даже улучшилось для Газневидов. Балх и Термез остались в руках Маудуда и «царь тюрок в Мавераннахре» (по предположению В. В. Бартольда, это был Бури Тегин) выразил покорность Маудуду¹⁶. Вероятно, так оно и было. Завоевав себе удел в Мавераннахре, Бури Тегин, однако, еще не покончил с сыновьями Али Тегина, которые в это время, очевидно, удерживали Самарканд и часть других владений. Поэтому самым разумным со стороны Бури Тегина было установление дружественных отношений с Маудудом, чтобы обезопасить себе тылы и развязать руки для продолжения войны с сыновьями Али Тегина. В этих условиях, если потребовалось бы, Бури Тегин мог уступить и, очевидно, уступил Саганиан Маудуду.

¹² А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 256, № 399, 400.

¹³ Там же, стр. 255, № 396.

¹⁴ Там же, стр. 256, № 399, 400.

¹⁵ Там же, стр. 884, № 398а.

¹⁶ В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 366.

В Ширабадском кладе Термезского музея, помимо 802 монет, битых в Саганиане между 417 и 434 г. х., имеется еще 28 монет. Дата на некоторых из них 4?4 г. х. На этих монетах выбиты уже не имя и титул или лакаб Бури Тегина, а имя и лакаб Маудуда в следующем варианте: Шихаб ад-Доуля Маудуд (ярчайшая звезда государства Маудуд). Поскольку Маудуд правил между 432/1041 — 1042 и 439/1047—1048 г., то единственная приемлемая дата этих монет — 434 г. х. Название города на этих монетах, к сожалению, не сохранилось, но мы не удивились бы, если бы прочли здесь Саганиан.

То обстоятельство, что в 434 г. х. навсегда прекращается чекан Бури Тегина в Саганиане, что последний изъявил покорность Маудуду и, наконец, поразительная однородность Ширабадского клада, состоящего почти исключительно из монет Саганиана,—все это говорит в пользу того, что перед нами саганианский чекан Маудуда и что Саганиан в 434/1042 — 1043 г. снова, хотя и на небольшое время, попал в сферу влияния Газневидов.

Термез перешел к сельджукам скорее всего во второй половине сороковых годов XI в., а Балх окончательно перешел к сельджукам только в 1059 г.¹⁷ После потери Балха и Термеза Газневиды лишились, очевидно, своих позиций и в Саганиане с Хуталлем. Однако эти области отказались подчиняться и сельджукам: их правители организовали восстание, которое было подавлено только в 1064 г. Причем саганианский эмир Муса был казнен¹⁸. После этого Саганиан окончательно вошел в состав империи сельджуков.

Такой в свете исторических сведений с привлечением данных нумизматики представляется нам история Саганиана в первой половине XI в.

¹⁷ В. В. Бартольд. Указ соч., стр. 367.

¹⁸ Ибн ал-Асир. X, 22, пер. С. Волина, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 374.

Р. З. БУРНАШЕВА

КОШРАБАДСКИЙ КЛАД БУХАРСКИХ
И РУССКИХ МОНЕТ
(середина XIX — начало XX в.)

В 1962 г. во время полевых археологических работ по изучению водохранилища Абдуллаханбанди (XVI в.) в кишлаке Рабат Самаркандской области Нуратинского района старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН УзССР А. Р. Мухамеджановым был найден клад бухарских и русских серебряных монет¹.

Монетный материал находился в двух кувшинах. Бухарские монеты общим числом 205 шт. представлены чеканкой эмиров: Насруллы, Музаффара и Абдулахада. Самая ранняя монета датируется 1247 г. х. (1831—1832) и поздняя 1319 г. х. (1901). Число русских биллонных монет составляет 296 шт., причем среди них находились и 2 иранских динара 1326 г. х. (1908). Русское серебро было достоинством от 10 до 20 копеек 1873—1916 гг. По самой последней монете клад датируется 1916 г. Интересно отметить, что в денежном обращении Самаркандской области в 1916 г. были серебряные теньги еще правления эмира Насруллы (1831—1832).

В мае Самарканд, в результате поражения бухарского эмира Музаффара, был взят русскими и вошел в состав генерал-губернаторства Зарафшанского округа, преобразованного в 1886 г. в Самаркандскую область. Несмотря на это, бухарское серебро в Самарканде пользовалось большим спросом. Корреспондент газеты «Туркестанские ведомости» сообщает, что «Самарканд в настоящее время наводнен бухарскими теньгами и русским разменным серебром»², причем курс теньги в Самарканде полностью был согласован с курсом в Бухаре³. Виды бухарских монет приведены в табл. I.

¹ Автор выражает глубокую признательность А. Р. Мухамеджанову за предоставленный материал.

² «Туркестанские ведомости», 1891, № 21, стр. 83.

³ ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 136, лл. 39—46.

Все бухарские теньги клада имеют одну и ту же надпись в честь покойного эмира Хайдара. На л. с. *امير حيدر* (да будет славен в будущей жизни покойный эмир Хайдар) и дата. На об. с. указывается место чеканки монеты: *ضرب بخارى شريفى* (чеканка благородной Бухары) и дата. Такое предпочтение эмира Хайдара его потомками, вероятно, можно объяснить тем, что он был первым чингизидом из династии Мангытов.

Т а б л и ц а 1

Правитель	Дата чеканки	Количество	Правитель	Дата чеканки	Количество
Насрулла 1825/26— 1860/61	1247	1	Абдулахад 1886/87—1910/11	1298	7
	1255	1		1299	8
	1258	1		1300	7
	1264	1		1301	3
	1275	2		1301/1299	4
	1276	2		1304	5
Музаффар 1860/61— 1886/87	1277	4		1304/1303	3
	1278	9		1305	4
	1279	3		1305/1304	1
	1280	7		1306	25
	1281	6		1307	2
	1281/1280	1		1307/1306	1
	1282	2		1308	10
	1283	3		1310	15
	1284	1		1311	8
	1291	1		1311/1310	2
	1294	2		1319	1
	1296	7			
	1296/1294	1			
	1297	5			

Неизменность надписи при наличии технических дефектов усложняет определение монет. 38 тенег клада остались неопределенными. На некоторых из них видны только первые две цифры даты, на других — дата полностью отсутствует из-за неустойчивости штемпелей при чеканке. А третьи совершенно стерты от чрезмерного употребления (рис. 1).

При чеканке монет ручным способом один из штемпелей укреплялся неподвижно, а другой, верхний, наставлялся на подложенный монетный кружок и по нему ударяли, вероятно, молотом. Поэтому часто верхний штемпель изнашивался го-

раздо быстрее, чем нижний. Монеты мангытского чекана, в частности серебряные теньги, имели разные даты на лицевой и оборотной сторонах. Исследователь бухарских монет В. В. Вельяминов-Зернов заметил эту особенность, но объяснил ее как случайное явление. Он считал, что на Бухарском монетном дворе старые штемпели (он их называет «молоты») не уничтожались и работники при чеканке монет по ошибке схватывали один из них и «выбивали им одну из сторон монеты»⁴. Однако, учитывая специфику организации монетного двора, это явление можно объяснить только тем, что во время ин-

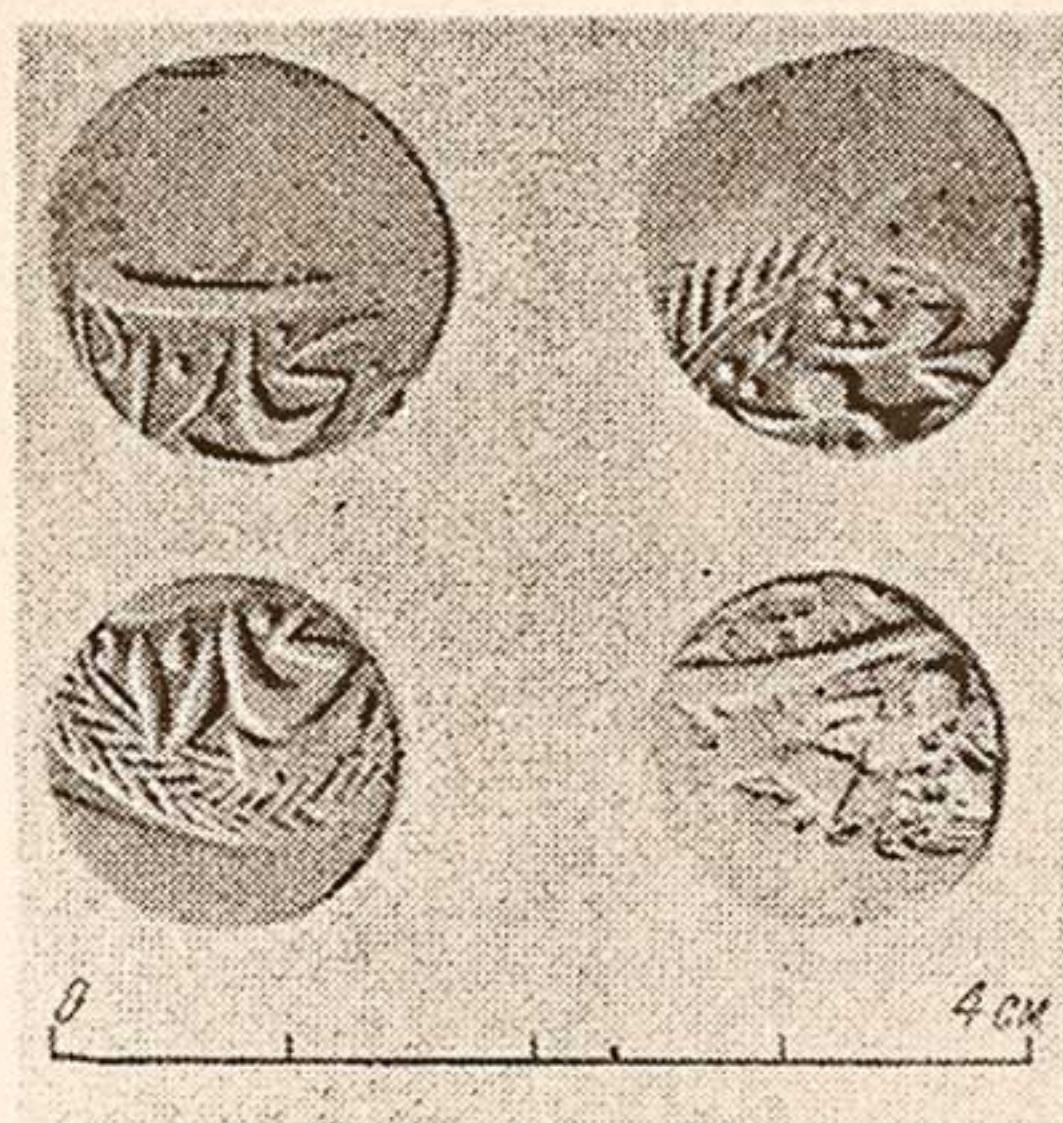

Рис. 1. Бухарские монеты с техническими дефектами.

тенсивного передела, когда чеканка производилась сразу в нескольких мастерских, чеканщикам вместе с новыми штемпелями выдавались и наиболее сохранившиеся старые. Указанные выше монеты свидетельствуют, что иногда один и тот же штемпель мог употребляться при чеканке в течение нескольких лет (1301—1299 г. х.).

Средний вес серебряных монет эмира Насруллы равен 2,98 г, Музаффара—3,06 г и Абдулахада—3,15 г. Вес монет стал более близким к весовому этало-

ну, равному 3,36 г, по всей вероятности, благодаря установлению протектората России над Бухарой и расширению торговых связей с ханством. Вес мангытских монет также был близок к эталону⁵.

Химический анализ, сделанный в Лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР, дает очень высокую пробу теньги — от 80 до 99% серебра.

Интересно отметить, что в денежном обращении 1916 г. монетный материал эмиров Музаффара и Абдулахада представлен почти всеми годами чеканки. Даже в годы военных действий против России эмир Музаффар продолжал чеканку

⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Монеты Бухарские и Хивинские, ТВОИАО, ч. IV, 1859, стр. 425.

⁵ Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., Душанбе, 1964, стр. 294.

теньги, так как чеканка монет на Востоке была одним из главных атрибутов власти.

Однако в период правления следующего эмира Абдулахада наступает семилетний перерыв в чеканке серебряных монет с 1311 г. х. (1893) по 1319 г. х. (1901).

Курс основной денежной единицы ханства — серебряной теньги, постоянно колебался из-за различных причин: от наплыва или недостатка русских кредитных билетов, от количе-

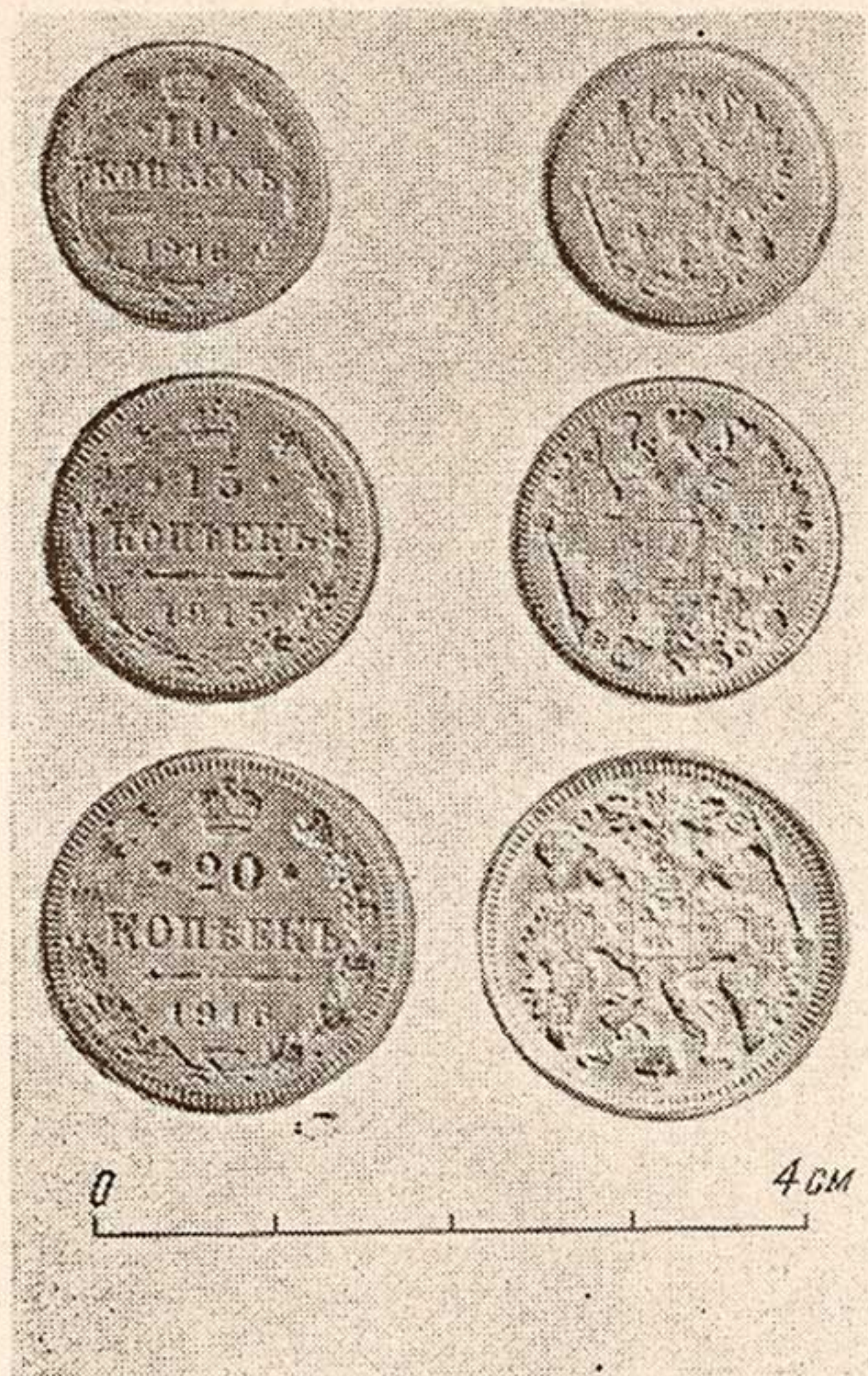

Рис. 2. Русское разменное серебро достоинством от 10 до 20 копеек.

ства в обращении иностранной монеты, от повышения или же понижения цен на серебро и т. д. Кроме того, ежегодно курс теньги повышался осенью в период скупки хлопка. Летом 1893 г., вследствие внезапного понижения цены на серебро на мировом рынке и прекращения свободной чеканки рупий в Индии, в Бухаре произошло небывалое падение курса тень-

ги⁶. Существование в пределах Российской империи самостоятельной денежной системы Бухарского ханства отрицательно сказывалось на торговых операциях русского капитала в Бухаре, экономика которой определялась связями с Россией. Русская администрация стремилась ликвидировать денежную систему Бухары. В 1893 г. чеканка серебряной теньги на Бухарском монетном дворе была временно приостановлена. После семилетнего перерыва, в результате неоднократных ходатайств эмира Абдулахада, 11 мая 1901 г. последовал импера-

Т а б л и ц а 2

Дата вы пуска монет	Количество 10 коп.	Количество 15 коп.	Количество 20 коп.
1873	—	—	1
1878	—	—	1
1900	—	4	2
1901	—	1	1
1902	—	9	—
1903	—	15	2
1904	—	6	8
1905	—	29	—
1906	—	44	4
1907	2	18	1
1908	—	19	—
1909	2	11	4
1910	—	1	7
1911	—	7	—
1912	2	—	3
1913	1	2	2
1914	—	5	5
1915	7	39	10
1916	7	6	8

торский указ, разрешивший эмиру отчеканить из своего серебра 25 млн. тенег и передать их, а также имеющиеся в казне эмира 20 млн. тенег в Государственный банк⁷. В 1904 г. чеканка теньги была полностью прекращена. Постепенно бухарские монеты изымались из обращения по курсу 1 теньга — 15 коп. и отправлялись на переплавку на Петербургский монетный двор (рис. 2).

По данным, приведенным в табл. 2, наиболее полной и регулярной была чеканка биллонных монет достоинством в 15, затем в 20 и 10 копеек. Оно и понятно. После фиксации курса

⁶ ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 21; Т. В., 1893, № 30, стр. 1.

⁷ ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 210, л. 101.

теньги большое количество пятнадцатикопеечных монет облегчило бы торговые операции и расчеты.

Весьма интересен факт чеканки монет в военные годы (1914—1916). Первая мировая война подорвала экономику России. Уже «в первые годы войны бесследно исчезли золотые монеты, за ними последовали серебряные — сперва крупные, а затем мелочь. Шаг за шагом с 1915 г. их вытеснила бумага всех цветов»⁸. Хотя во внутреннем обращении России отсутствует разменное серебро, Петербургский монетный

Рис. 3. Иранский динар 1326 г. х.
(1908 г.)

двор продолжает выпускать биллонную монету, и, как видно из монетного материала нашего клада, он представлен здесь всеми тремя номиналами. Основным назначением серебряных монет было содержание армии в Персии⁹ и закупка среднеазиатского хлопка. Даже осенью 1917 г. в Бухару для закупки хлопка было послано разменного серебра на сумму 200 тыс. руб., кроме кредитных билетов и казначейских знаков¹⁰. Расходы на закупку хлопка приравнивались к военным расходам. В неоднократных донесениях политического агента в Бухаре туркестанскому генерал-губернатору указывалось, что местное население не берет русских денег ни в уплату за продукты, ни за труд¹¹. Однако, после окончательного прекращения чеканки теньги в 1904 г., русское серебро в денежном обращении Средней Азии, видимо, стало играть известную роль, свидетельством чего является наш клад. Наличие в кладе двух иранских монет 1908 г. достоинством в 100 динар го-

⁸ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система, Л., 1962, стр. 208.

⁹ R. W. J u l i a n. The coinage of Nicolas II. Seabys coin and medals Bulletin, 1964, No 1—9.

¹⁰ ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 985, л. 10.

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 136, л. 39—46; ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 77, л. 192—196.

ворит об обращении на территории Самаркандской области иранской монеты (рис. 3).

Захоронение клада в 1916 г.—явление не случайное. Общий кризис, охвативший Россию, не миновал и Среднюю Азию. В газете «Туркестанский курьер» за 1914 г. указывалось, что «в Бухаре начался общий денежный кризис... неимоверное падение цен на хлопок и на каракуль — главные произведения Бухарского ханства, начались крахи за крахами, банкротства...»¹². Очевидец этого бухарский историк Мирза Салим-бек пишет: «Тилля и теньга были на руках у людей. Видя обесценивание бумажных денег, они их (монеты.— Р. Б.) припрятавали и на расходы не тратили»¹³. Своеобразной иллюстрацией к словам Мирзы Салим-бека служит кошрабадский клад бухарских и русских серебряных монет.

¹² «Туркестанский курьер», 1914, № 97.

¹³ Мирза Салим-бек. Тарих-и Салими, ркп., ИВ АН УзССР, № 2016, л. 189.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический сборник, Изд-во Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
ИИА — Институт истории и археологии
ИГРМ — Институт геологии рудных месторождений Академии наук СССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИТОИРГО — Известия Туркестанского Отделения Императорского Русского географического общества
ИЭ АН СССР — Институт этнографии Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КТГГ — Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора
ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Императорской Археологической комиссии
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПТКЛА — Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТВОИАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии
УСИИМК — Ученые сообщения Института истории материальной культуры
ЦНИГРИ — Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Яхья Гулямович Гулямов	3
Некоторые итоги археологических работ Академии наук УзССР в 1966 г.	8
Н. Х. Ташкенбаев. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала	11
Р. Х. Сулейманов, Т. М. Мирсаатов. О показателе l/m как критерии отличия нижнепалеолитической техники расщепления кремня от верхнепалеолитической	16
М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен	21
С. А. Семенов. Неолитические кремневые разработки в Учтуте	28
Г. Ф. Коробкова, Т. М. Мирсаатов. Изучение способов древней добычи кремня методом эксперимента (по материалам Учтутской мастерской)	32
А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах	38
Г. Ф. Коробкова. К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры	46
А. Р. Мухамеджанов, Р. К. Камбариддинов. Редкие находки древнейших животных Узбекистана	52
А. Аскаров. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде	56
Х. Дукее. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики	63
Л. И. Альбаум. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа	69
О. В. Обельченко. Миранкульские курганы	80
Л. Л. Букинич. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши	91
У. Алимов. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе	105
Л. И. Брусенко. Раскопки квартала гончаров X—XI вв. на городище Афрасиаб	115
А. Р. Мухамеджанов. Средневековые мосты-водоизмерители на Зарафшане	124
М. Аминджанова. Археологическая разведка в Зааминском районе. (Материалы к археологической карте Узбекистана)	137
М. Пачос. Две находки из Афрасиаба	143
И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв.	146
Н. С. Гражданкина. Из истории гончарного ремесла в Узбекистане. (Результаты химико-технологического исследования бытовой черноангобированной керамики)	152
В. Я. Зезенкова. Некоторые краниологические данные курганов Калкансая	161
Б. В. Лукин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным)	169
М. Н. Федоров. Нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в.	193
Р. З. Бурнашева. Кошрабадский клад бухарских и русских монет (середина XIX — начало XX в.)	200
Список сокращений	207

„ФАН“